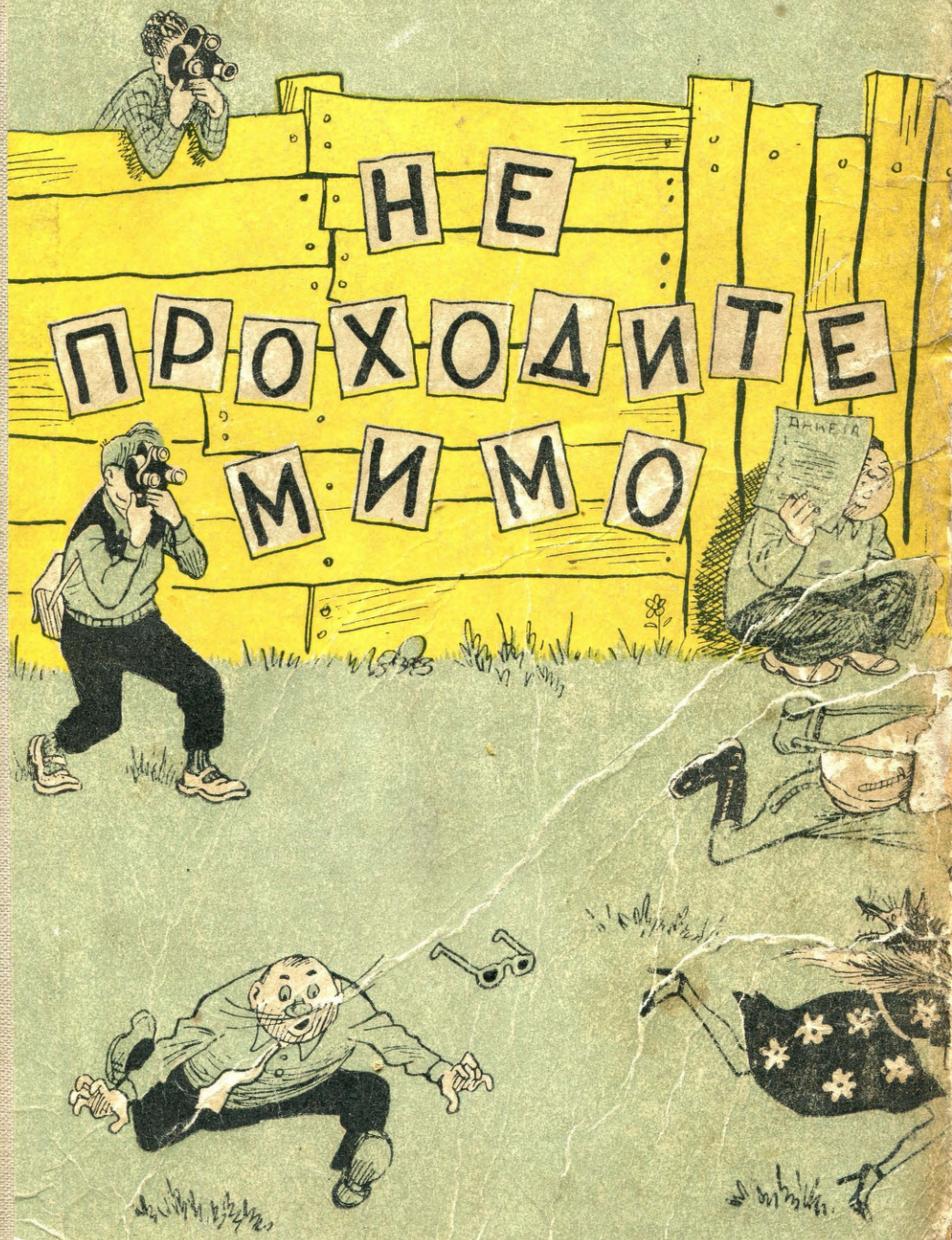

НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО

БОР. ЕГОРОВ, ЯН ПОЛИЩУК,
БОР. ПРИВАЛОВ

Иллюстрации Е. Ведерникова

**«Увидев
безобразие,
не проходите
мимо».**

В. МАЯКОВСКИЙ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Здание студии документальных фильмов носило транспортный отпечаток. Вестибюль был холоден и гулок, как зал ожидания пассажиров дальнего следования.

На студии стоял вокзальный гомон. Прибыл из командировки очередной кинообоз. Приехавшие метались среди колонн фасада. Механики из фонотеки, пользуясь случаем, записывали шум приезда: создавалась коллекция звуковых консервов. Грохот заготовлялся впрок для озвучивания кинофильма «Тише едешь — дальше будешь».

Творцы фильмов со сноровкой бывалых транзитников волокли предметы съемочного обихода. Не посвященный в тайны хроникально-документального производства увидел бы здесь однородную творческую массу. Студийный же старожил с первого взгляда определил бы, на какой ступеньке служебной лестницы застряли те или иные кинотруженики. Все определялось вещью, при которой они находились.

Уделом румяных стажеров была тяжелая осветительная аппаратура. Веру, надежду и любовь излучали их сверкающие, как софиты, глаза. Ассистенты горделиво тащили штативы. Это была следующая степень творческого доверия. Ее заслуживали отдельные лица, достигшие, как правило, тридцатилетнего возраста, имеющие высшее образование и прослужившие на студии не менее трех лет беспорочно. Точная оптика находилась в руках вторых операторов, людей выше среднего возраста. Многие из них втайне от сослуживцев уже писали мемуары «Узник съемочной камеры». Первые операторы — пожилые мужчины с проплешью — расхаживали налегке, размахивая, словно кадилами, ручными киноаппаратами. И все-таки самый тяжелый груз выпал на долю режиссеров, хотя в руках у них ничего не было. Они несли ответственность.

Остроносый блондинчик стажерского возраста бодро лавировал среди студийной сутолоки. Вместо полагающейся ему

по рангу тяжести он почему-то держал в руке обыкновенную папиросную коробку. Заметив брошенный посреди вестибюля ящик, блондинчик нахмурился и грозно повел носиком.

— Эй, старики! — крикнул он. — Работа есть! Можаяв, Благуща! Быстро!

Двое молодых людей направились к блондинчику. Первым подоспел Можаяв, кудрявый брюнет с трубкой в зубах. Высокий юноша в больших роговых очках — Благуща — шагал степенно и неторопливо. Его мощным плечам, прикрытым спортивной двухцветной курточкой, мог позавидовать любой тяжелоатлет.

— Благуща прибыл! — доложил очкастый.

— Вот, — сказал блондинчик и повел носом в сторону ящика. — Надо быстро оттащить в подвал. Работа сдельная, хи-хи... Я бы и сам отнес, да некогда. Протарзанов папирос ждет.

И блондинчик, подхихикнув, умчался.

— Глумится, — добродушно улыбаясь, произнес Благуща. — Знает Власий: в последней экспедиции меня опять использовали как грубую тягловую силу. Установил я межстудийный рекорд по тасканию штативов.

— Гиндукушкину этот номер безболезненно не пройдет, — сердито сказал кудрявый брюнет. — Но ящичек-то действительно нужный предмет обихода. Раз-два — взяли...

Ящик поплыл по лестнице, ведущей в подвал.

— Помнишь, Юра, год назад, когда мы получали операторские дипломы, — пустился в лирические воспоминания Благуща, — нам казалось, что до создания хроникальных шедевров рукой подать. — Он браво нес ящик одной рукой, а другой отпихивал чересчур близко пробегающих кинодокументалистов. — Как говорят у нас в Виннице, «помазали губы медом, а облизати не дали».

— Давным-давно нам, Мартын, пора в самостоятельную путь-дорогу, — сказал Можаяв со вздохом. — Надо коллективно таранить начальство... Хотя бы один сюжетик получить на двоих... В противном случае придется перейти работать на эстраду. Ты будешь вроде Тарапуньки...

Оттащив ящик, Можаяв и Благуща вернулись в вестибюль. Народу значительно поубавилось: прибывшие уже разбежались по студии.

Прямо на операторов двигался полный молодой человек в мохнатом демисезонном костюме. Из бортов пиджака густо выпирал подкладочный волос. Начинаящий толстяк утопал носом в раскрытой папке.

— Костя! — обрадованно закричал Благуща. — Подними глаза!

«За-за-за!» — подхватило эхо под вокзальными сводами.

— Приветствую в вашем лице, товарищ Шишигин, — произнес Можаяев скучной скороговоркой, — не только редакторский актив студии в целом, но и персонально главу сценарного отдела...

«Дела-дела-дела...» — подтвердило эхо.

— Минуточку, — не отрываясь от чтения, сказал Костя Шишигин и быстро забубнил: — «Крупным планом ее лицо. Она улыбается, глядя на произведенную ею шайбу. Аппарат отходит. Затемнение». Все!.. А-а! Здорово, ребята! Вы вместе — ходячая диаграмма: долговязый Мартын Благуша — количество художественных фильмов в сороковом году, а недомерок Юрий Можаяев — урожай прошлого года.

— Ах, краще было бы наоборот! — печально улыбнулся Мартын.

— Чего же тут удивительного, — взмахнул погасшей трубкой Юрий, — если даже такие мастера, как мы с Мартыном, находимся в простое. Правда, мы к художественным фильмам прямого отношения не имеем, но...

Обычно округлое лицо Шишигина от улыбки стало овальным.

— Подумаешь, какой-нибудь годик не доверяют самостоятельного сюжета! Другие по пять лет бьют баклуши. Ибо сказано, чада мои, в священном писании — вы, конечно, по необразованности не читали этого альманаха: «оставайтесь в Иерихоне, пока не отрастут бороды ваши».

— Зажимают молодых, — беззлобно сказал Благуша. — Ты бы, Костя, как член художественного совета, устроил нам сценарий! Вспомни молодость и общежитие, в котором мы провели три года...

Мартын умоляюще улыбнулся.

— Сто тринадцатый вариант мартыновской улыбки, — заметил Юрий, поглядев на своего товарища. — Никто, Костя, не умеет улыбаться так, как Мартын. От его улыбки тают сердца девушек. Но, к сожалению, на начальство она не действует... И на тебя тоже...

Мартын снова улыбнулся, на этот раз смущенно, и, чтобы чем-то заполнить паузу, сказал:

— Помоги, Костя, мы же старые-престарые товарищи. Вспомни...

— При чем тут воспоминания? Зачем здесь лирика? — воскликнул Шишигин, и глаза его засветились лукавством. — Для чего же я стал руководящим товарищем?! Мой первейший долг угнетать молодых.

— Ну, это мы еще посмотрим, кто кого, — сказал Можаяев. — Меня лично начальство уже пугается. По самым скром-

ным подсчетам, я общался с Леденцовым тридцать два раза, с Фениксовым — шестнадцать.

— И в конечном счете, — добавил Мартын, — получается какая-то ерунда.

«Да-да-да...» — охотно поддержало эхо.

Шишигин оглядел многоголосые своды.

— Каждый раз удивляюсь, почему наш уважаемый директор товарищ Фениксов не проводит здесь заседания худсовета. С таким эхо вопрос о молодых мы решили бы сразу... Ну что ж, загляну к директору... А пока не мешайте изучать творческие заявки. — И Шишигин, уткнувшись носом в очередной лист сценария, побрел дальше по вестибюлю.

Из-за угла выскочил остроносый блондинчик.

— А-а, Гиндукушкин! — схватили его за руки Мартын и Юрий.

— Как жизнь в искусстве, старики? — невинно глядя на операторов, спросил Гиндукушкин. — Все еще мечтаете о персональных сюжетах? Тогда можете считать, что я самой судьбой послан вам навстречу...

— Еще бы! — сказал Юрий, не выпуская Гиндукушкина. — Ты вхож в поднебесные сферы. При свете в спутниках-адъютантах состоишь. Пусть он нам поможет в горе-злосчастье.

— Давно бы так, — почему-то обрадовался Гиндукушкин. — Я похлопочу. Мэтр прислушивается к моему мнению... Можете считать, что суточные и гостиничные у вас в бумажнике. Виктор Викторович отыщет пути... Мастерство, находчивость, опыт! Хотите, расскажу потеху об одном режиссере? Только, старики, чтоб это было между нами.

Не дожидаясь согласия, Гиндукушкин подхватил молодых людей под локотки и, увлекая за собой, что-то жарко зашептал.

— А ты, Влас, всезнайка, — промолвил Можяев, — бродячая энциклопедия слухов.

— При чем тут слухи? — обиделся ассистент-адъютант. — За мелкие детали не ручаюсь, но по каждому факту могу представить охапку доказательств. Голову даю на отсечение!

— А я бы на твоём месте обращался с головой бережнее, — заметил Юрий. — Все-таки единственный экземпляр. И даже этот экземпляр мог бы принести пользу прогрессивному человечеству... Почему ты молчишь? Ну, хотя бы о том, что сейчас рассказал? Ведь за подобные делишки такого режиссера давно под суд надо...

— Брось, Юра, свои привычки, — Гиндукушкин покрутил носом. — С искусством надо быть деликатнее. Мне что, больше всех надо? Мне что, не хватает конфликтов в жизни? Ну, старики, станьте во фронт: я сейчас Виктора Викторовича приведу! — и он нырнул за вельветовую портьеру.

— Чего это нынче Гиндукушкин такой услужливый? — удивленно сверкнул очками Мартын. — Байки рассказывает, под ручку с нами прогуливается...

Портьера колыхнулась и отлетела куда-то в сторону. Из-за нее показался статный седоголовый мужчина в костюме стального цвета. Известный всему киномиру галстук тигровой масти ниспадал ему на грудь.

Можаяев и Благуша невольно подтянулись.

— Здравствуйте, Виктор Викторович!

— Мои юные друзья! — дрогнувшим голосом произнес Протарзанов и гостеприимно распахнул руки. — Я глубоко рад нашей встрече! Мои ученики — искры моего сердца! Ваши невзгоды печалят меня! Я обязан, я должен оказать вам помощь!

Мартын и Юрий зачарованно смотрели на мэтра.

— Идемте к директору, мои юные друзья! Мы убедим его. Вы получите фильм. Это обещаю вам я — Протарзанов!

...Благуша и Можаяев относились к своему бывшему профессору с уважением. Им льстило, когда их называли протарзанцами.

Виктор Викторович был широко известен публике еще до своего перехода на хроникально-документальную студию. Тогда он творил шедевры в художественной кинематографии. Его обольстительную улыбку, седую гриву волос и знаменитый полосатый галстук знали тысячи киноболельщиков по фотографиям и открыткам. Поклонницы называли Виктора Викторовича сердечно: «наш Протарзанчик». Коллеги именовали его «Витей в тигровом галстуке». Студенты почтительно говорили «мэтр», и это приятнее всего щекотало протарзановское самолюбие...

...Виктор Викторович с достоинством вел бывших учеников к главе студии. Гиндукушкин семенял рядом.

— Я имею в виду одну ленту, мои юные друзья, — говорил Протарзанов. — Она создана для вас. Внешне, пожалуй, не эффектна. Но вы, опираясь на мой опыт и мою систему, сможете вскрыть внутренние возможности сценария. Подождите здесь! Да, кстати, а если меня спросят: знают ли жизнь ваши юные друзья? Ведь только накопленный опыт, знакомство с суровой правдой жизни служат залогом успеха... Если директор спросит меня...

Благуша встал почему-то по стойке «смирно» и принялся излагать свою биографию в эпических тонах:

— Я, Виктор Викторович, с Украины, из Винницы. Мой дед еще в тысяча восемьсот...

Протарзанов поморщился.

— Основные вехи, мой друг, основные вехи... Кем были до вуза, что делаете сейчас...

— Никем я не был, — смущенно улыбнулся Мартын и начал протирать очки. — Пряменько из средней школы в институт, к вам... А сейчас... сейчас вот о самостоятельной работе мечтаю.

— Чудесно, — похлопал Мартына по плечу Виктор Викторович. — Ну, а вы, Можаяев?

— А я думал, что вы со мной знакомы, — начал было Юрий, но Гиндукушкин, уловив легкое недовольство во взгляде мэтра, угодливо затараторил:

— Можаяев — бывший моряк, был после войны киномехаником, увлекся кинематографом, поступил в вуз.

— Как в отделе кадров, — усмехнулся Юрий и задымил трубкой.

— Фи, — поморщился Протарзанов, — мой юный друг, какой табак вы курите?

— По окладу, Виктор Викторович, — ответил Можаяев, — на «Золотое руно» денег не хватает.

— Мужайтесь, — улыбнулся Протарзанов и исчез в дверях директорского кабинета.

То ли Шишигин уже успел поговорить о Можаяеве и Благуше, то ли мэтр имел отмычку к директорскому сердцу, но ровно через пять минут с четвертью Протарзанов вышел из кабинета, небрежно размахивая какой-то папкой.

— Поздравляю с днем рождения съемочного коллектива, мои юные друзья! Я взял для вас сценарий! — провозгласил Виктор Викторович, вручая операторам папку. — Надеюсь, ваше содружество окажется плодотворным. Идите, снимайте и дерзайте! Любите суровую правду жизни, как я! Будьте достойными продолжателями моего дела!

И мэтр, милостиво пожав молодым людям руки, удалился уверенной, красивой поступью.

— Качать меня не надо, — сказал Гиндукушкин, быстро пожимая руки ошалевшим от счастья операторам. — Мчитесь в бухгалтерию, оформляйте командировку, хватайте деньги — и на вокзал... Поезд в Красногорск отправляется в семнадцать ноль-ноль. Гип-гип-ура, старики!

И он помчался догонять мэтра.

Мартын и Юрий долго и нежно глядели на измятый экземпляр режиссерского сценария. Потом новорожденный съемочный коллектив направился в бухгалтерию...

...Виктор Викторович и Гиндукушкин стояли на крыльце-перроне и ждали личное протарзановское авто. Из студии вышел Костя Шишигин, как обычно погруженный в чтение очередного сценарного шедевра. Наткнувшись на Протарзанова, он вынырнул из рукописи.

— Простите, Виктор Викторович... хотел поговорить о ваших бывших учениках — Можаяеве и Благуше.

— Надо дело делать, а не разговаривать, — веско сказал Виктор Викторович и поглядел на подхихикнувшего Гиндукушкина. — Я уже отправил моих юных друзей в первую самостоятельную творческую командировку... Я убедил директора дать им сценарий.

— Ну? — ахнул Шишигин. — Вот это да! И что они будут снимать?

— «Дружную семью» Бомаршова, — пояснил Гиндукушкин.

— «Дружную семью»? Постойте, постойте... Да ведь это негодный сценарий! Его приняли в то время, когда я был в отпуску. Бомаршов — ваш старый приятель, Виктор Викторович, и вы его халтуру все время протаскиваете!

— Не надо громких слов! — поморщился Протарзанов. — Бомаршов — большой писатель, его знают все. Я сам еду снимать бомаршовский сценарий... только другой...

— Подсунуть молодым такое утильсырье! — Шишигин огляделся, словно ища помощи. — Где Благуша и Можаяев? Вы их не видели? Они еще на студии?

— Сейчас четверть шестого, — торжествующе сказал Гиндукушкин, — а поезд в Красногорск отошел ровно в пять.

— Ясно, — вздохнул Шишигин. — Я только не понимаю, зачем вам это нужно, Виктор Викторович? Ведь вы тоже поедете в Красногорск? Вы бы могли снять там оба сюжета Бомаршова.

— Вы всегда ищите черные пятна в светлых поступках, — сказал Протарзанов, спускаясь по ступенькам к машине. — Наобещали своим друзьям бог знает что, а я без всяких деклараций пошел, уговорил, вручил... Кланяйтесь знакомым!

Шишигин прислонился к колонне.

— Чтобы не снимать этого сценария, он спихнул его ребятам. А потом его поклонники будут кричать: «Вот, глядите, на материале одной и той же области мэтр снял шедевр, а ребята...» Надо что-то придумать. Если отозвать их, то они мне этого не простят... Только-только получили работу и вдруг... Что же делать, что делать?..

ТОПОЛИНАЯ МЕТЕЛЬ

На улицах Красногорска бушевала тополиная метель. По мостовой и тротуарам подгоняемый ветром ползал тополиный пух. Ватные вихри кружились во всех закоулках и подворотнях. Собаки самозабвенно гонялись за хлопьями и чихали, попав в пушистые облака.

Дворников, если даже они и не имели метел и фартуков, можно было отличить от прочих сограждан по отчаянию на лицах:

«Сколько ни работай, чисто не будет!..»

Юрий Можаяв и Мартын Благуша шагали по Неполной Средней улице, вдоль изгороди городского парка.

«Стой! — кричали фанерные щиты. — Запасся ли ты маской к XIII общегородскому карнавалу?»

— Надо было бы осчастливить местный карнавал своим присутствием, — сказал Благуша. — Может, купим маски, Юра?

— Возможно, нам уже сегодня придется покупать не маски, а обратные билеты, — задумчиво произнес Юрий. — Ты об этом не подумал? Вдруг Калинкина категорически откажется сниматься?

— Младенческая наивность, — отмахнулся Мартын. — Я не верю тому, что она зазналась, прогоняет корреспондентов... В облисполкоме что-то напутали...

— Но ты же слышал, — сказал Юрий, — что все приезжие корреспонденты почему-то снимают именно семью Калинкиных. А ведь здесь много и других матерей-героинь. Вот она и капризничает, голова у нее кружится от славы.

Операторы свернули в парадное дома номер шесть. Квартира Калинкиных находилась на первом этаже, и Можаяв трепетной рукой утопил кнопку звонка.

Дверь открыла светловолосая миловидная девушка в красном платье.

— Знаю, знаю! — закричала она. — Вы операторы кинохроники! Нам сейчас звонили из облисполкома. Проходите, пожалуйста!

— А вы, — галантно проворковал Благуша, — Надежда Калинкина? Я видел вашу фотографию в спортотделе исполкома. Я узнал бы вас среди тысячи...

— Я не Надя, — сказала девушка, рассмеявшись. — Я Вера Калинкина...

— Отсутствие зрительной памяти — страшный бич оператора, — начал было Юрий и уже бросил на Мартына сочувственный взгляд, как в коридор вошла девушка в голубом платье. Голубая и красная девушки походили друг на друга, как две марки одной и той же серии.

Мартын оторопело улыбнулся, даже помотал головой, дабы более объективно воспринять реальную действительность.

— Вот и Надя, — сообщила Вера. — Нас часто путают.

— У нас в сценарии, — снимая шляпу, сказал Юрий Можжев, — ничего не говорится о двойняшках... Так что обвинение в отсутствии зрительной памяти я с вас, товарищ Благуша, снимаю...

В большой комнате было сумрачно. Полуденное солнце тщетно старалось пробиться сквозь трикотажные портьеры, по которым порхали стаи мхатовских чаек. За все свое последующее пребывание в Красногорске операторам ни разу не удалось увидеть какой-нибудь другой рисунок на занавесках областного производства. Очевидно, местная ткацкая фабрика откликнулась раз и навсегда на все юбилеи столичного театра.

Надя подошла к окну и разогнала чаек по углам. Солнце засверкало на хрустальной вазе, в которой цвел букет гладиолусов. От очков Мартына по стене забегали два зайчика. Выяснилось, что у Веры и Надежды глаза синие и немного лукавые, что на столе лежал не фамильный альбом, как это вначале показалось, а «Книга о вкусной и здоровой пище», и что на ковре, который занимал всю стену, изображен поединок льва с человеком. От времени ворс на морде хищника повылез, образовалась лысина. Она придавала грозному хищнику благодухный, одомашненный вид.

— Это очень приятно, когда тебя снимают для экрана, — сказала Вера. — Не правда ли, я фотогенична?

— Ну, положим, снимать будут не нас, а маму, — поправила Надежда.

— И вас тоже, — уточнил Юрий. — Ведь недаром фильм называется «Дружная семья».

— Мне Альберт рассказывал что-то о сценарии, но я забыла, — небрежно сказала Вера и тотчас же пояснила: — Альберт — это сын драматурга Бомаршова, мой жених. Кстати, вы можете снять нашу свадьбу. Свадьба с операторами! Все знакомые умрут от зависти! Мама, ты слышишь? Мою с Альбертом свадьбу будут снимать для экрана!

Дверь, ведущая из передней в кухню, распахнулась, и на пороге появилась старушка в синем фартуке. Ее седые волосы были гладко зачесаны. Из-под пенсне со старомодной дужкой, которое придавало лицу строгий, назидательный вид, текли слезы. Старушка плакала. В руке она держала разрезанную луковичу.

— Здравствуйте, — сказала Пелагея Терентьевна, оглядывая гостей. — День добрый!

Юрий возможно учтивее раскланялся. Мартын, как всегда в подобных случаях, обаятельно улыбнулся и тоже постарался поддержать репутацию воспитанного человека.

— Бульба, — произнес Мартын, приюхиваясь к плывущим из кухни гастрономическим ароматам. — А-ля рошфор!

Пелагея Терентьевна с любопытством оглядела высокого юношу в очках.

— Вы имеете кулинарное образование? — спросила она Благушу.

— Высшее потребительское! — уточнил Юрий. — Готовить не умеет, но ест абсолютно все.

— Бульба а-ля... — вздохнул Мар-

тын, — с детства мое любимое блюдо!

— Если бы я была вашей мамой, я бы выучила вас говорить, — сказала Пелагея Терентьевна, — вместо всяких там «а-ля» просто «картошка с жареным луком».

И Калинкина-старшая скрылась в кухне.

— Кулинария — мамина страсть! — объяснила Надя. — Товарищ Благуша чуть-чуть не покорил

ее сердце. Но не печальтесь — вы сумеете это сделать позже. Сколько еще маминих лекций о вкусной и здоровой пище придется выслушать вашей съемочной группе! Вот, например...

— Умоляю тебя, Надежда, — запротестовала Вера, — только не демонстрируй свои самостоятельные таланты. Твои пародии всем уже надоели.

Надя, не обращая внимания на Верину просьбу, встала в позу, поправила на переносице воображаемое пенсне и голосом Пелагеи Терентьевны произнесла:

— Кулинария — самое позабытое, позаброшенное из искусств! Есть любят все... Но готовить умеет по-настоящему лишь полпроцента населения! Поэтому в жизни и происходит столько неувязок. А ведь если бы все жены умели кулинарничать, количество разводов уменьшилось бы вдвое! Если бы все начальники приходили на службу после хорошо приготовленного завтрака, количество выговоров подчиненным сократилось бы втрое...

— Ой, к нам гости! — перебила Вера.

— Кто там еще? — высунулась из кухни Пелагея Терентьевна.

— Внимание! Внимание! — раздался бодрый голос. — Через пять минут начинаем репортаж!

Калинкина-старшая захлопнула всерьдцах дверь. На пороге комнаты появился бледный мужчина со взором горящим.

— Саша! Вноси аппаратуру! — бросил он через плечо и представился:

— Радиореporter предпоследних известий!

Сгибаясь под тяжестью двух звукозаписывающих сундуков, в комнату втащился хмурый техник.

Бледный мужчина со взором горящим оглядел присутствующих и остался доволен:

— Сыновья и дочери представлены прилично. А где сама мама-героиня?

— В кухне, — сообщила Вера.

— Мы, простите, не Калинкины, — заметил Юрий.

— А-а, значит, зятя? Мужья, так сказать, дочерей? И это неплохо! Все равно одна семья... Значит, она на кухне!

И радиомужчина выскочил из комнаты. Вера поспешила за ним.

— Мама не простит, если ей помешают колдовать над этим... как вы говорили? А-ля... — усмехнулась Надя.

— Картошка жареная с луком! — отрапортовал Благуша.

— И вообще она не любит корреспондентов. Если хотите знать почему, то я могу предъявить вам вещественные доказательства...

Надя достала из тумбочки пачку вырезок и вручила их Юрию. Операторы стали рассматривать журнальные вкладки, газетные фотоокна и портреты из брошюр Сельхозгиза. Почти везде Калинкина-старшая сидела в кресле за вязкой чего-то шерстяного. У ног ее примостилась на стульчике-лилипите внучка-дошкольница. Глубокомысленно улыбаясь, она читала бабушке передовицу из «Красногорской правды».

— Сразу видно, что Пелагея Терентьевна не любит сниматься, — подытожил Юрий. — Вот и пришлось всем перепечатывать одно и то же фото.

— Наоборот, — усмехнулась Надя, — потому-то мама и перестала фотографов в дом пускать, что все они снимают ее одинаково. Ведь это работы разных корреспондентов!

— Вы придирчивы, — сказал Мартын, обезоруживающе улыбаясь. — Есть варианты! Вот тут, например, клубок шерсти побольше, а вот даже котенок привнесен для углубления характеристики быта...

— Если учесть, — сказала Надя, — что фотограф привнес своего личного котенка, то можно восхититься оригинальностью замысла. Но беда в том, что котенок для мамы не типичен: она кошек видеть не может.

В дверях снова появился бледный мужчина со взором горящим.

— Саша! Дай мне бумажку с вопросами-ответами! Ну, которая у тебя в магнитофоне лежит.

И, схватив листок, радиокomentатор выбежал из комнаты.

— Вы знаете, какие у него вопросы к маме? — спросила Надя операторов.

— Я не умею, к сожалению, отгадывать мысли, — развел руками Юрий.

— Значит, вы недавно работаете, — сделала вывод Надя. — А я посмотрелась репортеров самых разных ведомств

и изданий. Фотографам, тем непременно нужно вязанье и внучка. Причем обычно на роль внучки берут соседскую девочку... А очеркисты, те задают четыре вопроса: «состав семьи?», «помните ли революцию в деревне?», «как выполняют дети производственный план?» и «занимают ли члены семьи выборные должности?». Вот, слышите?

Операторы прислушались. На кухне шел громкий разговор: радиореporter и Вера уговаривали Пелагею Терентьевну ответить на несколько вопросов, заготовленных редакцией предпоследних известий.

— Мы вещаем на всю страну! — кричал репортёр. — Миллионы слушателей сидят у приемников и ждут вас, мама! Всего четыре вопроса-ответа: «помните ли вы революцию в деревне?», «как дети выполняют производственный...»

— Не мешайте мне готовить! — послышался голос Пелагеи Терентьевны. — Вот Вероида хочет записываться. Ее и накручивайте на пленку.

— Я никогда не слышала своего голоса в эфире, — томно произнесла Вера. — Это так оригинально.

Юрий уже несколько минут нетерпеливо ерзал на стуле.

— Знаешь что, — сказал он Мартыну. — Я не могу спокойно слышать этот разговор. Сейчас пойду и возьму за локоток настырного радиовещателя...

— Ну, вот опять ты лезешь в историю, — вздохнул Мартын. — Какое тебе дело? Не обращай внимания.

Юрий вспыхнул.

— Брось ты свое примиренчество-всепрощенчество. Можно подумать, что ты всю жизнь питался манными котлетками. «Не обращай внимания!» И это говорит потомок вольных запорожцев, ростом в сто восемьдесят сантиметров и весом в девяносто шесть килограммов. Я бы при такой комплекции...

В этот момент в комнате появился радиочеловек.

Юрий приготовился было к проникновенному разговору с репортёром, но тот уже бубнил в микрофон. И то, что услышал Можжаев, заставило его на время отложить нравоучительную беседу.

— Наш микрофон установлен на квартире Тимофея Калинкина. Здесь сегодня радостная атмосфера — приехала на побывку мать-героиня Пелагея Терентьевна! Тут же дочери, сыновья, молодая поросль Калинкиных... Семья Калинкиных часто собирается вместе, хотя она и разбросана по всей области. А сын Феликс совсем далеко — он поехал осваивать целинные земли. Дорогой Феликс! Семья передает тебе свой материнский привет! Итак, напоминаю, часть семьи Калинкиных живет в колхозе: сама Пелагея Терентьевна, ее муж Прохор Матвеевич, сын Андрей — инженер и дочь — телефонистка Ольга.

В поселке Кожкомбината живет самый младший из детей — закройщик Николай. У нас же, в Красногорске, проживают Тимофей Прохорович — глава облторга, Елизавета Прохорова — артистка эстрады, студентка Вера и сотрудница городского бюро находок Надежда. Имеется еще один брат — Владимир, автомеханик станции обслуживания на трассе Красногорск — Ялта. Это недалеко от Кудеярова... Но сегодня такой радостный день — мама приехала в город, и вокруг нее собрались почти все дети... Саша, выключай! Уф-ф! Веселый смех мы наложим потом. Теперь выступление мамы. Как вы думаете, она категорически отказалась? Или не категорически?

— Почему же? — удивилась Вера. — Вы такой красноречивый, вы ее уговорите.

Радиокомментатор снова скрылся в кухне.

— Простите, — сказал, ошеломленно улыбаясь, Мартын. — Но он что-то напутал в своем тексте...

— Действительно. Разве вы все живете врозь? — забеспокоился Юрий. — И Пелагея Терентьевна только изредка наезжает в город? У нас в сценарии написано, что все Калининны живут дружной семьей и под одной крышей...

— Все, что было сказано в микрофон, — абсолютная правда, — заметила Надя. — А собрать нас действительно очень трудно...

— Вы рассеяны по области, — пробормотал Можаяев, — а как же мы будем вас снимать?

Операторы были настолько обескуражены этим открытием, что совершенно растерялись. Словно сквозь сон, Можаяев и Благуша слышали, как еще раз отреклась от радиорепортажа Пелагея Терентьевна, как предприимчивый деятель записал на пленку выступление Веры, как Надя долго объясняла, что Мартын и Юрий приезжие, а бледный мужчина бормотал: «Это какие-нибудь братья, зятья или шурины, а вы от меня их хотите скрыть. Учтите, миллионы сидят и ждут... Саша, тащи!»

— Саша, стоп! — прозвучал голос Можаяева. — Подождите, я поговорю с вашим начальником.

— На какие темы? — спросил радиомужчина.

— На морально-этические.

— По этим вопросам я принимаю после работы, — быстро проговорил радиореporter и, позабыв проститься, исчез в сопровождении верного техника.

Собралась уходить и Вера.

— Если Альберт заедет, — сказала она Наде, — то передай ему — я в ателье. Впрочем, не надо: пусть в другой раз не опаздывает.

— Какая честь! Я имею возможность поговорить с твоим Альбертиком! — лукаво заметила Надя.

— Ты просто завидуешь! — надевая голубую шляпку с зеленой вуалеткой, прошебетала Вера. — С вами, — она чарующе поглядела на операторов, — я не прощаюсь... Мы еще увидимся!

— Ну, Юра, что будем делать? — пробормотал Мартын.

— Писать письмо на студию! — решительно заявил Юрий. — Ведь мы не можем снимать без сценария.

— Все ушли? — высунулась из кухни Пелагея Терентьевна. — Ну и слава богу... А-а, вы еще тут, — заметив операторов, разочарованно покачала она головой.

Калинкина-старшая, уже без фартука, в темном платье-костюме, вошла в комнату. Искоса поглядывая на Можая и Благушу, Пелагея Терентьевна вершила бездну мелких домашних дел: завела стенные часы, вытерла пыль с буфета, что-то поколдовала возле шкафа, что-то передвинула, что-то одернула, что-то переставила.

— Вы на нас так смотрите, — засмутился Юрий, — словно мы уже совершили что-то нехорошее.

За окном послышался автомобильный сигнал.

— Принц Альбертик за Веройдой приехал! — произнесла Пелагея Терентьевна. — Скажи ты, Надежда, ему, что, мол, дома невесты нет... Я бы и сама с ним поговорила, да видеть мне его противно...

— Пусть кто-нибудь из мужчин подойдет к окну и объяснит жениху, что он опоздал. Мужчина в данном случае произведет большее впечатление.

Юрий, расправив плечи, направился к окну. Упершись ладонями в подоконник, он взглянул на улицу. Возле тротуара стоял белый фаэтон, очень похожий на летний модельный полуботинок. Около него прогуливался гривастый молодой человек в сиреновом пиджаке и клетчатых, как шахматная доска, брюках. Одной рукой юноша то и дело приглаживал тоненькие, словно крысиные хвостики, усы, в другой вертел букетик цветов.

— Пардон! — заметив Юрия, сказал молодой человек. — Мне нужна Вера Прохоровна!

— По поручению семейной общественности, — с подчеркнутой любезностью произнес Можая, — я должен заявить, что Веры дома нет. Она вас ждала и ушла. Звуковые эффекты можно прекратить. Есть дополнительные вопросы?

— Благодарю вас, сэр, — вежливо сказал долготривый. — Олл, как говорится, райт!

Он ловко вскочил в автомобиль, захлопнул дверцу и включил мотор. Фаэтон плавно отчалил от тротуара.

— Вот я и оказался замешанным в семейные интриги, — сказал Юрий. — Простите за нескромный вопрос, Надежда

Прохорова: чем объясняется ваша неприязнь к этому машиновладельцу? Ведь он Верин жених?

— Да уж захороводил девку, заресторанил, — вздохнула Пелагея Терентьевна. — Шесть недель всего как познакомились, а уже о свадьбе говорят. Парню двадцать два года, у отца за пазухой живет. Ни заботы, ни труда — на папино наследство надеется. Одним словом, иждивенец!

— Любовь зла, — молвил Юрий, — полюбишь и Бомаршова.

— Было бы за что, — заметила Надя. — За первенство побуги-вуги среди городских пижонов? За коллекцию техасских галстуков? Или за умение истратить папин гонорар в один ресторанный присест?

— Вот пишут о нас: образцовая, мол, и показательная семья, — начала Пелагея Терентьевна. — А какая мы образцовая? Вера ведь не со мной жила, не в деревне, а здесь, на этой вот квартире. Тимофей, сын мой старший, — бездетный. Ну и набаловал сестру. И мы, конечно, Веру проглядели. А сейчас вот как у нее дело до Альбертика дошло, мы всей семьей спохватились, я хозяйство бросила, сюда приехала... Да, впрочем, это вас не интересует. И попусту я об этом разговариваю... Вам подавай семейный парад и расчет по трудодням...

— Зря вы нас обижаете, — возразил Юрий. — Лак и глянец меня, например, не интересуют. А то, что вы говорите, очень важно, и если это не составляет семейной тайны...

— К сожалению, не составляет, — вздохнула Надя. — О поведении Вериного жениха в городе знают больше, чем мы... И говорят всякое...

— Слухи надо проверять, — изрек Мартын.

— Вот мы с мамой сегодня проверяли кое-что. Ходит такая молва, что Альбертик обещал одной студентке жениться на ней. А как дело до свадьбы дошло...

— Не отнимай, Надежда, у молодых людей время. Говори короче: соблазнил да в бега ударился, вот и весь сказ.

— И вы нашли эту девушку? — спросил Мартын заинтересованно.

— Если бы разыскали ее, мы бы уже сегодня познакомились с ней Веру... Может, это подействовало бы на мою легкомысленную сестрицу.

— Значит, слух не подтвердился, — констатировал Мартын.

— И да и нет. Мы узнали фамилию и адрес этой Лели из горного института. Отыскали дом. А она, оказывается, несколько дней назад уехала из города. Директор нашего бюро находок на такие случаи даже слово придумал специальное — «необнаружение».

В комнате все отчетливее пахло обедом из трех блюд. Калинин-младшая расстелила на столе скатерть и стала доставать из буфета посуду. Юрий толкнул Мартына: «Вставай, пора уходить».

— Сейчас будем кушать, молодые люди, — заметив жест Можаяева, сказала Пелагея Терентьевна. — Пустой желудок — плохой помощник в работе.

— В Аскании-Нова я ел яичню из страусиных желтков, — торжественно улыбаясь, заявил Мартын, — в Одессе пил консервированное китовое молоко и заедал галушками, но здесь сегодня готовилось что-то совершенно дивное... Это я вам говорю, как куховар куховару!

— Большое спасибо, — произнес Юрий, хватаясь за шляпу, — но мы с товарищем уже обедали. Кроме того, у нас спешные дела.

Мартын сразу как-то потускнел. Даже очки и те перестали пускать зайчики по стенам, а курносый нос заметно опустился.

Калинкины сочувственно поглядели на Благоушу.

— Оставайтесь! — сказала Надя. — Подумайте о качестве будущего фильма. Вспомните лекцию...

— Нет, нет, — покачал головой Юрий, — благодарим! Как-нибудь в следующий раз! Мы еще успеем вам надоесть! Пошли, Март!

— Спасибо, — неизвестно к кому обращаясь, произнес Благоша. — Приятного аппетита! До свиданья!

— Теряйте — заходите, — сказала Надя и, перехватив недоуменный взгляд Мартына, пояснила: — Это у нас так в бюро находок говорят.

Операторы вышли на улицу.

— Не томись, не страдай, — утешал друга Юрий. — Ресторан «Тянь-Шань» к нашим услугам. Остаться в первый же раз обедать — признак невоспитанности. Мы же не студенты в конце концов. Так и быть, я возьму тебе две порции сосисок на ужин.

— Эх вы, скромники-скромники, — раздался из окна голос Пелагеи Терентьевны. — Идите назад, пока не поздно!

Операторы готовы были провалиться сквозь асфальт от смущения. Рыцарски приложив руки к сердцам, они торопливо зашагали прочь.

РЫДАЮЩИЕ ЧЕРВОНЦЫ

КОНСТ. ШИШИГИНУ, ЧЛЕНУ ХУДСОВЕТА СТУДИИ

Здравствуй, Костя! Привет и поклон всем нашим кинохроникальным друзьям! Как ты уже, верно, угадал по почерку, пишет тебе отставной моряк, а ныне оператор Юр. Можяев. Не успел родиться наш творческий коллектив, как он начинает распадаться... Дело в том, что я наотрез отказываюсь снимать фильм по сценарию Бомаршова, а Мартын со мной категорически не согласен. Вопрос стоит так: или нам возвращаться назад, или бросить бомаршовское сочинение в мусоропровод и снимать фильм по своему плану. Впрочем, Мартын предлагает еще одно «или»: работать по сценарию Бомаршова, внося в него некоторые исправления. Меня он считает вообще «докучливым критиканом», который вечно лезет не в свое дело. А сам он собирается действовать по своему золотому правилу: «Делай на «отлично» то, что поручено, а «в чуже просо не пхай носа». Нам, мол, дали снимать фильм — значит мы свою операторскую работу должны выполнить на пятерку. Он считает, что спорить нечего, раз сценарий утвержден на студии, тем более, что не очень многим отличается от других сценариев, уже отснятых. Есть, дескать, только фактические неточности. Эх, Костя, Костя! Если бы киносценарист писал рукой, хотя бы левой, это бы нам хоть в какой-то степени помогло... А теперь, Костя, помощь нам можешь оказать только ты. Не знаю, знаком ли ты с этим шедевром, но я твоей утверждающей подписи на нем не увидел. Тут красуется только иероглиф твоего заместителя. Если ты не изучал данного классического образца сценарной мысли, то я позволю себе вырвать из сценария пару страниц и приложить к письму. Вот они!!

СВЕРХУ: Общий вид города. Аппарат, снижаясь, панорамирует мимо кварталов новых жилых домов, мимо скверов и бульваров, на которых играют дети, мимо оживленных улиц...

ГОЛОС ДИКТОРА: Широко и привольно раскинулся областной центр... Здесь, в Красногорске, живет знатная мать-героиня Пелагея Калининна.

ОБЩИМ ПЛАНОМ: Веселенький новенький коттедж. К нему направляется почтальон с толстой сумкой на ремне.

ДИКТОР: Кто в городе не знает семьи Калининных!

КРУПНЫМ ПЛАНОМ: Радостное, знающее лицо почтальона.

ДИКТОР: Со всех уголков нашей великой страны — из Владивостока и Калининграда, из Кушки и Нарьян-Мара, из Риги и Новосибирска, из Петропавловска-на-Камчатке и Ростова-на-Дону, из Ростова Суздальского и Петропавловска в Казахстане — пишут семье Калининных. Тысячи писем получает ежедневно мать-героиня Пелагея Терентьевна.

КРУПНЫМ ПЛАНОМ: Лицо Пелагеи Калининной. Мать-героиня улыбается.

КРУПНЫМ ПЛАНОМ: Набитая письмами до краев сумка почтальона.

ПЕЛАГЕЯ КАЛИНКИНА (радостно): И ведь на все надо ответить!

ГОЛОС ДИКТОРА: Ей пишут люди разных возрастов и разных профессий: то академики, то герои, то мореплаватели, то плотники...

ОБЩИЙ ПЛАН: Столовая в доме Калининных. Семья завтракает. Отец, мать и десять детей пьют чай. На столе различные продукты, демонстрирующие пищевое изобилие.

ЗВУК: Шум чаепития.

ДИКТОР: Сегодня в семье Калининных большой день: пятьдесят лет назад Прохор и Пелагея Калининны сочетались законным браком. По старинке такой юбилей называется золотой свадьбой. Младший сын, любимец матери, взбираясь к ней на колени, шутит: «Пятьдесят лет в семейном строю!» Остроумный мальчуган!

КРУПНЫМ ПЛАНОМ: С материнских колен десятый сын, шустрый мальчуган, весело смотрит на своих предыдущих братьев и сестер.

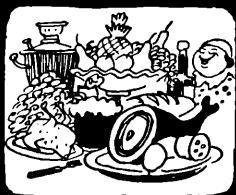
ДИКТОР: Местные организации заботятся о семье матери-героини.

СРЕДНИЙ ПЛАН. В новом костюме, с букетом цветов в руках идет к крыльцу управдом.

ДИКТОР: Управдом — лучший защитник интересов каждой проживающей на вверенном ему жилобъекте семьи... Он повседневно и неустанно заботится.

КРУПНЫЙ ПЛАН: Заботливое лицо управдома.

ГОЛОС ДИКТОРА: Частым гостем семьи Калининных является председатель горисполкома. Вот и сегодня, радостно

встречаемый, он приехал, чтобы поздравить юбиляров.

СРЕДНИЙ ПЛАН: Возле котеджа останавливается машина, из нее выходит председатель горисполкома... Он в полувоенном кителе.

ОБЩИЙ ПЛАН: Дети Калинковых кидаются навстречу дорогому гостю, повисают на руках, обнимают его...

КРУПНЫЙ ПЛАН: Смотрит Пелагея Калинкина из окна на балующихся детей. Грозит им пальцем.

ЗВУК: «Озорники!»

КРУПНЫЙ ПЛАН: Улыбающееся лицо Прохора Калинкина.

ЗВУК: «Все в меня!»

КРУПНЫЙ ПЛАН: Смеется Прохор Калинкин, подмигивает улыбающемуся почтальону.

КРУПНЫЙ ПЛАН: Смеется почтальон, подмигивает управдому.

КРУПНЫЙ ПЛАН: Управдом смеется, подмигивает председателю горисполкома.

СРЕДНИЙ ПЛАН (с движения): Все жизнерадостно перемигиваются, весело смеются.

ДИКТОР: Золотую свадьбу семья отметила с большим подъемом. Дети единодушно поздравили родителей и взяли на себя новые производственные обязательства.

КРУПНЫЙ ПЛАН: Вера. Ее жизнерадостное лицо выражает общее мнение всех собравшихся.

Как видишь, Костя, здесь улыбаются все — и Калинкины и управдом. Плачут только денежки. Рыдают те червонцы, которые переведены на текущий счет Бомаршова. Если бы Фениксов тратил на подобные сценарии не государственные денежки, а свои личные, он, очевидно, был бы осмотрительнее.

Я не хочу обвинять во всем только сценариста. Автор «Дружной семьи» обобщил отрицательный опыт многих других кинодраматургов. Но кое-что привнес в киносокровищницу и он сам. На перечисление же всех, мягко говоря, вкравшихся «фактических неточностей» у меня просто не хватает бумаги. Отмечу основные.

Семья, например, живет не в одном месте, как значится в сценарии: часть — в облцентре, кое-кто — в рабочем поселке, а мать с отцом — в деревне. В городе Пелагея Терентьевна бывает редко. Поэтому вид у городского почтальона должен быть далеко не радостный, а скорее грустный: куда ему девать груды писем, если адресат в данном пункте не проживает?

Кстати, о тысяче писем. Нет, не приходит Калинкиной такого количества посланий! Только в Красногорской области матерей-героинь, по сведениям исполкома, более девятистот человек. Откуда же взято, что все пишут одной лишь Калинкиной?

Я уже не говорю о том, что младшему представителю семьи довольно трудно влезть на колени маме: ему 16 лет, рост его примерно 160 сантиметров, а вес — 60 килограммов.

А по поводу заявления сценариста, что семья живет дружно, что мир и божья благодать царят в ней, требуется опровержение. По сценарию Вера — студентка, член научного общества лингвистов (что формально верно), хорошая дочка. Но у члена научного общества двойки в зачетке, а мама от хорошей дочки частенько плачет. Пелагею Терентьевну мы застали в городе: она приехала, чтобы уговорить Веру не выходить замуж за Альберта Бомаршова (кстати, сын автора нашего сценария).

Тут Костя, наш общий друг, считает, что я лезу опять не в свое просо. Мы, мол, приехали не для разбора персональных дел, а для съемки фильма. Он согласен, что в семье действительно есть кое-какие «звычайные» недоразумения. Но нужно ли их выносить на всесоюзный экран? В конце концов мы, дескать, воспитываем зрителя и обязаны показать образцовую советскую семью.

А я ему говорю: не надо, товарищ Благуша, прятаться за формулой «так все делают». Я знаю, что сейчас Мартын сошлется на Протарзанова, но тем не менее мэтр иочему-то данный сюжет снимать не поехал, а послал нас. И вот теперь сидит Мартын в гостинице и вспоминает протарзановские афоризмы. Ты бы послушал этого юношу: «Ах, ах, снимает Протарзанов прекрасно! Как у него расположены свет и тени! Рембрандт! Какие ракурсы, что за точки съемки он находит! В своем деле он виртуоз и новатор. Какие у него эффекты!»

И забывает наш друг, что от эффектов до дефектов один шаг. Честное слово, меня подмывает порвать творческое содру-

жество и попробовать снимать фильм порознь. Пусть Мартын крутит все по-бомаршово-протарзановски, а я буду по-своему... то-есть в соответствии с правдой-истиной. Это киноочерк, да? Почему в литературный очерк можно внести отрицательные нотки и критику, а в киноочерк нельзя? Хорошо бы снять все как есть — с плюсами и минусами. Кино и крахмало-паточное производство — это ведь разные министерства. А их все время путают.

Вставка рукой Благуши. Я больше не выдерживаю этих нападков. Торопись, Костя, с ответом. Видишь, этот Дон-Кихот стоит на краю гибели. За такие вольности худсовет нас расщепит на молекулы. А от картины «Дружная семья» зависит наше будущее. В конце концов придется мне тоже порвать с этим воинственным субъектом и снимать фильм отдельно. У меня есть, кстати, энное количество лично мне принадлежащей пленки: помнишь, я получил ее в подарок от Протарзанова на выпускном вечере? Он сказал тогда: «Друзья мои! У меня есть традиция: каждый год вручать лучшему моему ученику символический дар — катушку пленки, и пусть на эту ленту будут запечатлены первые шедевры вашего творчества». Чувствую, что выполнить его пожелание трудненько. Дело в том, что обстоятельства съемки, как ты, наверное, уже понял, усложнились. Поэтому ряд несовпадений со сценарием, конечно, будет. Ты изложи все это Фениксову, а мы через неделю позвоним на студию, чтобы выяснить ситуацию. Костя, наша судьба в твоих руках! На тебя вся надежда!

Рукой Можаяева: Кстати, о Надежде.

Поскольку мы с Мартыном остроконфликтные вопросы решили и договорились снимать фильм порознь, в двух вариантах (пока не будет новых директив), то можно затронуть и вольные темы. Ты, Костя, был прав, заявив однажды, что Мартын сверхвлюбчивая натура. Его сразу же по приезде в Красногорск попутал лирический бес. Он уже покорен одной из дочерей Калинкиных — Надеждой. Даже во сне устраивает сам с собой диспуты на темы о любви и дружбе. Боюсь, что любовь скажется на темпах работы. Он, по-моему, больше думает о карнавале, который будет в Красногорске в ближайшие дни, чем о фильме. Тем более, что клятвенно обещал девушке там быть... Поэтому напиши ему что-нибудь антилирическое. Надо спасти товарища.

Рукой Благуши: Можаяев хитрун! У нас в Виннице влюбляются раз в жизни, да еще перед этим года три к девушке присматриваются, чтоб характер изучить досконально. Кроме того, у меня есть жизненная установка: не влюбляться с первого взгляда, чтобы не поступать легкомысленно и безответственно. А Надежда Прохоровна? Она меня интересует как

объект для съемки, как сотрудница оригинального учреждения — бюро находок. У нас самые деловые отношения. Что же касается разговоров во сне, то они велись только на тему дружбы, как сейчас помню.

Итак, благослови: завтра первый самостоятельный операторский день в нашей жизни! Уверен, что кадры «Тимофей Калинин на работе» будут сняты на «отлично»! В облторге (где работает Тимофей Прохорович) нашлись двое очень симпатичных людей: начахо Умудренский и его агент по снабжению Сваргунихин. Они поклялись, что обеспечат нас осветительной аппаратурой и всем необходимым. Самоотверженные труженики советской торговли!

До побачення, Костя, жму руку!

Мартын.

Рукой Можаяева: Горячий привет.

Юрий.

Гостиница «Тянь-Шань», номер 35.

ЗАГОВОР РАВНЫХ

Не тот нынче подхалим пошел. Прежние подлизы с заискивающими улыбками и угодливо согбенным станом вымирают, как мамонты. Старые тропки к сердцу начальства поросли фельетонным бурьяном. Подхалимы-полуидиоты, наводнившие юмористическую литературу, приучили публику смотреть на себя с добродушной, снисходительной улыбкой. Такой человек зачастую считается прямолинейным, как Невский проспект, и ясным, как витринное стекло. До сих пор еще подхалимаж в шкале аморальных поступков занимает место где-то между безбилетным проездом в метро и курением в неположенных местах.

Подхалим легко меняет свое лицо. В искусстве перевоплощения с ним могут сравниться только артисты МХАТа.

Если начальник любит стрелять уток, то его обожатель в своем усердии готов заменить охотничью собаку и за две недели начинает отрабатывать перед зеркалом стойку. Если сын начальника коллекционирует фантики, то подхалим, даже рискуя получить сахарную болезнь, готов питаться одними конфетами и аккуратно складывает в бумажник разноцветные этикетки. Если жена начальника страдает полнокровием и лечится пиявками, то иной подчиненный ее мужа готов их выращивать на собственном теле. Так подхалимы вели себя тысячелетиями.

В старые годы, когда подобное поведение было у хозяев в почете, льстецам и подлизам жилось вольготно.

При социализме подхалиму трудно. Попробуй пристукни в присутствии посторонних перед начальником каблучками — сразу заметят и осудят.

И все-таки подхалимы еще существуют. Есть категории подхалимов-рвачей, есть категории подхалимов-карьеристов. Представьте себе: в учреждении за соседними столами трудятся два сотрудника. У них в принципе одинаковые анкеты, одинако-

вые столы, одно и то же количество благодарностей в приказах. Но... начальником отдела может быть назначен только один из них — тот, кого скорее заметят и оценят... Значит, решает один из них, пусть заметят меня. И с этого дня он начинает оставаться вечерами, чтобы написать доклад за начальника. Он строчит в местную газету заметку об успехах своего учреждения. О начальнике ни слова. Но начальнику будет все равно приятно. Глупо было бы писать: «Под руководством Ивана Ивановича мы достигли...» Не те времена!

Времена новые, а душа у подхалима старая. И он вынужден маскироваться, гримироваться, уходить в подполье... Поскольку прежние патентованные способы подхалимажа недействительны, приходится искать новые щели в сердцах руководства, разрабатывать сложные способы эмоционального и психологического воздействия.

Подхалим не имеет лица, но его надо уметь увидеть. Нынче он не гнет спины и не жмет подобострастно длани. Иной, может быть, вообще начальнику два пальца подает да еще при этом в сторону глядит. Но этими двумя пальцами нью-подхалим такой выкрутас учинить сумеет, что начальниково сердце из-под жилетки достанет да себе в карман и переложит...

...— У меня все вперед на сорок ходов продумано, — крикнул тугому на ухо агенту снабжения Сваргунихину руководитель АХО облторга Умудренский. — Как у Ботвинника!

— А кто... этот Ботвинник?

— Благодаря разумно сделанным ходам он стал чемпионом... Гроссмейстер шахматных комбинаций... На сорок ходов вперед мыслит!

— Да который раз я тебе говорю сегодня, — рассердился Сваргунихин, — не ори ты, сделай милость, так глухим стать можно.

— Так тебе же на ухо все кричат, — удивился Умудренский. — И я привык. Ты ж глухой! Если я тебе скажу нормально, ты не уловишь мою мысль.

— Если я не в учреждении, а в частной квартире, я слышу лучше, — сказал Сваргунихин и шевельнул большими, похожими на листья капусты ушами.

— Тогда слушай. Ты можешь прославиться. Ты можешь обогатить свою автобиографию. Хочешь?

Сваргунихин слушал, раскрыв рот и пожирая глазами начальника АХО.

— Согласен, — сказал он. — Что надо делать?

Умудренский начал возбужденно ходить по комнате. Он был похож на контрабас. Грифом служила маленькая с лысинкой головка, посаженная на длинную жилистую шею. Туловище его в полувоенной гимнастерке, перетянутое по талии широким флотским ремнем, и широчайшие окорока галифе довершали сходство со смычковым инструментом.

— Ты же знаешь, завтра у нас в торге будет киносъемка. Снимают Калинин. Улавливаешь эту мысль? На моих глазах съемки не первый раз. В таких случаях положено хорошо обставить кабинет начальника. Во всех областях наш торг будут смотреть — нельзя ударить лицом в грязь. И еще одно: необходимо нам попасть в кадр. Представляешь значение? Кого снимают в фильмах? Передовиков. А что такое передовик? Тот, кто впереди, кто к началству, значит, поближе. А как к нему приблизиться, если оно несознательное, вроде нашего Калинин? Вот и необходимо смекалку проявить, на всесоюзный экран проникнуть... «Красногорский облторг. В главных ролях: Калинин, Умудренский, Сваргунихин». Понял? Ты об этом в анкетах писать потом можешь.

— В анкетах что, — сказал Сваргунихин мечтательно, — вот в трудовой бы книжке...

— А зачем? Тебе тогда никакое сокращение штатов не страшно. Тебя куда хочешь возьмут! Ведь все начальники в кино ходят. Популярность, брат, это самое дорогое. Улавливаешь мою мысль?

— Улавливаю, — подтвердил Сваргунихин, тяжело дыша от волнения. — Что я должен делать?

— Ты достанешь обстановку, — сказал Умудренский, — а я тебя пушу в кадр. Вот у меня списочек вещей первой необходимости... Пальмочки. Три запасных телефончика. Ковры-самцветы. И позвони, не забудь, в филармонию — там обещали вазу какой-то Турнепсовой...

— Многовато, — проглядывая список, заметил Сваргунихин. — Но ради будущей автобиографии поднатужусь. Это я возьму там... это дадут здесь... это займу... это обменяю... А в какой кадр ты меняпустишь?

— В таких случаях что снимают? Как накладные на подпись приносят или как начальник с сотрудником беседует. Иногда — совещание. Я буду беседовать с Калининным как сотрудник. А ты давать бумаги на визу... Завтра приходи пораньше — подробности отрепетируем на месте. Нужно все заранее учесть. Плановость — великая вещь. На вдохновенье на-

дейся, а сам не плошай. Ты все расслышал как следует? Не перепутаешь? Момент исторический!

— А может, для Калинкина еще букет цветов купить, на стол поставить? — неуверенно спросил Сваргунихин.

— Это уже будет подхалимаж, — возразил Умудренский. — Делай, как говорят. Понял?

— Расслышал. Главное, чтобы все было, как ты рассчитываешь.

— У меня не сорвется. У меня все рассчитано на сорок ходов вперед. Учись, брат, предусмотрительности! Раз съемка назначена на десять, то вещи заказывай к семи, — значиг, к девяти только доставят... И вообще учти, в смысле времени всегда надо страховаться: на собрания приходи на два часа позже, в очередь за апельсинами становись на два часа раньше. И так и так попадешь к открытию. Тебе трудно — ты глухой. Ты всего уловить не можешь. И вообще как ты работаешь — непонятно.

— Раз ты мне, Умудренский, доверие оказываешь, — сказал Сваргунихин, пряча список реквизита в карман, — то и я тебе довериться могу... Здесь нас никто не подслушивает?

И Сваргунихин, прислушиваясь, повел своими капустными ушами... А затем в общих чертах рассказал о том, как он стал глухим.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК СВАРГУНИХИН РАБОТАЛ ЛОДОЧНИКОМ, ОБУЧАЛ ПОПУГАЕВ ПОДХАЛИМАЖУ, ТОРГОВАЛ НЕБОМ, РУКОВОДИЛ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМОЙ И КАК ДОШЕЛ ДО ЖИЗНИ ТАКОЙ, ЧТО СТАЛ СОЮЗНИКОМ УМУДРЕНСКОГО

Было время, когда Сваргунихин на свои барабанные перепонки не жаловался и как работник особой ценности не представлял. Юный Сваргунихин начинал свою карьеру простым лодочником-перевозчиком. С утра до вечера он совершал рейсы по озеру, перевозя людей с шумного берега, на котором раскинулся город, на тихий, противоположный берег, под сень дубравы. И обратно. Все было бы ничего, если бы Сваргунихина не грызла зависть. Его сослуживец, глухой лодочник дед Куроед зарабатывал в два раза больше. На первый взгляд это казалось странным: Сваргунихин и греб резвее и проворнее был. А за дедом угнаться не мог. Объяснялось это дедовской глухотой, о которой знали все в городке. Именно поэтому его и предпочитали влюбленные парочки, которые согласно лирической традиции любят побеседовать без свидетелей. По той же причине лодку с дедом часто нанимали какие-то подозрительные люди, которые переправлялись на ту сторону озера для того, чтобы поговорить наедине о своих грязных делишках. Немалый доход приносили деду и начинающие певицы, которые отплывали как можно дальше от населенного пункта

и там тренировали свои голосовые связки. Всех этих клиентов дед устраивал потому, что был глух, как весло.

Доходы деда не давали покоя сваргунихинской душе. От жадности Сваргунихин дошел до того, что завидовал даже слепым и хрым. И когда ему представилась возможность объявить себя глухим, он не замедлил ею воспользоваться.

Случилось это в жаркий воскресный день, во время массового гулянья с потреблением безалкогольных напитков. Когда Сваргунихин перевозил буфетную комиссию на другой берег, у него в лодке взорвалась четверть с квасом. Председатель месткома был ранен, казначей получил пробкой в лоб, а Сваргунихин лег на дно лодки и объявил себя контуженным.

За весла сели члены буфетной комиссии. Сваргунихина вытащили на берег и окружили заботой. Ему делали искусственное дыхание и отпаивали квасом. Не прошло и часа, как представитель Освода, на котором лежала обязанность следить за утопающими и немедленно оказывать им первую помощь, прибыл на моторке.

— Утонул? — радостно спросил он. — Воду откачали? Жив остался? Тогда составим актик. (Документ осведовцу был необходим, потому что он работал на хозрасчете и получал со спасенной головы. Зарабатывал он неплохо, так как снимал дачу недалеко и заставлял всех своих домочадцев и близких знакомых тонуть по два раза в день.)

— Фамилия, имя, отчество? — спросил осведовец, послушав карандаш: в лицо спаситель утопающих знал всех прибрежных жителей, но на память в смысле имен не надеялся.

Сваргунихин абстрактным взглядом окинул окружающих. «Сейчас или никогда», — сказал он самому себе.

— Сообщите фамилию, товарищ утопленник!
— Как? — переспросил Сваргунихин, замирая от волнения.

— Имя-отчество!

— Кому?

— Да что с тобой?

— Куда?

Тут уж зашумели все.

— Оглох от контузии! — кричал предместкома. — Жертва кваса! Я говорил, пиво надо было брать!

— Так и запишем, — сказал осведовец. — Вид ранения: глухота. Причина: контужен квасом.

С той поры, согласно выданной Осводом квитанции Сваргунихин официально считался глухим. Клиенты деда Куроеда стали постепенно перебираться в сваргунихинскую лодку: среди двух глухих обычно выбирали наиболее расторопного. С горя дед Куроед запил и перешел в банщики.

Потом на шумном берегу озера воздвигли ресторан-самоварник с пельменно-шашлычным уклоном. Повара развили такую бешеную деятельность, что уже недели через две воды озера насквозь пропахли луком и жареной бараниной. Рыба разбелась по затонам, гуляющие — по столикам.

Рядом с рестораном построили лодочную пристань. Лодок было много, и любой горожанин, оставив в кассе на пристани свой профсоюзный билет, получал весла — без очереди и на неограниченное время, с почасовой оплатой. Посадив в лодку свою любимую, он мог сам грести во все четыре стороны и во все не нуждался в услугах перевозчика...

Но Сваргунихин не пропал. Его устроили работать смотрителем в городской зооуголок. Должность зоосмотрителя считалась роковой: больше недели на ней никто не выдерживал. Дело в том, что попугаи, составлявшие подавляющее большинство населения уголка, во всем подражали директору: постоянно были недовольны и сквернословили напропалую.

— У меня после контузии глухота, — сказал Сваргунихин, заполняя анкету. — Я попугаев не боюсь!

И он решил во что бы то ни стало завоевать доверие грозного директора, стать его правой рукой, чтобы потом безраздельно царствовать в животном мире.

В первый же месяц он выучил попугаев приветствовать директора и справляться о его здоровье. При появлении начальства попугаи хором орали «ура», а медведь становился на задние лапы. Ужи и желтопузики, продаваемые на вес местным любителям природы, в обучении не нуждались: они пресмыкались с детства.

Под руководством Сваргунихина звери и птицы ударились в подхалимаж. Директор был доволен, приказал им увеличить выдачу корма, а Сваргунихину повысил зарплату.

— Будь здоров, Петр Петрович! — горланили скворцы и попугаи, когда начальство заходило в зооуголок зверей посмотреть и себя показать.

Сваргунихин слышал, как директор, принимая его за глухого, говорил другим сотрудникам:

— Берите со зрителя пример! Далеко человек пойдет!

И далеко пошел бы Сваргунихин, если бы директора не сменили. Нового руководителя звали Иваном Ивановичем, а попугаи на ходу переключиться не смогли и продолжали величать Петром Петровичем.

Сваргунихина уволили.

После этого он стал торговать небом. В садике городского планетария стоял небольшой телескоп, и Сваргунихин бойко рекламировал свой розничный товар: луну, планеты и наиболее популярные из звезд. Посмотреть на луну, увеличенную в пятьдесят раз, стоило пятиалтынный. Кольца Сатурна шли по полтиннику. А «каналы» на Марсе тянули по рублю.

Распродажа планетной системы шла бойко и приносила планетарию астрономические доходы. Но не на это делал ставку Сваргунихин, протапывая тропинку к сердцу очередного начальства. Он надеялся на свою лжеглухоту. В свободное время сотрудники планетария любили посидеть в садике, поговорить о судьбах вселенной и о деятельности месткома. Иногда доставалось и директору.

— Вообще-то он чудный человек, — говорил Вася, мастер по кометному и метеоритному делу, — но срывается иногда. Вчера, например, после лекции «Межпланетные путешествия» где-то напился, пришел в полуразобранном виде, заперся в кабинете и два часа пел «Всю-то я вселенную проехал»...

— Считает себя руководителем солнечной системы, — сказал дядя Сережа, механик «северного сияния», — зазнался немного. Бывает. Ведь и на солнце есть пятна... Эй, Сваргунихин, почему пятна на солнце?

— Кого? — спросил Сваргунихин.

— Да как же он с народом работает? — удивился Вася.

— По преysкуранту, — объяснил дядя Сережа. — Вон небесное меню на сегодняшний день висит...

Вечером Сваргунихин решил доложить директору планетария итоги своих месячных подслушиваний. Но директор стукнул хулаком по столу и закричал, что наушников он в небесном деле не потерпит. Сваргунихин, забыв сдать дневную выручку за солнечные пятна, со скоростью метеорита вылетел из планетария.

Первая крупная неудача не обескуражила псевдоглухаря. Он продолжал совершенствовать свой акустический метод. И многие начальники лили потом слезы благодарности ему на грудь. В некоторых организациях удавалось бросить якорь надолго. И тогда в коридорах учреждения начинали мелькать бесприметная фигура, неотчетливое, как блин, лицо. Запомнить Сваргунихина можно было только по ушам. И если бы не они, то его всегда бы с кем-то путали. Своего, определенного выражения лицо его не имело. На фотографиях оно каждый раз получалось по-разному, а чаще всего как-то вообще не получалось. И когда Сваргунихин поступал в облторг на место агента по снабжению, то начальник отдела кадров заставил его пересниматься трижды:

— Уши вроде ваши, а остальное не похоже...

Тимофею Прохоровичу Калинкину Сваргунихин, как и Умудренский, достался по наследству от прежнего руководства. Бывший начальник торго горячо рекомендовал Калинкину опереться на этих верных людей. Но, видимо, «новый» был со странностями и мудрому совету своего предшественника не последовал. Любимчиков почему-то не заводил. Преданности Сваргунихина и заботливости Умудренского не замечал. И вообще в торге с приходом Калинкина стало беспокойнее: поползли какие-то разговоры о масштабах, новом ассортименте и, самое главное, о сокращении штатов. Обеспокоенный назревающими реформами, Сваргунихин заметался. Хотя он старался внушить сослуживцам, что является незаменимым работником, душевное равновесие не восстанавливалось. Сваргунихин не был убежден, что Калинкин твердо верит в его способности.

Надо было срочно что-то предпринимать. Давно угадывая в начальнике АХО Умудренском родственную душу, Сваргунихин решил вместе с ним бороться за сохранение своих фамилий в платежной ведомости. Так был заключен двойственный союз.

По мере плавного течения рассказа Умудренский испытывал противоречивые чувства. Его бросало то в жар восторга, то в холод тревоги.

«Вот так Сваргунихин! — восклицал про себя Умудренский. — А ведь на вид овечка, заурядный глухарь... Надо держать с ним ухо настороже. Впрочем, что мне его бояться? При таком дефекте начальником ему не быть. А потом с его примитивной тактикой высоко не заберешься...» И уже вслух, когда рассказ был окончен, восторженно произнес:

— Сваргунихин, ты неограниченный человек! Ты лыс, как бог, а мудр, как чорт!

— Полысел от трения об жизнь... повитерся, так сказать, — скромно усмехнулся агент по снабжению и стал прощаться.

— Да, кстати, — уже на пороге произнес глухой. — Я вчера слышал, что Геликон завтра выходит на работу. Выздоровел досрочно.

Умудренский охнул. Геликон Акинфович был замом Калининкина, и его присутствие на съемках могло спутать все карты.

— Спасибо за предупреждение, — пробормотал Умудренский. — Это для меня самое дорогое. Я Геликона когда хочешь вокруг пальца обведу — он мой приятель. Улавливаешь?

После ухода Сваргунихина Умудренский бросился в соседнюю комнату, к жене.

Супруга начальника АХО была худа и длинна, как смычок. Она сидела перед трельяжем и выщипывала пинцетом усы.

— Что случилось? — басом спросила она. И, узнав новость, успокоила мужа: — Ерунда! Геликон Акинфович человек мнительный. Если его припугнуть эпидемией какой-нибудь, то он еще на две недели бюллетень возьмет.

— Но, дорогая, я не врач, — пробормотал Умудренский.

— Он тебе поверит, — сказала жена. — Он так хорошо относился ко всем нам. Звони, или нет — я сама. И она, воинственно шевельнув усом, взяла трубку:

— Приветствую, Геликон Акинфович! Как здоровье? Хорошо? Слава богу! Ваше здоровье для нас самое дорогое.

Умудренский, слушая разговор, делал жене какие-то странные и таинственные знаки, робко грозил пальцем, но она не обращала внимания и продолжала:

— Дни считаем, когда вы на работу выйдете. Что? Завтра? Наконец-то! Радости сколько будет! А то ведь какие кругом печальные дела творятся. Как? Не знаете? Эпидемия ходит. У всех осложнения возникают. Зачем после гриппа? После всего. Мой племянник позавчера вырезал железы, а сегодня попал под велосипед... Ужас! Самое страшное, как говорят врачи, — не долежать. Сегодня в поликлинике я сама слышала: семь человек увезли в больницу. Что с ними было? Недооценили своих болезней. Поспешили выйти на работу. Вы, мужчины, не цените сами себя. Дайте мне Софочку. Я ей несколько слов, как жена жене... Софочка? Здравствуй, дорогая, — придав своему басу колоратурные интонации, сказала Умудренская и чмокнула трубку в микрофон. Поцелуй был таким звонким, что чья-то лошадь, стоявшая под окном, приняла его за понукание и рванулась с места.

— Надо беречь мужа, Софочка. Ты знаешь, от Нины ушел муж. Да, да. Был болен. Вышел на два дня раньше. И встретил

какую-то бабу. А вот если бы он эти два дня лежал, никакой бы встречи не произошло. И Нина осталась бы с супругом. Будь я на твоём месте, я бы выпустила такого драгоценного человека, как твой муж, на работу только через свой труп. Он такой хороший!

Умудренский снова стал делать странные знаки своей супруге. Она зажала микрофон рукой и недовольно спросила:

— Ну, что тебе надо?

— То, что ты делаешь, это подхалимаж! — воскликнул Умудренский.

— Хорошо! Я с тобой объяснюсь потом, — отрезала супруга и позвала: — Толик!

Из соседней комнаты выбежал шестилетний Толик, продолжатель рода Умудренских.

— Мужа надо беречь, Софочка, не только для себя, но и во имя детей, — Умудренская вздохнула мощно, как орган. — С твоей Зузей хочет поговорить наш Толик.

Закрыв рукой микрофон, Умудренская внушительно шевельнула усом и сказала сыну:

— Повторяй за мной все слова, понял?

— Две шоколадки, — ультимативно молвил Толик.

— Кого ты вырастила? — всплеснул руками Умудренский. — Это же типичное рвачество!

— Ребенок оказывает тебе услугу, — сказала Умудренская, — а ты ведешь себя, как на собрании. Толик, держи трубку. Шоколад за мной.

Начинающий Умудренский взял трубку и вопросительно поглядел на мать.

— Здравствуй, Зюзя, — страстным шопотом суфлировала Умудренская. — А я вчера прочитал книжку про Зайку-Зазнайку. А в будущем году я пойду в школу... Как здоровье твоего папы? Не позволяй ему выходить на работу... Сейчас все болеют от жары, это очень опасно...

Испугавшись, что отпрыск может высказать самостоятельное мнение, Умудренская вырвала трубку из рук Толика.

— Зюзя, позови мамочку. Софочка? Ну, как ты, поговорила с ним? Решил остаться до конца бюллетеня? Два дня — какая разница, зато спокойнее. Вот это образцовый муж. Ах, если бы мой был таким же послушным! Целую тебя, Софочка! — и, чмокнув еще раз микрофон, Умудренская облегченно вздохнула.

— Ну-с, чем ты недоволен? — вызывающе спросила она.

— Был. Сейчас я уже доволен. Возможно, ты права, разыграв всю эту пантомиму. И всякие там нежные слова говорила. Мне бы это было неудобно: он все же мой начальник. А ты, как бы сказать, нейтральное лицо.

ПОД СЕНЬЮ РАЗВЕСИСТОЙ ПАЛЬМЫ

Кабинет начальника Красногорского облторга напоминал собою нечто среднее между оранжереей и антикварным магазином. Здесь было много зелени и редких вещей. Письменный стол по своим габаритам походил на бильярд — не хватало только луз и бортов. Его покрывал толстый, как годовой отчет, стеклянный пласт. В стекле стола отражались похожий на ветряную мельницу канцелярский вентилятор и квартет телефонов, из коих только один подавал время от времени признаки жизни. Трое остальных хранили подозрительное молчание и никакого участия в деятельности облторга не принимали.

Кроме того, на бильярдном поле высился бронзовый сосуд, изображавший рыбу. Рыба делала стойку на хвосте, и в рот ей был вставлен букет разноцветных карандашей. По ее упитанному чешуйчатому брюху цепочкой тянулись буквы:

«Глубокоуважаемой Матильде Турнепсовой-Ратмирской в день сорокалетия чревоуващения. Пусть голос твой с каждым годом звучит все громче и увереннее!

Местком сектора оригинально-прикладных жанров».

Возле двери, прямо против стола, отсвечивала тяжелой позолотой рама — продукция местного товарищества «Всякохудожник». Тема холста вызывала горячие споры. Часть сотрудников утверждала, что это копия репинского «Не ждали». Другая часть ожесточенно доказывала, что эта картина принадлежит кисти современного мастера-жанриста Григорьева и, называясь «Вернулся», решает проблему укрепления семьи.

Но основное место в кабинете занимала мощная шеренга развесистых пальм. Она придавала обстановке тропический колорит. Работяга-вентилятор накалился и дышал зноем. Легкий бриз колыхал листья пальм.

А над всем этим великолепием благородно отсвечивала хрусталем и бронзой огромная пирамидальная люстра.

Солнечный лучик ударился в стекло стола, перепрыгнул на гладковыбритую голову начальника облторга, скользнул по бронзовому рыбьему брюху и ушел в пальмовую листву.

Тимофей Прохорович Калинин в этой субтропической обстановке чувствовал себя неуютно.

Пряча глаза от разыгравшегося солнца, Тимофей Прохорович жмурился. Его толстые, похожие на мохнатых гусениц, черные брови недовольно шевелились.

— А пальмы тоже нужны для работы торгога? — спросил Калинин стоящего у стола Сваргунихина.

Агент по снабжению преданно смотрел в рот начальнику торгога, делая вид, что по губам старается угадать его волю.

— Пальмы, говорю, тоже необходимы? — раздраженно переспросил Тимофей Прохорович.

— Кого? — прикладывая обе ладони к оттопыренным капустным ушам, спросил Сваргунихин.

— А, что с тобой разговаривать! — отмахнулся Калинин.

— Именно, — сказал агент и неслышно скрылся среди тропической растительности.

«Декораций понатащили, а работа стоит, — вздохнул глава облторга и пригорюнился. — Что поделаешь — искусство! Требуется жертвоприношений».

В дверь постучали. Тимофей Прохорович не успел и рта раскрыть, как в дверную щель осторожно всунулась голова Умудренского. Начальник АХО быстро обшарил глазами кабинет и сказал умиленно:

— Оазис! Жизнь как в командировке! Улавливаете мою мысль?

— Привез? — вскинул брови Калинин.

— Оба два, как один, — ответила голова и исчезла.

Потом дверь распахнулась, и в кабинет вошли Благуша и Можаяев.

Сзади проицировалась контрабасная фигура Умудренского. Он, кричтя, тащил аппаратуру.

Рукопожатия и приветственные речи заняли не больше минуты: Тимофей Прохорович всегда берег свое время и ценил время ближнего своего.

— Я в вашем распоряжении, — сказал Калинин, взглянув на часы. — Приступим.

— Начнем потихоньку, — согласился Мартын. — Прежде всего надо выдвинуть этот фикус-кактус, он мне портит освещение.

— Это не фикус, если позволите, — сказал Умудренский, хватая пальму за талию. — И не кактус, разрешите заметить... Называется по инвентарному списку пальма-финик.

Сваргунихин! — вдруг закричал начахо истощным голосом. — Хватайсь и тащи!

— Кому? — приставил ладони к ушам агент по снабжению и отодвинулся подальше от пальмы.

— А, что с него, с глухаря, толку! — махнул рукой Умудренский и самолично откатил кадку с пальмой.

Благуша заметался по комнате, прицеливаясь съёмочной камерой. Он отпихивал ногами кресла. Не замечая уколов, хватался за волосатые пальмы. Он творил, он искал нужные точки...

Когда эти поиски загнали его в дальний угол комнаты, где в кресле расположился соблюдавший нейтралитет Можаяев, тот не удержался:

— Март, ты серьезно собираешься снимать эти декорации?

— А почему бы и нет? — ответил Благуша. — По-моему, очень приличный кабинетик. Товарищ Умудренский! Отодвиньте левую портьеру.

— Но это же типичная инсценировка, — тихо сказал Юрий.

— Мы, кажется, договорились, — так же интимно ответил Мартын: — «В чуже просо не пхай носа». Подержи-ка лучше эту лампу. Товарищ Умудренский, дайте сюда рефлектор!

— Первый раз в жизни участвую в подлоге, — пробормотал Юрий, принимая фонарь из рук Умудренского.

— Вы, Тимофей Прохорович, — объяснял Мартын, — должны вжиться в образ самого себя. Напоминаю: по сценарию вам отведено три кадра. Первый. Вы даете руководящие указания торговым точкам. У вас — трубка телефона, карандаш, серьезное выражение лица. Кадр второй. К вам на подпись принесли бумаги. У вас — перо, текст, выражение лица то же. Рядом — тот, кто пришел с бумагами. Кадр третий. Вы принимаете рядового потребителя. Он зашел в облторг, как в родной дом, чтобы внести свои предложения по расширению продажи туалетных сюрпризов. Потребитель справа, вы — слева. Выражение лица... то же.

— За что я ценю сценарий Бомаршова, — невинным голосом сказал Юрий, — это за психологическое разнообразие.

— Да, — сказал Умудренский мечтательно, — я однажды лицеизрел товарища Бомаршова, правда, издали, но все ж.. Психология для него — самое дорогое. Улавливаете мою мысль?

— Куда? — спросил Сваргунихин.

— Берите телефонную трубку, — сказал Мартын. — И карандаш потолще. Прорепетируем кадр номер один.

Кадр номер один затруднений не вызвал. Тимофей охотно поговорил с какой-то конторой по тому из четырех телефонов, который действовал. А Умудренский и Сваргунихин в роли

осветителей проявили столько таланта и молодечества, что Благуша даже посоветовал им изменить профессии хозяйственников на что-нибудь светооформительское.

Драма разыгралась во время съемки второго эпизода. Умудренский быстро сообразил, что если он будет придерживаться двойственного соглашения, разработанного на его квартире, то на экран не попадет. Ведь беседа с сотрудником, как выяснилось, в сценарии не значится. Агент по снабжению даст бумаги на подпись, станет одним из героев фильма и долгое время будет извлекать выгоды из своей кинопопулярности. А он, Умудренский, окажется за бортом...

«Ах, как худо! Что же делать? — содрогалась в конвульсиях мысль начахо. — Сунуться в кадр с потребителем? Все равно потом вырежут. Не везет! Восемь раз включительно снимался — и ни разу на экран не выпустили... Даже с управляющим в обнимку стоял. Потом всей семьей смотрели: он есть, меня нет... Искусство кино! Этот мрачный брюнет с трубкой в зубах придет в студию и всем расскажет, кто такой Умудренский. Узнают, что я сотрудник торгова, и вырежут. Где же выход? Уловил! Взять подписание бумаг на себя, а Сваргунихину оставить кадр с потребителем... Пусть его и вырежут...»

Благуша опять заметался по кабинету, отыскивая оригинальные ракурсы. Попутно он вел подготовку к съемкам следующего кадра.

— Кто вам в основном приносит бумаги на подпись? — пытаюсь взобраться на пальму, спросил он Тимофея Прохоровича.

— Многие... Каждый по своему отделу. Но чаще всего начальник отдела снабжения.

Сердце Умудренского перестало биться.

— ...или начальник планового отдела, — шевельнув бровью, добавил глава облторга. — А ну, кто-нибудь, позовите их!

Умоляющий взгляд Сваргунихина вернул начальнику АХО мужество.

— Сейчас доставлю, — торопливо сказал Умудренский и направился к двери.

«Ага, — злорадно подумал он, — без меня Сваргунихин как без головного мозга. Сам бы он, стервец, побежал, да нельзя: глухаря играет».

За дверью начальник АХО постоял, сосчитал до двадцати одного и, сказав сам себе: «Очко», вошел обратно в кабинет.

— Иван Макарович, говорят, сегодня позволили себе забюллетенить, — доложил Умудренский, — а Поль Сергеевич вызваны в исполком. Из начальников отделов один я.

— Вот вы и будете подавать бумаги на подпись! — заторопился Мартын. — Так бывает?

— Случается, — ответил Тимофей Прохорович.

— Кого? — затрепетав, спросил Сваргунихин.

Умудренский, предупреждая конфликт, быстро подошел к сообщнику и жарко прошептал:

— Не дрожи, я тебе уступлю потребителя.

И, выхватив из рук трепещущего агента по снабжению папку «На подпись», Умудренский поднял голову и направился к столу.

Съемка прошла без осложнений. Закончив ее, Мартын шесть раз сказал начальнику АХО: «вы свободны», «все», «хватит» — и только после этого Умудренский отошел от Калинкина. Чувствовалось, что кинематография для начальника административно-хозяйственного отдела действительно самое дорогое...

Сваргунихин тем временем блуждал среди пальмовых стволов, накаляя атмосферу вздохами.

— Вживаетесь в роль потребителя? — догадливо спросил Юрий Можаяев.

— Да, — ответил снабженец, но тут же спохватился: — Ку-да?

— Вот беда, — сказал Калинкин, — третий-то кадр трещит по всем швам. День ведь у меня нынче не приемный. Где же взять потребителя?

— С улицы схватить первого попавшегося, — в раздумье бормотал Умудренский, — неудобно вроде... А вот, кстати, Сваргунихин! Типичный покупатель-потребитель! Улавливаете мою мысль? Ботинки из магазина номер три, брюки фабрики «Красногорская швея». Рубашку при мне покупал в универмаге.

Усталый Мартын согласился. Кандидатура Сваргунихина прошла без голосования. Третий кадр был увековечен на пленке.

— Благодарю съемочный коллектив, — подражая манере Протарзанова, сказал Мартын. — Съемка окончена. Вольно!

— Позвольте мне, — вдруг поднялся с кресла Юрий. — Скажите, товарищ Калинкин, когда у вас идет совещание, вы эти вечнозеленые растения оставляете здесь?

— Нет, зачем же? Они вовсе не вечные, я их впервые вижу... А откуда они взяты — это уж вам, должно быть, лучше известно.

— Почему лучше? Я... и эти деревья... ничего общего... — растерянно улыбнулся Благуша. — Волшебные лесонасаждения! Разве эта райская обстановка, Тимофей Прохорович, не в вашем вкусе?.. А в чем же?

Брови Калинкина вопросительно изогнулись.

— Мне говорил Умудренский, что это нужно для ваших

съемок, — сказал ошарашенный хозяин кабинета: — неловко, мол, с экрана бедность-скромность демонстрировать: вредное обобщение! Вы, мол, дали команду... — Глава облторга вдруг почувствовал себя очень скверно. Мгновенно поняв, что ослепительный декорум — дело не операторских рук, он долгим, жгучим взглядом посмотрел на подчиненных.

— Кто? — грозно спросил он.

— Кому? — откликнулся Сваргунихин.

— Мы... вот... того... пораскинули мозгами... — начал Умудренский.

— Пораскинули? — закипая, сказал Тимофей Прохорович. — Мозгами, значит? А ну, покажите, как вы это делаете!

— Мы думали, как лучше... в интересах киноискусства... чтоб наш передовой торг... не стыдно чтоб...

— Минуточку спокойствия, — сказал Юрий. — Кабинету надо придать прежний вид. Начинается эпоха реставрации... Я попрошу вас, товарищ Умудренский, вынести отсюда эти штучки... Мы будем переснимать!

Расстроенный Калинин отвернулся к окну. В эту минуту даже липы вдоль тротуаров казались ему бутафорией, привезенной сюда с киносъёмочной целью.

Умудренский и Сваргунихин тем временем выкатывали бочки с пальмами в коридор. На днищах бочек зеленели буквы «Тянь-Шань»...

— Из-за чего сыр-бор городить? — взволнованным шопотом произнес Мартын. — Ведь в сценарии намалевано черным по белому: «Кадр 69 — хорошо обставленный кабинет начальника облторга». — И Благуша улыбнулся такой обезоруживающе-мягкой улыбкой, что Юрий не выдержал и отвел глаза. Улыбки Мартына на него действовали как-то демобилизующе. От них веяло такой добротой и умиротворением, что хотелось иногда броситься к Благуше на шею и доверчиво излагать ему наиболее интимные факты биографии.

— Благуша мне друг, но истина дороже, — тихо ответил Юрий. То, что он во-время отвернулся, спасло его от дезорганизующей улыбки друга.

— А ты что, не бачил таких пальмовых кабинетов? — продолжал Мартын. — Вспомни директора нашей студии хотя бы.

— Мы, кажется, договорились: ты не мешаешь снимать мне, я — тебе. Ты мною как осветителем был доволен? Ну, так услуга за услугу — встань-ка вон туда, а эту лампу расположи правее кресла...

Реставрация кабинета шла полным ходом. С начальника АХО пот лил как из ведра, а с агента по снабжению сыпался градом.

— Влияние Благуши. Любовь к верхним точкам, — сказал Юрий взбираясь на сейф.

Можаяев запечатлел на пленку и смущенную улыбку Мартына, и выкатывание пальмы в коридор, и вынос Умудренским трех подозрительно неразговорчивых телефонных аппаратов.

— Бронзу захватите, — посоветовал Сваргунихину Юрий и слез с несгораемого шкафа. — Чревовещательную рыбку не забудьте вернуть.

Агент молча потащил фаршированную карандашами рыбину к двери. Когда он поравнялся с Умудренским, снимавшим со стены картину в золоченой раме, Юрий, пряча улыбку, негромко вскрикнул:

— Осторожнее!.. Картина... Ай!..

И не успел оператор досказать свою мысль, как Сваргунихин, не выпуская рыбы из рук, сделал гигантский скачок в сторону. Карандаши разлетелись по кабинету.

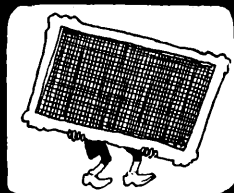
— Оригинальный глухой, — сказал Юрий. — Отчего он прыгает, как козел? Как это он расслышал мое предупреждение?

— У него инстинкт, — приходя на помощь союзнику и снимая раму, сказал Умудренский. — У них, у глухих, это развито до чрезвычайности.

— Знавал я одного такого, — сказал Юрий. — Он даже звон в чужом ухе слышал.

— Кого? — жалобно произнес Сваргунихин.

— Зайдите ко мне через час, — сказал Калинин, воинственно шевеля бровями. — И захватите с собой справку от ушника... Побеседуем по душам.

Сваргунихин побрел из кабинета в полном расстройстве, даже не подобрав карандашей.

— И вы тоже зайдите ко мне вместе со Сваргунихиным!

— Улавливаю вашу мысль, — сразу погрузнел Умудренский и унес раму с невыясненной копией «Не ждали... Вернулся».

Кабинет постепенно приобретал повседневный облик. Начальник облторга, почувствовав себя в своей тарелке, занялся текущими делами.

— О съемке предупредите, — меж двумя телефонными разговорами сказал он операторам.

Мартын, озадаченный поворотом событий, добросовестно исполнял обязанности светотехника.

Юрий, то и дело прикладываясь к окуляру аппарата, старался не мешать сотрудникам, приносящим бумаги на подпись, и посетителям, которые, несмотря на неприятный день, все-таки прорвались к начальству.

Через час Калинин не выдержал:

— Теперь я понимаю, почему у нас так плохи дела с фильмами... Если уж хроника возится с тремя кадрами целое утро, то что же художественникам делать остается? Может, отложим эти кадры на завтра?

— А мы уже всё сняли, — ответил Юрий, — камера включалась без предупреждения. Простите за муки. Не делитесь впечатлениями о съемке с вашими братьями и сестрами. Учтите, им это еще предстоит, а вы можете их испугать.

Можаяев взял шляпу и раскланялся.

...Оставшись один и поразмыслив о том, в каком невыгодном свете предстал он перед приезжими, Тимофей Прохорович повелел немедленно вызвать незадачливых декораторов.

Глава облторга бушевал долго и громко. Куски фраз и обломки предложений долетали даже до котельной:

— ...Весь торг опозорили!.. Знаю, что улавливаешь!.. Я тебе покажу «кого»... А ты на Сваргунихина не сваливай!.. А ты на Умудренского не сваливай!.. С глаз долой!..

Сотрудники припали к столам, ожидая конца грозы. По коридору промчался потный от страха Сваргунихин. Уши его вибрировали. Потом дверь кабинета отворилась, и все услышали драматический тенор Умудренского:

— Несправедливо! Такую кляксу на репутацию! Оклеветан! Ваше доверие для меня самое дорогое! Не вынесу! Руки на себя наложу!

И снова в торге наступила тишина.

— Отходит! — шептали сотрудники, косясь на двери кабинета.

Калинкин постепенно успокаивался. Если в первые мгновения после ухода Умудренского брови начторга бурно вздымались, как валы во время десятибалльного шторма, то теперь по челу его гуляли лишь небольшие волны, не грозящие никому из сотрудников крупной катастрофой. Начальник облторга был темпераментным человеком. Сотрудники, видя его во гневе, трепетали. Но стоило виновному, бия себя в грудь, покаяться, как Тимофей Прохорович смягчался. Впрочем, смягчался он так или иначе всегда. Такой уж у него был характер. Махнет рукой, скажет:

— Э, да ладно... В конце концов все это мелочи бытия, муравьиная возня, пустяковина... А по мелочам размениваться — основное упустишь. В руководстве учреждением самое главное — масштабность, перспектива, размах...

И наступал штиль... И «мелкие» недостатки продолжали ютиться под сенью крупных облторговских проблем.

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Если судить по анкетам, то биографии сестер Калинкиных походили друг на друга, так же как их фотографии. Вера и Надежда родились в один и тот же год, месяц, день, между четырнадцатью и пятнадцатью часами по красногорскому времени. Кто-то из них был старше на полчаса, но кто именно — это оставалось родительской тайной.

Девочки в один и тот же час уселись за школьные парты, в один и тот же день им впервые сделали прививки против оспы, в один и тот же месяц они получили паспорта, в один и тот же год — аттестаты зрелости. Но на этом сходство кончилось. Дальше начинались сплошные несовпадения.

В пятилетнем возрасте Вера переехала на постоянное жительство в Красногорск: Тимофей Прохорович Калинкин решил временно удочерить свою младшую сестру.

Детей у Тимофея не было. Жена его, Станислава Петровна, человек большой души и мягкого сердца, домохозяйка по профессии и воспитательница по призванию, не знала, куда девать обширные запасы своей нежности. Итти же по стопам некоторых, отдельных, нетипичных, но тем не менее часто встречающихся бездетных жен ответственных работников, лелеющих котят и барбосов, Стасе не хотелось.

На очередном совместном заседании супруги решили войти с ходатайством к Пелагее Терентьевне — откомандировать одного из младших Калинкиных в Красногорск для дальнейшего подрастания под присмотром и руководством Тимофея Прохоровича.

И хотя Пелагее Терентьевне было не так-то уж легко управляться с хозяйством и выращивать полдюжины ребятишек, на проект Тимофея она решительно наложила «вето»:

— Ну, кого я отдам? У меня лишних нет! Каждый по-своему хорош, каждый в своем роде!

И в этот момент высокодраматического накала она была поймана на слове. В дом, препираясь на ходу, вбежали близнецы. В полемическом азарте Пелагея Терентьевна тотчас же их спутала и Веру назвала Надей, а Надю — Верой.

— Каждая, конечно, хороша в своем роде, — внутренне торжествуя, согласился Тимофей, — но вот тут... как бы это выразиться?.. вроде их двое, а вроде и одна. Вот один экземпляр и поедет ко мне, а другой вы оставите себе.

Мама бурно запротестовала. Вечером вернулся с поля Прохор Матвеевич и, как глава семьи, сказал свое веское слово:

— Пусть едет Вера, — произнес он, показав на Надю. — Там у них коммунальные условия и вообще жилплощадь. Тимоша ее обижать не будет. А вот новый дом отстроим — тогда назад приедет.

— Ладно уж, — буркнула Пелагея Терентьевна, — везите. Но вообще своих детей заводить надо, а не одалживать!

И Вера Прохоровна отбыла из деревни Горелово в город Красногорск.

Вера была не избалована, капризничать не умела, плакала редко и ела все. Так как в то время у ответственных работников было модно трудиться круглосуточно, то Тимофей Прохорович дома почти не бывал. А добрая Стася имела свой индивидуальный взгляд на воспитание детей: «ребенок не должен отказывать себе в радостях жизни».

— Играй, Верусик. Кушай, Верунчик. Веселись, Верочек! — приговаривала любвеобильная Станислава Петровна. — Придет время — и ты будешь вместо шоколада познавать горечь жизни...

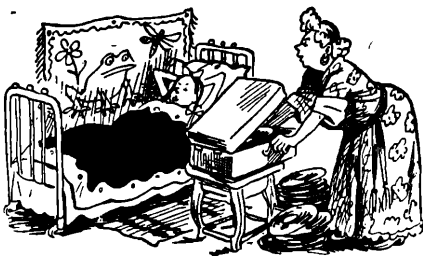
Стоило Верусику замедлить шаг у магазина игрушек, как Стася бросалась к кассе и восторженно выбивала чеки на комплект елочных хлопушек, настольную игру «Логарифмы для самых маленьких» и на куклу, умеющую говорить несколько слов: «папа», «мама» и «аггегат».

Узнав, что Верунчику больше нравится кататься на автомобиле, чем гулять по скверу или садику, Стася вызывала машину мужа и возила девочку по окрестностям Красногорска.

— В целях развития у ребенка любви к природе, — поясняла она знакомым.

В семье Тимофея Верочек ознакомились вплотную с шоколадом и, к восхищению Станиславы Петровны, вскоре безошибочно отличала «Золотой ярлык» от всех других сортов.

— Боже мой! Ну где вы видели еще такое дитя?! — восторгалась Стася. — Верунчик любит шоколадные изделия! Необыкновенная девочка!

Необыкновенную девочку отныне стали укладывать бай-бай с шоколадкой в руках. Однако со временем шоколад потерял свое снотворное действие. Расстроенная Стася несколько дней разучивала колыбельные песни по сборнику для клубной самодеятельности.

Но Верунчик отвергла весь репертуар.

— «Нет, твой голос нехорош: очень тихо ты поешь!» — лепетала необыкновенная девочка.

Из этого заявления были тотчас сделаны оргвыводы. Стася купила патефон и набор усыпляющих пластинок. Среди них были колыбельный романс «Спи, моя радость, усни», «Беседа о воспитании дошкольников» и отрывок из художественной прозы «Кавалеры и звезды».

...В то время, когда Вера Прохоровна покоилась в постели, сосала шоколад и дремала под художественную прозу, ее сестра Надежда Прохоровна еще не помышляла о сне.

В многочисленной семье Калинкиных каждый имел определенную общественную нагрузку. Феликс пас козу, Ольга кормила кур, Владимир носил воду, Надя числилась в баюкальщиках. Она качала люльку, в которой лежал не резиновый пупс или целлулоидовый голыш, как у ее подруг и сверстниц, а настоящий, живой и довольно горластый братец Николай. Это обстоятельство укрепляло высокий Надин авторитет среди семилетних односельчан.

Когда Николай перерос колыбельные размеры и решительно отрекся от соски, Наде дали новое, не менее важное поручение. Она стала носить в поле обед Прохору Матвеевичу.

— Ты у меня скороход! — шумно встречал ее отец. — Борщ-то еще и остыть не успел. Тебе за прыть трудодни начислять надо!

И не было в такие моменты среди гореловцев более гордого своей трудовой деятельностью человека, чем Надя.

...Веру все ее городские подруги называли «воображалой». Некоторые выражались по-взрослому, еще более осуждающе: «гордячка». Вера никогда не включалась в подвижные и настольные игры сама — всегда ждала персонального приглашения. Если забрасывала куда-нибудь мячик, то терпеливо провожала его взглядом своих больших влажных глаз и ждала, когда мячик принесут. Естественно, что самые крупные неприятности имел тот, у кого игрушки оказывались лучше, чем

у Веры Прохоровны. Необыкновенная девочка их просто-напросто ломала.

Чтобы укротить разрушительные наклонности своей воспитанницы, Стася покупала ей такие игрушки, лучше которых измыслить было невозможно. Вместе с заводным шагающим страусом и набором марионеток для домашнего театра приобрели по случаю и солидный министерский портфель с серебряной табличкой.

— Вот, Верунчик, — ворковала умиленная Стася, — скоро ты пойдешь в школу и этот портфельчик понесешь с собой. Но когда Верунчик пошла первый раз в первый класс, то нести портфель отказалась наотрез.

— А домработница для чего? — спросила юная Калинкина ледяным тоном.

И тут Тимофей впервые возмутился, долго кричал об эксплуатации человека человеком, об использовании наемного труда, наконец о том, что в жизни каждый должен нести свою ношу...

— Это непедагогично — итти на поводу у ребенка, — неумолимо заявил он жене, когда та вручала портфель домработнице.

Стася молча выжидала.

Тимофей стал постепенно остывать. «В конце концов девочка не виновата, — размышлял он. — Восемь лет! Святая простота. Ангельская непосредственность. А я ей чуть ли не «Капитал» цитировал... Конечно, Стася должна была провести соответствующую воспитательную работу, но она так любит Верочку... Нельзя же любовь ставить ей в вину! И в конце концов все это мелочи бытия, муравьиная возня, пустяковина... Главное — что она охотно идет в школу, у нее есть желание быть отличницей. Это перспективно, масштабно».

— Верусик опоздает в школу из-за наших споров, — молвила Стася, заметив смену страстей на лице супруга. — Нельзя насиловать волю ребенка! Кто же понесет портфель?

— Его никто не понесет! — компромиссно провозгласил Тимофей. — Его повезут. Вызовите мою машину и поезжайте в школу!

В автомобиль быстро погрузили Веру Прохоровну, министерский портфель и сверток шоколада на завтрак. Стася с гигантским, в четыре обхвата, букетом пионов (за которым специально ездили в садоводство) едва поместилась рядом с шофером...

...В тот день у Нади тоже имелся букет, завтрак и портфель. Букет ее состоял из

цветов, выросших стихийным образом. Завтрак — из доморощенных плюшек. А портфель имел уже солидную историю, ибо с ним получали среднее образование несколько предыдущих братьев и сестер Калинкиных.

По дороге в школу, возле колхозного клуба, Надя остановилась. Рыжеголовый и лохматый односельчанин ее, по кличке Валерка Мухомор, придерживая за тонкую косу девочку из соседней деревни, пытался свободной рукой вырвать у нее цветы. Очевидно, забыв нарвать себе букет, Валерка решил добыть его пиратским способом. Надя пробралась сквозь толпу первоклассниц, наблюдавших эту сцену, и наставительно сказала:

— Чужое без спросу брать нельзя!

— А я спрашивал — она не отдает, — отвечал Мухомор.

— Отпусти косу и не тронь цветов! — ультимативно заявила Калинкина.

— Поду-у-умаешь! — расхохотался Валерка и в тот же миг очутился в канаве.

— Подножка! — завопил он, вскакивая на ноги и засучивая рукава. — Запрещенный прием!

Девочки, стоявшие кругом, ликуя смеялись. Спасенная первоклассница показывала ему длинный нос, а Надя Калинкина — кулак.

Кулак на Мухомора почему-то произвел большее впечатление.

— Подумаешь, — сказал он презрительно, — пошутить нельзя! — и убежал, не найдя в себе мужества продолжать агрессивную политику.

На глазах у Нади появились слезы. Увлечшись восстановлением справедливости, она выронила свой букет. Цветы поштучно лежали в той же канаве, откуда только что выбрался Мухомор.

Стоя над рассыпанными цветами, девочки-первоклассницы о чем-то шептались. Потом одна из них подошла к Наде и вручила ей громадный букетище.

— Это тебе, — сказала она упавшим голосом, — передашь учительнице от всех нас!

...Вера чувствовала себя маленькой хозяйкой большого дома. Во время войны, пока Тимофей Прохорович был на фронте, Станислава Петровна окончательно утратила инициативу в семейных делах. Возвратившийся Калинкин в первый же день понял, что бразды домашнего правления твердо держит в руках одиннадцатилетняя Вера Прохоровна.

Сначала, как положено, Тимофей даже пожурил Стасю за бесхребетность и мягкосердечие. Но потом поразмыслил и успокоился:

«Все-таки у Верочки характер наш, калинкинский! И хорошо! А разве с таким, как у Стаси, проживешь?»

Этим же летом Пелагея Терентьевна, совершая ежегодный объезд детей, завернула на дачу Тимофея, под Кудеяровом.

— Теперь у нас мирные трудодни пошли, — объявила мама. — Избу новую поставили. Может, Вероида, домой вернешься?

— Мне и здесь хорошо, — нетерпеливо сказала Вера. — На вашем месте, мама, я бы сюда сама перебралась. У вас там что — деревня! — и, презрительно передернув плечиками, Вера Прохоровна вышла.

— Стася, налей мне скорее какао и иди ловить бабочек! — послышался с террасы Верин приказ.

Вера обещала учительнице к началу учебного года собрать для биологического кабинета коллекцию бабочек и стрекоз. Ей самой это занятие быстро наскучило, и на отлов насекомых обычно мобилизовались Стася и домработница.

Но на этот раз заготовительная кампания чуть не была сорвана распалившейся Пелагеей Терентьевной. Воспитательные принципы и установки Стаси подверглись сокрушительному разгрому. Верин образ жизни был заклеямен, как порочный. Невмешательство Тимофея приравнено к деяниям, предусмотренным гражданским кодексом...

— Из тебя воспитатель, как из меня комбайнер, — сказала Пелагея Терентьевна. — И вообще ты за деревьями леса приметить не можешь...

Если бы на даче случайно оказался младший или даже средний научный сотрудник из Академии педагогических наук,

то высказанных Пелагеей Терентьевной мыслей хватило бы ему на две диссертации и на сценарий учебного фильма.

Правда, выступление свое Калинкина-старшая кончила несколько ненаучно:

— Вероида, собирай вещи, поедешь домой! А то отшлепаю!

— Да бросьте вы, мама, нервничать по пустякам. Ну, не все ли равно, кто поймает мошку-букашку? Вы, я или Вера... Главное — что она интересуется биологией, участвует в общественно-полезном начинании, — заметил Тимофей.

— Не хочу я перевоспитываться, — заявила Вера Прохорова, — и никуда я от Стаси с Тимой не поеду! А если увезете — назад уберу!

Пелагея Терентьевна вспыхнула и уехала. Потом она горько раскаивалась: Веру надо было все-таки увезти...

— Необыкновенная девочка! — воскликнула растроганная Стася, утирая крупнокалиберные слезы.

...— Необыкновенная девочка! — воскликнул тренер межколхозной физкультурной организации «Пшеница», когда увидел, как новичок Надежда Калинкина в первом же заплыве обогнала многих его воспитанниц. Позади остался даже Валерка Мухомор. А ведь он уже целый год хвастал, что вот-вот станет пловцом-разрядником.

Водную стихию Надя покоряла успешно. Все свободное от борьбы с сорняками время она отдавала совершенствованию кроля и брасса. Дело дошло до того, что в следующем сезоне она вышла на второе место среди девочек района. И ей преподнесли в подарок единственно оказавшуюся в раймаге спортивную литературу «Вопросы тренировки боксера на открытом воздухе в зимних условиях» (цена в лидериновом переплете 42 рубля 17 копеек).

Но Наде был дорог не сам подарок, а то, что вручала его чемпионесса области по плаванию. Этой женщине Надя тайно поклонялась и старалась ей подражать. К ужасу Пелагеи Терентьевны, дочка даже своими косами пожертвовала ради того, чтобы перейти на прическу чемпионессы.

...У Веры тоже имелся достойный объект для подражания. Это была старшеклассница Вика Спотыкач, девушка умопомрачительной стройности и непревзойденной грации. Особенно неотразимое впечатление на Калинкину производили крашенные Викины ресницы и ее горячая убежденность в том, что декольте имеет огромные преимущества перед банальными плиссе-гофре.

Сидр Ерофеич Спотыкач, ведущий специалист по томатному соку, член редколлегии журнала «Помидорник-огородник», пользовался большим авторитетом в Красногорске. По-

этому кое-кто из учителей старался не обращать своего педагогического внимания на Викины шалости и пробы в эрудиции.

— А скажи, милая, — великодушно спрашивал ее географ, — как имя испанского мореплавателя?

— Светофор Колумб, — без запинки отвечала начитанная девушка. Даниила Заточника она шустро назвала Даниилом Точильщиком, Желтое море путала с Красным, а Белое — с Черным. Но это уже не вызывало сенсации в женской средней школе № 7.

Фурор произвело появление Вики в туфлях на высоком каблуке типа «небоскреб». Таких каблуков в Красногорске не было даже у студенток искусствоведческого факультета. Между землей и пяткой находилось десять сантиметров дерева и кожи.

В тот же вечер Вера Калинкина потребовала у Станиславы Петровны для посещения школы такую же ультрамодную обувь.

— Или ты мне заказываешь туфли, или я завтра же уеду к маме! — кричала Вера на Стасю. — Двенадцать сантиметров, и ни миллиметром ниже!..

Из педагогических побуждений Стася сопротивлялась. Страсти накалились.

В этот час с работы приехал Тимофей.

Его мохнатые брови ходили ходуном. Очевидно, спор на туфельную тему слышен был даже на улице.

Глава семьи пылко и страстно обрушился на сверхкаблуки, назвав их «примером проникновения мещанского вкуса в сознание учащихся» и «образцом неправильного подхода к проблеме школьной обуви».

Вера умолкла. Она хорошо знала своего брата.

Действительно, Тимофей, закончив ширпотребную тираду, задумался: «Девочка не виновата. Пятнадцать лет... Запросы... Потребности...»

— Двенадцать сантиметров, и ни миллиметром ниже! — тихо повторила Вера.

— Десять! — решительно отрубил Тимофей.

Спор сразу увял. Вера не протестовала: она нарочно увеличила сантиметраж, заранее рассчитывая на то, что придется сделать скидку.

— Супер — экстра-класс! — восхитилась Вика Спотыкач, увидя на Вере новые туфли. «Высотный» каблук окончательно сблизил Веру с Викой. Теперь Калинкина считала себя на равной ноге со старшеклассницей. Более того, она стала поверенной всех Викиных тайн. Ей стало известно, что ее старшая подруга мечтает о вузе.

— Боже! Ты не знаешь, что такое «вуз»? — смеялась над приятельницей Вика. — Откуда такая наивность? Это значит — Выйти Удачно Замуж! Чтобы муж мог в год обеспечить мне шесть платьев из парчи, три капота, две путевки в Сочи и колье под Новый год. Программа-минимум! Такого мужа найти тоже надо уметь!

И Вика сумела. В тот же самый день, когда она получила аттестат зрелости, в загсе ей выдали свидетельство о браке. Счастливым супругом оказался некто Единоверцев, товарищ, посвятивший свою жизнь делу снабжения и сбыта и, кроме рубля, ни во что не веривший.

На свадьбе после азартных воплей «горько» и затяжных поцелуев Вика заявила дальним родственникам мужа:

— Зовите меня Виктория Айсидоровна! Так благозвучнее. Ведь я теперь жена ответственного работника. Ответственная жена!

Сидр Ерофеич Спотыкач подивился той легкости, с которой дочка отреклась от отчего имени, но протеста не заявил. Во-первых, работа с томатным соком приучила Сидра Ерофеича к умиротворению, а во-вторых, он давно махнул рукой на Викины чудачества.

Калинкина пила шампанское и упивалась счастьем подружки. Но Викино счастье оказалось недолгим. Вскоре муж ее пострадал за свою веру и был отлучен от высокого руководящего сана, хотя официально и по собственному желанию, но со строгим выговором. Вика рассчитала, что Единоверцев поднимется не скоро, и немедленно разлюбила его. А разлюбив, дала развод. «Вуз» не удался. Но, как глубокомысленно сказал поэт, «за первой любовью нахлынет вторая»... И она нахлынула. И была узаконена новым штампом загса. Потом нахлынули третья, четвертая... Супругами Виктории Айсидоровны стали последовательно: частный врач-стоматолог Дунькан, первый тромбон красногорского театра Акушеткин. Но сколько стоматолог ни короновал своих пациентов, сколько оркестрант ни дул в тромбон, программа-минимум не обеспечивалась. Разочарованная Вика решила пойти по линии административного выдвижения. Ее мужем стал Игорь Олегович Закусил-Удилов — ответственный работник Кудеяровского горсовета.

— Теперь я жена номенклатурного лица, — заявляла всем Вика. — Номенклатурная жена!

В эти слова Вика вкладывала особый подводный смысл. Отныне свое высокое призвание в жизни она видела в том, чтобы быть супругой только высокоответственного товарища, которого она могла бы вдохновлять на успешное продвижение по служебной лестнице.

«Хороший муж должен делать хорошую карьеру», — говорила Вика.

Это несимпатичное для других слово «карьера» звучало в устах Вики таким лирическим капричем. За ним рисовались материальные блага в виде отдельной квартиры с мусоропроводом и горячим водоснабжением, персональная машина и постоянное место в первом ряду партера в городском театре.

Когда Вика сидела в бронированном кресле первого ряда, она чувствовала себя на седьмом ярусе неба. Тщеславие ее было удовлетворено.

У Веры избранника сердца еще не было. Правда, ей с завидным постоянством поклонялся некий доцент-пигментолог, специалист по загарам Н. Е. Андерталец. С ним Вера познакомилась во время первого бракосочетания своей приятельницы. Н. Е. Андерталец вел бродячий образ жизни. Вечный курортник, он переезжал из одного целебного местечка в другое, ревизуя пляжи и физиопроцедуры. Открытки, присылаемые доцентом Вере, являлись вещественным доказательством его любовной тоски. Разные по форме, они были несколько однообразны по содержанию.

То это был бушующий поток, и подпись на открытке гласила: «Гудаута. Водопад «Мужские слезы». Тираж 25 тысяч экземпляров». Наискось через весь водопад экономным врачебным почерком (таким шрифтом обычно заполняются аптекарские сигнатурки) шла надпись: «Вера, мое солнышко! За последнюю неделю водопад «Мужские слезы» стал соленым и полноводным, так я тоскую! Бронировал две путевки с видом на пляж. Н. Е. Андерталец».

То открытка изображала обломок скалы, похожий на вырванный зуб. Обломок носил поэтическое наименование — «Замок коварства и любви». «Нахожусь в Кисловодске, — сообщал Н. Е. Андерталец, — умираю от своей любви и вашего коварства. Бронировал две путевки с видом на Эльбрус».

Может быть, Вера с большей благосклонностью отнеслась бы к своему наиболее постоянному поклоннику, если бы он не был пожилым человеком с ученой степенью и двумя детьми. К тому же Вера переживала нелегкие дни. После того как она окончила десятый класс, все Калинин, единым фронтом, повели на Веру наступление и заставили ее подать заявление в институт. Но аттестат, в котором наряду с пятерками были и тройки, к сожалению, твердой гарантии зачисления в студенты не давал.

— Не беспокойся! — предупредила Вика. — Я тебя устрою без экзаменов в институт иностранных языков. Инязычница! Ах, это будет звучать!

Успокоенная Вера решила поехать на несколько дней в деревню на семейный праздник — годовщину брака отца и матери. Поздно вечером личная закусил-удиловская машина доставила Веру Прохоровну в Горелово.

Все Калининны, кроме Нади, уже спали. В притихшем доме слышалось только тиканье часов да приглушенный Надин смех: она читала глубокомысленное произведение модного романиста, который был уверен в том, что он хорошо знает колхозную деревню.

— Это мне, наверное, снится! — сказала Надя, увидя на пороге Веру. — Вера приехала в село! Ах, какие краски! Что за оперение!

— Что же, прикажешь мне ходить в таком сарафане, как у тебя? — фыркнула Вера.

Утром будущая инязычница проснулась позже всех. Ее разбудил чей-то смех.

Вера Прохоровна выглянула в окно и увидела... себя. Она стояла среди улицы и снисходительно оглядывала местных жителей. На ней была сине-оранжевая кофточка с чудо-птицами на груди, красный башлык, голубые танкетки на пробковом ходу и сумка в виде турецкого барабана. Глаза скрывались за дымчатыми светофильтрами.

— Какая вы, Верочка, интеллигентная, не то что ваша сестрица, — охала базарная торговка бабка Трындычиха. — У нас на селе таких красивых девок нонче не бывает! Сразу видать — культура!

В этот момент Вера номер два сняла очки и с ударением произнесла:

— Значит, культуру сразу видно?

— Эх, Надюшка! — на ходу переключилась Трындычиха. — Обрядилась, как индюшка, ходит, хвастает! Тебя эвон птицы пугаются, за чучело принимают!

Вера не шутя разозлилась на Надю. Высмеять ее, первую красногорскую красавицу, перед всем селом? И зачем она вообще приехала сюда?! Кончилось тем, что Вера попросила у мамы какой-нибудь старенький сарафан: на улице в ультрамодных красногорских нарядах появляться было уже рискованно.

Гостья прожила в Горелове всего два дня. Вспомнив, что Викина любимая маникюрша уходит в отпуск, Вера укатила в Красногорск лакировать ногти. И хотя она обещала вернуться на следующий день, в деревне ее больше не видели.

МЕЧТЫ ПО ДОРОГЕ

Белый фаэтон № 777, похожий на летний мужской полуботинок, тихо и плавно катился по тенистым улицам Красногорска. С Ново-Кондовой автомобиль свернул в Античный переулок.

Альберт Бомаршов вез Веру Калининку в загс — подавать заявление о регистрации брака. А через неделю они снова поедут туда — уже расписываться.

Момент был торжественный. Жених и невеста безмолвствовали. Казалось, им не хватало слов, чтобы выразить все охватившее их счастье. Видимо, им было о чем помолчать.

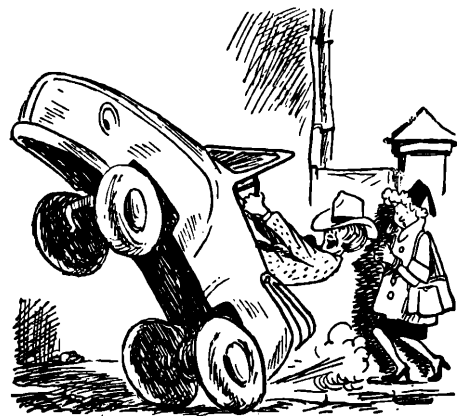
Светофор возле универмага зажмурил зеленый глаз, и Альберт затормозил.

Из дверей универсального магазина выходили воодушевленные красногорцы. Те, кто хотя бы частично удовлетворил свои покупательские запросы, везли и тащили в семейные очаги плюшевых мишек, эмалированные тазики, чопорные пылесосы, рулоны мохнатых туркменских ковров и рижские полированные гарнитуры.

На тротуаре в ожидании транспорта стояли зеркальные шкафы. Возле них с самодовольными улыбками на устах суетились бывшие покупатели, перешедшие в ранг владельцев. Зеркал было так много, что солнечные зайцы разбежались по всей улице.

«Вот здесь, на углу, мы впервые увидели друг друга!» — с милением вспомнила Вера.

Она так ярко и отчетливо представила себе тот день, словно все произошло не полтора месяца назад, а вчера. Вот так же, щедро отражая проходящих и проезжающих, стояли зеркальные шкафы. Поливная машина окропила было тротуар, но шкафовладельцы подняли такой крик, что поливальщик сложил свои водяные крылья и испуганно умчался. Мокрый асфальт улицы дымился.

Белый фазетон одиноко стоял на перекрестке. Когда молодой человек за рулем увидел Веру (а она сразу заметила, что он обратил на нее внимание), то так растерялся, что пропустил зеленый свет. Он пришел в себя лишь после того, как глаз светофора снова стал алым.

«Сколько в нем нежности и страсти! — с любовью подумала Вера об Альберте. — Как изысканно вежлив, как бла-

городен был он в день знакомства! Ах, как жаль, что родители не могут оценить по достоинству эту утонченную душу!»

Ну, конечно же, Альберт не мог проехать мимо такой очаровательной девушки! Высокая, ясноглазая, она шла по тротуару, и почти все мужчины, по крайней мере так казалось ему, восхищенно смотрели ей вслед.

— Я должен во что бы то ни стало познакомиться с этим пупсиком! — молвил юный Бомаршов.

Альберт помнил все так, словно это случилось сегодня утром. Он не мог оторвать взгляда от стройных ножек девушки.

— Ах, боже мой! Ну как же познакомиться? Каким способом?

Способов знакомства с помощью автомобиля Альберт Бомаршов имел на вооружении всего три.

...Увидев красивую девушку, Альберт судорожно тормозил машину и восклицал:

— Дорогая, когда я увидел вас, я сразу забыл все правила уличного движения! Скажите, где здесь левый поворот?

Обычно незнакомка отвечала, что точно не знает. И тут он завязывал беседу о коварстве уличного движения, опасных поворотах, рискованных переходах и неукротимой езде на красный свет.

Углубление знакомства было уже делом голой техники, как любил говаривать его друг поэт Дамоклов.

...Второй способ назывался почему-то «бродвейским». Авто тормозилось так, будто сдерживаешь горячего необъезженного мустанга: гикая и произнося ругательства на иностранных языках. Особым шиком Альберт считал, если при этом одно колесо машины залезет на тротуар.

— Хэлло, крошка! — широчайшим жестом распахивая

дверцу, кричал он в данном случае. — Я не могу спокойно держаться за баранку, когда такие красотики ходят пешком! Мой фаэтон у ваших ног! А ножки у вас такие, что, глядя на них, хочется просить вашей руки! Садитесь, я довезу вас до Ниагары, а может быть, и дальше!

Весь расчет строился на быстроте и натиске. Большое значение имела ошарашивающая голливудская улыбка. Чтобы добиться нужного оскала, Альберт тренировался перед зеркалом три с половиной месяца. При «бродвейском» способе встреча не могла закончиться ничем. Ошеломленная жертва или безропотно влезала в машину, или сразу звала на помощь ближайшего милиционера. Во втором случае спасали только третья скорость и четыре колеса.

...Последний способ был мягким и гуманным. Он назывался «кинолирическим» и был рассчитан на полную потерю бдительности среди девушек.

Роскошная машина бесшумно останавливалась на десять метров впереди намеченного объекта. Из авто выходил эксцентричный молодой человек и начинал чрезвычайно озабоченно присматриваться к прохожим. Когда ничего не подозревающая девушка приближалась, то молодой человек очень учтиво, с тысячью извинений и легкими полупоклонами просил уделить ему минутку времени. Затем он рекомендовался ассистентом какого-нибудь знаменитого кинорежиссера:

— Мы снимаем картину «Ты постой, постой, красавица моя». Очень любопытная фольклорно-песенная лента... Жена режиссера, как вы, вероятно, понимаете, уже в летах. Врачи ей запретили играть молоденьких. А роль юной героини словно для вас написана. Между нами, вы созданы для экрана! Такие ресницы! Глаза! Овал лица! Вам прежде никто этого не говорил? Не может быть! Значит, вы жили доселе в кругу эгоистов, чуждых эстетике!.. Учтите: я ничего не гарантирую, будут еще просмотры и пробы. Вы познакомитесь с режиссером и всем съемочным коллективом. Но мне кажется, вы именно то, чего до сих пор не доставало нашему кинематографу! Будьте добры, ваш адрес, телефон, имя, фамилию, семейное положение... Я доложу на худсовете. И на-днях вызовем вас на прослушивание...

Если удавалось получить все необходимые сведения, то дальше все шло само по себе. Несколько встреч, якобы для проверки дикции и пластики... Потом просто так прогулка в парк. А когда выяснялось, что фольклорного фильма в природе не существует, то взаимоотношения уже были налажены. И кинознакомство легко выдавалось за невинную шутку, милую интеллектуальную шалость влюбившегося с полувзгляда человека.

Альберт, увидев Веру в тот памятный день, быстро прикинул шансы на успех во всех трех вариантах. Киноспособ показался ему в данной ситуации самым пригодным. Он вылез из машины и стал всматриваться в лицо приближающейся девушки. Оно показалось ему почему-то знакомым. Вера была уже в двух шагах, когда Альберт вспомнил фотографию, замеченную им в квартире Калинкиных во время собрания с папой материала для киносценария.

«Так это же Вера! — озарило его. — Ну, данных для знакомства достаточно! Все будет олл райт! Пупсик, можно сказать, уже на крючке!»

И юный Бомаршов уверенно подошел к девушке:

— Если не ошибаюсь, вы Вера Калинкина? Наконец-то я вижу героиню нашего с папой сценария!

И тут чуть не испортил дела какой-то пожилой гражданин. Он остановился возле белого лимузина и покачал головой, устремив осуждающий взгляд на Бомаршова-младшего:

— Сегодня на моих глазах вы пристаёте уже к пятой девушке!

Наступила щекотливая пауза, но Альберт, удачно сославшись на галлюцинации и сплетни, отбилсЯ от пожилого гражданина.

А через пять минут Вера уже сидела в белом фэртоне № 777 рядом с водителем — точно так же, как она сидела сейчас. Только тогда машина свернула налево, к парку, а сейчас они поедут направо — в загс...

Светофор менял цвета, как хамелеон. Из красного он стал желтым, потом зеленым.

Мелькнули рестораны «Эльбрус», «Тянь-Шань», «Енисей», «Струи Арагвы». Швейцары, стоявшие у парадных дверей, почтительно приветствовали Альберта.

Вере льстила популярность ее жениха. Именно здесь, среди этих «Струй Арагвы» и «Енисеев», протекал короткий, но бурный период ухаживания Бомаршова-младшего за представительницей семьи Калининских. Вера влюблялась в Альберта под звуки бывшего джаза, ныне выступающего под псевдонимом «эстрадный оркестр». Выстрелы бутылок шампанского казались ей салютом в честь их любви.

«Все мои сородичи недооценивают Альберта, — думала Вера, покачиваясь на подушках автомобиля. — А он так заботлив, так меня любит... Конечно, неудобно нам будет долго жить на деньги Дормидонта Сигизмундовича, но... я через два года уже кончу институт, может, сама буду зарабатывать... Альберт станет искусствоведам... Он и сейчас пишет что-то исследовательское... У меня по субботам будет собираться в квартире цвет красногорского общества... Правда, Вике не очень нравится мой брак. «Ну что это, сын писателя областного масштаба? По рангу это что-то равно замуправляющему трестом... То ли дело — руководитель республиканского союза писателей! Это уже начальник главка. Или член секретариата, из Москвы. Это почти замминистра...» Да ну ее, Вику... Мама в конце концов поймет, что мой муж — идеальный семьянин, вдумчивый, самоотверженный, верный... Он может создать настоящее семейное счастье...»

...С каждой секундой машина приближалась к загсу. Вот еще проплыли рестораны.

«Трактирус» ассоциировался у Альберта с Лерой, Лорой, Лирой и Ларой... И кто бы мог подумать, что юный Бомаршов — свободолюбивый и независимый сын знаменитого драматурга — поедет сочетаться законным браком на двадцать третьем году жизни! И с кем! С девушкой, у которой из мебели, кроме бигуди и губной помады, ничего собственного нет.

Вот что значит натуральная любовь!

В этот момент из-за угла вышла женщина средних лет, с портфелем. Альберт тотчас узнал декана своего факультета.

«Не хватало только, чтоб она напомнила мне о моих академических задолженностях».

Встретившись глазами с деканом, Альберт малодушно свернул в переулок.

«Сколько в наши дни возникает препятствий для любящих сердец, — думал Альберт, держась за баранку: — партком, профком, комитет комсомола, даже деканат!.. И это не говоря уже о фельетонистах-газетчиках! Сколько энергии, ума и таланта приходится приложить, чтобы иметь право сочетаться законным браком с любимой девушкой! Разве мог бы я сейчас ехать с Верой в загс, если бы Лельку не распределили в глухую провинцию? Хорошо у них в горном вузе дело поставлено: если уж отправят, так далеко... Слава богу, на-днях Леля уехала, и руки у меня развязаны... Дернуло же меня в тот вечер, когда душа горела и пылала, дать ей обещание жениться. Да еще при свидетелях. А потом — здрасьте! — мне предстоит стать папой!.. И бывают же такие совпадения: именно в этот момент я понял, что Леля мне никогда не нравилась. Я человек откровенный, я прямо ей об этом сказал. Вот тут я и понял, что такое общественные организации. После первого же собрания, где вентилировался мой вопрос, я испугался. Во-первых, меня могли шугануть из вуза. А во-вторых, об эпизоде с Лелей мог узнать папа... А в таких случаях папа обычно топает ногами и кричит: «Ты опять опозорил славную фамилию Бомаршовых. Мне теперь остается только один выход — взять псевдоним!» А войдя в морально-этический раж, старик может даже снять единственного сына с денежного довольствия.

Поэтому в конце собрания я заявил, что Леля мне попрежнему нравится.

— Уж и пошутить нельзя! Сразу начинают прорабатывать, — сказал я в заключительном слове и публично облобызал бывшую любимую девушку.

Оставался единственный шанс: она кончает институт, ее посылают куда-нибудь подальше, и я... еду с ней. Так мы и договорились: она отбывает сразу, а я немножко погодя, так как мне еще нужно переводиться из института, продать маши-

ну и подготовить папу к самостоятельной жизни без меня... И вот наконец-то моя любимая Лелечка уехала... А я отправился в загс, потому что душа моя горит и пылает и без Веры я жить не могу. Вера не чета Сильве и прочим Марицам. А тем более Леле. Сегодня дадим в загс заявление, через неделю зарегистрируемся. А там нас уже никто не разведет. Тем более, что на лето все институтские общественные деятели разъедутся на каникулы... А осенью месткомы, профкомы и тому подобные «комы» спохватятся, да будет поздно: у меня новая семья! А семью разбивать нельзя...

С Верой жить мы будем неплохо. Она меня любит, она мне верит. С учебой ей, разумеется, придется проститься. На нашей квартире в городе ей прописываться не стоит — пусть сидит на даче, бегает по хозяйству, прихорашивается к моим приездам... Самому же, конечно, надо базироваться только на городскую квартиру...»

И Альберт улыбнулся при воспоминании о своих альковных делах...

«Какая у него чудесная улыбка появляется, когда он думает о нашем будущем счастье!» — восторженно наблюдая Альберта, решила Вера.

Загс был уже близко.

«Мы поедem с ним в свадебную поездку... — мечтала Вера. — На берег моря... Медовый месяц! Курорт... Фурор... Все будут спрашивать: «А кто эти молодожены? Они так верны друг другу!»

«Нет, чорт побери, — рассуждал Альберт, замедляя движение машины, — пожалуй, на городской квартире будет опасно женатому человеку... Там не развернешься — соседи по дому, прислуга... Жена нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь... Придется, видно, искать холостую базу! Лишний расход, но зато техника безопасности! А вообще женатому человеку легче вести свободный образ жизни. Если какая-нибудь девица будет предъявлять претензии, можно всегда ответить: а зачем ты встречалась со мной — ведь знала, что я женат. Хотела семью разбить?»

Фэтон № 777 затормозил у зеленого особняка.

Из окон загса глядели какие-то женщины и восхищенно качали головами:

— Ах, какая чудная пара! Оба молодые, красивые! Вот будет образцовая семья!

Альберт взглянул в зеркальце, торчащее сбоку, поправил шевелюру и соскочил на землю. Ощерившись своей голливудской улыбкой (на шестнадцать зубов!), он тренированным жестом распахнул дверцу авто.

Вера радостно подала ему руку...

РАЗГОВОР ПОРОСЕНКА С ЧАЙНИКОМ

Гроздя ламп у входа в парк сверкали так ослепительно, словно именно в этот вечер они хотели перегореть. Над кассами были сооружены антресоли. Музыканты в карнавальных костюмах — четыре осла, четыре козла, четыре проказницы-мартышки и четыре косолапых мишки — трубили «Входной марш». Этот же марш играли другие оркестры в глубине парка, и казалось, эхо, специально нанятое дирекцией на сегодняшний маскарад, повторяет одну и ту же музыкальную фразу по несколько раз.

Белый круглоносый фаэтон № 777, похожий на летний модельный полуботинок, сигналил беспрестанно, но карнавальная толпа подавалась лишь на шаг и снова смыкала ряды. Наконец автомобиль, сообразив, очевидно, что все его лошадиные силы бессильны перед толпой, забился в щель между двумя ларьками и затих. Из-за руля вылез долгогривый молодой человек в пиджаке по колено и в яркоклетчатых брюках. Пощипывая тоненькие, похожие на крысиные хвостики усы, он недовольно оглядел вливающуюся в парк толпу.

— Пропал весь эффект, — пробормотал он, — придется идти пешком...

Двое юношей с полупогончиками горного вуза на плечах внимательно следили за владельцем белого лимузина.

— Я бы подошел к этому субтильному типу, — произнес худенький студент с озорными глазами, — взял бы его за шиворот...

— Подожди, — сказал широкоплечий, — посмотрим, куда он пойдет. Наверное, к тупику свиданий... Интересно, кто его очередная жертва?

Долгогривый собственник клетчатых штанов действительно стал пробираться к тупику.

Кругом шумел карнавальный прибой. Грохотали залпы хлопушек. Шипя, как змеи, сгорали карманные фейерверки.

Вздыхались тучи конфетти, и молнии серпантина рассекали их.

Среди быстротечной маскарадной толпы выделялся табунок незамаскированных молодых людей. Юноши и девушки стояли смирно, занимая все пространство между электрочасами и оклеенным афишами забором. Это было традиционное место встречи, называемое «тупиком свиданий».

Тупик переживал напряженные часы. Он был наполнен влюбленными доотказа. Когда долгогривый молодой человек втиснулся в ряды ожидающих, то среди них произошло некоторое оживление.

— Салонный лев вышел на охоту! — довольно громко сказал кто-то.

— Грива львиная, а грудь воробыная...

Владелец белого фаэтона презрительно передернул плечами.

— Это сынок драматурга Бомаршова, — объяснял какой-то старожил тупика свиданий своему компаньону. — Ну, того, о котором в газетах говорят, будто он написал что-то такое не то эпохальное, не то фундаментальное. Живет на папашины деньги. Известный трутень по имени Альбертик.

Окинув говоривших надменным взглядом, Альберт невозможно принялся читать афиши.

Афишные щиты несли большую общественную нагрузку: они служили средством связи. Если кто-нибудь не дождался любимой или хотел предупредить ее об отмене встречи, условиться о свидании или просто излить свои чувства, на помощь приходили афиши. Разумеется, надо заранее договориться, на каких афишах вы будете писать. Так, например, одни выбирали себе рекламные плакаты филармонии, другие — афиши эстрадного театра. Всегда были целиком исписаны извещения о концертах теноров: есть поверье, что тенора приносят счастье в любви.

Альберт Бомаршов рассеянно просматривал законспектированные переживания влюбленных душ.

На плакате, возвещающем об астрономической лекции «Есть ли жизнь на планетах»:

**«БЕЗ ТЕБЯ ДЛЯ МЕНЯ НЕТ ЖИЗНИ
НИ НА ОДНОЙ ИЗ ПЛАНЕТ. ВАЛЯ К.»**

На афише «Эстрадный концерт с участием чревовещательницы Турнепсовой-Ратмирской» было написано:

**«ИМЕЛ ВСЕГО ДЕСЯТЬ СВОБОДНЫХ МИНУТ,
ЖДАЛ ЧАС. МОЖЕШЬ МНЕ БОЛЬШЕ НЕ ЗВОНИТЬ:
МЕЖДУ НАМИ ВСЕ КОНЧЕНО.
ЗАВТРА В ТРИ БУДУ ОБЕДАТЬ ТАМ ЖЕ. КОЛЯ.»**

— Раньше условленного времени приехал, — вздохнул Альберт, взглянув на часы, — это не стильно. Стоять здесь и долго ждать — опасно для жизни. Могут произойти нежелательные инциденты. Не люблю незапланированных встреч. Пойду и куплю маску: в маске спокойнее.

Но как раз в эту минуту произошла встреча, которую юный Бомаршов никак не планировал. Сквозь толпу к нему протиснулись двое студентов в полупогончиках горного вуза.

— Гражданин Бомаршов? — спросил широкоплечий, отмахиваясь от худощавого, который возбужденно суфлировал: «Бери его сразу за шиворот...»

— Чем могу служить, синьоры? — Альберт вежливо улыбнулся, а крысиные хвостики его усов испуганно зашевелились.

— Нет, я его сейчас набальзамирую, — тоненьким от волнения голосом прокричал худощавый студент. — Можно? — и он встал в боевую позицию.

— Вася, не забывай, что ты член профкома! — сказал широкоплечий внушительно. — Сначала надо установить истину и поговорить с Дон-Жуаном... Узнаете этот почерк, гражданин Бомаршов? — и он извлек из кармана записку.

Альберт дрогнувшей рукой взял лист бумаги.

«Теперь я знаю цену твоим клятвам! Правы были мои друзья, предложив испытанный водевильный ход: лжеотъезд (направления на работу я еще не получила). В то время как ты думал, что проводил меня всерьез и надолго, я сошла на первой же станции, где живут мои родственники. Здесь я и узнала, что спустя трое суток после моего отъезда ты побывал в загсе с Калинкиной. А ведь всего неделю назад ты убеждал меня, что слухи о тебе и «какой-то Вере» — клевета. Довольно! Я не хочу больше ни слышать, ни видеть тебя. Но имей в виду: о твоих похождениях будут знать все. Тебе не удастся больше никого обмануть: об этом постараются мои друзья».

Альберт покрылся легкой испаринкой.

«Друзья постараются... — убито подумал он. — Будут знать все... лжеотъезд... Хотя Леля и пишет, что больше не хочет видеть меня, на самом деле легко она от меня не отстанет. Нет, свадьбу с Верой из осторожности придется отложить до Лелиного отъезда. Иначе будет шум... и с загсом, значит, надо подождать. А заявление пусть постоит».

Альберт вернул записку одному из своих собеседников и обиженно проговорил:

— Боже мой! Лжеотъезд... Слежка... Какое коварство! Я оскорблен в своих святых чувствах! Ах, Леля, Леля! Как я тебя любил! Но клевета легла между нами, и вот...

— А в загс с Калинкиной ездили? — спросил худощавый запальчиво. — Ездили или нет? Ну?!

— Тихо, Вася, — остановил друга широкоплечий студент. — Во-первых, ты член профкома, а во-вторых, мы выступаем сейчас как чрезвычайные и полномочные послы...

— Очень тонко подмечено! — делая шаг, подхватил Альберт. — Давайте держаться в дипломатических рамках... В атмосфере... этого... взаимопонимания...

— Нет, я хочу принять чрезвычайные меры! — засучивая рукава, волновался худощавый. — Я его сейчас набальзамирую!

— Папа! — закричал Альберт, делая скачок в сторону. — Папа! — и, пригнувшись, нырнул в толпу влюбленных.

— Не уйдешь! — вскричал худощавый и бросился в погоню.

Широкоплечий, крича на ходу: «Вася! Ты же член профкома!.. Не превышай полномочий!» — побежал следом за ними.

...Мартын Благуша и Юрий Можаяев, пробившись к тупику свиданий, остановились у рекламного щита местного цирка: там было оговорено место встречи с Калинкиными. Нади и Веры еще не было.

— Стань на эту тумбу, Март, и служи путеводным маяком для Калинкиных, а я пойду обзаводиться карнавальным ширпотребом. Раз принято решение веселиться, то надо это делать во всеоружии!

И, задымив трубкой, Юрий ринулся к прицепному автофургончику, который торговал масками.

Деятели местной торговли не обладали могучей фантазией: они подготовили к карнавалу только два типа масок — «поросенок» (свиное рыло в ермолке) и «чайник» (горшок из папье-маше с носиком-хоботом). Но и за этими шедеврами стояла очередь, ибо те же торговые деятели распустили слух, будто в парк без масок не пускают.

Толпа напирала на автофургончик с такой силой, что он тихо катился по направлению к парковым воротам. Торговля производилась на ходу: за каждые полтора метра пройденного пути продавец успевал замаскировать минимум человек сорок.

Впрочем, были и недовольные.

— Десять рублей? — трагически восклицал какой-то дядя, вертя в руках горшок с хоботом. — За такую дрянь? Да ведь

настоящий чайник и выглядит не хуже и стоит столько же! Да за десять рублей я в любом буфете так замаскируюсь, что меня родная жена не узнает! Сто пятьдесят, кружка пива...

— А я наоборот, — сказал другой мужчина. — Чтоб меня никто не узнал, пойду на маскарад трезвым...

Когда Юрий пробился к заветному окошку, он бросил взгляд вокруг и увидел, что карнавальная толпа уже процентов на семьдесят состояла из «чайников» и «поросят».

— Не буду терять индивидуальную внешность. Пожалуй, без маски оригинальней.

И, махнув рукой, он отошел.

Мартын возвышался над тупиком свиданий, как памятник неизвестному влюбленному.

— Сюда! — вдруг закричал он и замахал кому-то рукой.

Вера с Надей и Юрий почти одновременно подошли к каменной тумбе.

— А мы вас ждем уже четверть часа! — сказал Благуша, спускаясь на землю и теряя свою монументальность.

— Прийти раньше, — усмехнулась Надя, — это не значит быть точным!

— Вы не видели здесь Бертика? — спросила Вера, оглядываясь по сторонам. — Он где-то тут, мы проходили мимо его машины.

— Потерялся влюбленный, — сказала Надя. — Принимаю заявку о потере. Фамилия — Бомаршов, особые приметы — масса добродетелей...

— Опять это злоязычие, — сказала Вера, всматриваясь в текущую мимо толпу. — Лишь я одна его понимаю... Он хороший и умный...

— Только ум у него легкого, а язык дурного поведения, — докончила Надя.

Мартын хихикнул, но под взглядом Веры сразу замаскировал свой смех кашлем.

— Наверное, что-то случилось, — сказала Вера. — Машина здесь, а его нет. Я начинаю волноваться.

Дружный крик фанфар перекрыл все шумы. В небе хвостами гигантских павлинов раскрылись веера разноцветных ракет. Карнавал начался.

— Пойдемте, — сказала Надя, — может быть, Альберт на радостях все перепутал и ждет Веру в парке? Да, поздравьте ее, товарищи: позавчера они с Бомаршовым ездили в загс сдавать заявление о браке.

— Альберт, как я вижу, — заметил Юрий, — человек бури и натиска: вы недавно знакомы и уже...

— Может быть, он действительно ждет у пруда? — засомневалась Вера. — Мы обычно встречались там.

— Так пойдемте к пруду, — подхватил девушек под руки Юрий. — А то в парке сгорят все ракеты, лопнут все хлопушки, и нам не достанется конфетти. Мартын, ты, как таран, должен пробивать дорогу...

— Слушаю и повинуюсь, — сказал Благуша.

Два фонтана, словно почетный караул, обнажив свои водяные сабли, стояли возле входа. Слева начиналось массовое поле. Крутились карусели, вертелись какие-то колеса. Ларьки по случаю карнавала наряжены были в фанерные яркие кокошники. Грохотали мотоциклы аттракциона «вертикальные мотогонки по горизонтальной поверхности», мотались по воздуху оглобли аппарата «перелетные птицы» (бывшие «летающие люди», они же «вниз головой»).

— Пруд вон там, за театром, — сказала Вера.

Вера потянула сестру и операторов к пруду:

— Меня волнует Альберт. Он может не дожидаться и уйти!

— Я чувствую, — сказал Мартын, — что где-то здесь могут осуществиться мои думки о кружке пива... Юра, поддержи хоть раз в жизни! — и Благуша так умоляюще улыбнулся, что Юрию оставалось только заметить:

— А что скажут наши дамы? Не можем же мы их бросить на произвол маскарадной судьбы?!

— Дамы будут пить томатный сок! — сказала Надя. — В конце концов горячо любимый жених может подождать горячо любимую невесту лишних пять минут.

Надежда вдруг приняла небрежную позу, мизинцем поправила воображаемые усики и произнесла тягучим голосом:

— Верусик, пупсик, я жду тебя пять с половиной минут. Меня могли похитить. Ты же знаешь, что все девушки города и области влюблены в меня до потери сознания. Мой бедный богатый папа не пережил бы такой пропажи... Поцелуй меня, пупсик.

— Свои пародии побереги для самодеятельности, — обиделась Вера.

Мартын хмыкнул и восхищенно посмотрел на Надю.

— Мартын, не забывай о винничкой установке: не влюбляться с первого взгляда... — шопотом сказал Юрий, перехватив взгляд друга, и затем, уже громко, добавил: — А пародии у вас, Надя, получаются лучше, чем в некоторых сатирических изданиях.

— Я не хочу пить, — отказалась Вера, но Надя силой увлекла ее к киоску «Воды — соки», а операторы направились к соседнему ларьку.

Круглая будочка была оформлена под пивную кружку. Издали казалось, что на нее надета большая папаха, лихо

сдвинутая набекрень: бумажное сооружение должно было означать быющую через край пену.

Возле ларька былолюдно. Потребители отходили в сторону, бережно неся кружки обеими руками.

Мартын и Юрий взяли по кружке и тоже отошли в сторону. Рядом с ними, у высокого столика, окруженные тарелками и стопками, пили двое мужчин. Один в маске поросенка, другой — чайника. Для того чтобы сделать глоток, они быстро приподнимали маски и, закусив, сразу же снова замаскировались.

Мартын шарил глазами по сторонам, надеясь увидеть Альберта, а Юрий, услышав несколько занятных фраз, невольно прислушался к разговору Поросенка с Чайником.

— Живу ничего, — меланхолично говорил Чайник, — но никто не завидует.

— Трудишься, значит, — хихикнул сильно выпивший Поросенок. — Зарабатываешь, значит, деньги, а тратить их времени не имеешь. Надо так жить, чтоб твой рабочий день был пох-хож на сплошной об...беденный перерыв.

— Я тоже хочу, чтоб... обеденный перерыв.

— Держись за меня, братец. Ведь земля, братец, вертится

не на оси, а на знакомстве и связях. Вот у нас в артели есть ребята — друг за друга. Деньги получаем не только по ведомости... И все шито-крыто. Но есть и у нас деж... журная зануда. Ей кое-что известно, и она все дело баламутит, до корней докапывается... Пуд крови мне испортила!

— Федя небось? Белорыбицын?

— Он, чтобы ему... И выгнать нельзя: стахановец, лучший производитель. Но все равно Феде до всего не додуматься...

— А вдруг?..

— Впервой, что ли? Не подкопаться. План

прошлого месяца на сто десять процентов. Среди кожевников на первом месте. Ну, а если что... Возьму и разбегусь в разные стороны. Ищи ветра... Своя лысина, братец, дор..роже чужих кудрей.

— Сообразим еще грамм по сто? — вдохновенно произнес Чайник.

— Ишь-ты, какой сообразительный... А впрочем, давай... Ты всегда был своим в доску, артельным парнем... Я тебя устрою... Ну, за то, чтоб все шло, как идет! За тех, кто нам не мешает жить!

Поросенок с Чайником чокнулись и, приподняв маски, опорожнили стаканы.

Калинкины уже насладились помидорным напитком и, не дождавшись своих спутников, сами двинулись им навстречу.

— Что же вы задерживаетесь, мальчики? — кокетливо надула губки Вера. — Мы вас ждем!

Юрий сделал было несколько шагов вслед за Мартыном, но потом решительно остановился.

— У меня тут есть одно дело, — сказал он Благуше тихо. — Надо выяснить, о каких темных делах говорили наши соседи, где они работают...

— Ты становишься смешным, — ответил Мартын громким шопотом. — Де вже нашому теляти та вовка пиимати. Короче, не строй из себя сыщика, не лезь куда не надо.

— Это почему же куда не надо? На наших глазах беседуют преступники, — сказал Можаяев, делая жест по направлению к столику, — а мы проходим мимо...

— Так где же те пройды? — спросил Мартын насмешливо.

Юрий поглядел на столик — за ним уже никого не было. Только пустые кружки да стаканы сверкали, отражая карнавальные огни. Поросенок и Чайник исчезли, растворились, надев маски, среди честных людей.

— Впрочем, нет, я, кажется, их вижу, — быстро проговорил Юрий. — Я их не упущу. — И, уже удаляясь, крикнул: — Идите к пруду! Там встретимся!

...На пруду, возле берега, привязанный веревкой к сутолй иве-плаксе, плавал небольшой плотик. На нем валялись картонные гильзы. Доски были покрыты черными подпалинами. Во время открытия карнавала с этого плотика пускались ракеты.

Из-за кустов, спугивая целующихся влюбленных, выскочил Альберт Бомаршов. Он быстро, по-заячьи, перебежал освещенную луной дорожку и нырнул в тень ивы.

Двое студентов с полупогончиками горного вуза на плечах, выбежав из-за кустов, в недоумении остановились на берегу.

— Что ж он, под воду ушел, что ли? — спросил широкоплечий, удивленно озираясь.

— Я вообще не агрессор, — взволнованно сказал худощавый студент, — но считаю так: надо его набальзамировать...

— Телесно его наказывать будет папа, — спокойно произнес первый, — снимет штаны и выпорот. А ты помни: профком не уполномочивал...

— Ага! — вдруг радостно закричал студент и ринулся к иве.

Худосочный ствол не мог укрыть полностью всего Альберта, и острый глаз будущего горного инженера сразу заметил кусок яркоклетчатой штанины, выглядывавшей из-за дерева.

— Окружай его! — закричал студент. — Попался Альбертик!

Бомаршов заметался вокруг ивы, ища пути к спасению.

— Вася! — урезонивал приятеля широкоплечий. — Это не метод перевоспитания. Надо обсудить, сделать оргвыводы...

— Не надо оргвыводов. Я понял, что люблю только Лелю, — заверещал Альберт.

Но худощавый продолжал наступать на испуганного Бомаршова неумолимо, как рок.

Пытаясь хоть на мгновение отдалить неприятную встречу, Альберт стал отступать к воде. Земля кончилась, и нога Бомаршова ступила на колеблющиеся доски плота.

— Плыви, мой челн, — сказал Вася и, отвязав плотик, толкнул его ногой. «Челн» медленно отплыл от берега.

— Вы за это ответите! — кричал Альберт. — Я пожалуюсь папе!

— И тете! — кричал студент. — И бабушке! И всем родственникам! И мимо нашего института не ходи лучше — мушю из тебя сотворим!

СОЛОВЬИНЫЙ СВИСТ

Можаев нагнал своих друзей почти у самого пруда. Вид у него был сконфуженный.

— Наш Юрий Холмс, кажется, потерпел здоровисенькое поражение, — съязвил Мартын.

— Упустил... — вяло ответил Юрий. — Чорт бы побрал эти серийные пороссячьи маски!

Со стороны пруда слышались залпы смеха. Плотное кольцо зрителей окаймляло водоем.

— Цирк на воде! — кричали мальчишки. — Ну и комик!

Зрелище, которое пользовалось таким успехом, было действительно смешным. В центре пруда, качаясь, как пресспапье, плавал небольшой плот. На нем, с трудом удерживая равновесие, балансировал долгогривый молодой человек в клетчатых штанах. В одной руке он держал штиблеты-босоножки, в другой — ракетную гильзу. Электрики, не разобравшись, в чем дело, направили на пруд прожекторы. Лицо молодого человека на плоту было бледно, как очищенная репа.

— Альберт! — воскликнула Вера. — Боже мой! Что случилось, Бертик?

— Вот сейчас начнется самый цирк, — сказал кто-то из зрителей. — С берега будут задавать вопросы, а тот водяной комик станет отвечать в куплетной форме!

Но потомок именитого литератора, услышав свое имя, вздрогнул и неосторожно переступил ногами. Плотик закачался еще активнее и одним краем ушел под воду.

— Папа! — пискнул Альберт, отчаянно взмахивая босоножками.

Зрители засмеялись: они принимали борьбу Бомаршова со стихией за хорошо отрепетированный номер.

— Эх, пропустили вы начало! — сказал сосед Благуши. — Он уже и на четвереньках ползал и сандалиями, как веслами, загребал.

— Это кошмарно... — сжимая Надину руку, всхлипывала Вера. — Он тонет, а все хохочут... Его спасти надо!

— Пять шестых земного шара — вода, — философски изрек Юрий, — но человек вспоминает об этом только тогда, когда начинает тонуть.

— Спа...па-па...сите! — донесся с пруда жалобный вопль. — Папа!

— Милиция идет! — закричали мальчишки.

Среди Поросят и Чайников замелькали белые фуражки блюстителей порядка. Сержант расспрашивал с помощью рупора Альберта:

— Фамилия? Место жительства? Год рождения? Под судом и следствием не состояли? Отвечайте, гражданин!

— Бомаршов его фамилия! — сказал Юрий. — Литераторов сын. Спасать ребенка надо, а не разговаривать.

— Что ж я, прямо так, при всей форме, и полезу в воду? — удивился милиционер.

Другой блюститель порядка, услышав фамилию Бомаршова, крикнул уже почтительно:

— Продержитесь еще маленечко, товарищ, сейчас все будет в полном порядке.

— Но он же утонет! — простонала Вера, заламывая руки. — Он такой хрупкий, он такой неприспособленный! Неужели здесь нет настоящего мужчины? Что же все смотрят? Плывите к нему кто-нибудь! Юрий, мне говорили, что вы бывший моряк...

Но прежде чем Можаяев смог ответить, Мартын сбросил свою двухцветную спортивную куртку, тренировочные брюки, сандалеты на гуттаперчевом ходу и сдал очки Юрию на хранение.

— Купаться здесь воспрещается! — закричал милиционер, бросаясь к Благуше. — Гражданин! Вы нарушаете постановление горсовета от двадцать восьмого апреля...

— Он командировочный, — сказал Юрий, — поэтому имеет право не знать здешних указов!

Мартын, кинув на Надю взгляд героя, легко вскочил на цементную лягушку и бросился в воду.

Публика бурно зааплодировала и тут же разразилась хохотом. Благуша показался из воды, потирая ушибленную голову: пруд был ему лишь по пояс.

Мартын зашагал к плоту. За ним, как за Гулливером, тянулись ниточки водорослей и целая армада каких-то листьев, похожих на игрушечные кораблики.

Альберт затих и тупо глядел на приближающегося Благушу.

— Сидеть смирно! — приказал Мартын, вылавливая из воды веревку. — Поехали, хлопче!

Юрий не удержался и, расчехлив свою «лейку», щелкнул несколько кадров.

— Потом подарите мне один снимок, — сказала Надя, — для семейного альбома. Мама вам будет очень благодарна!

Отфыркиваясь и похлопывая себя по плечам, Благуша вылез на сушу. Альберт, уже успевший надеть свои босоножки, ждал, когда плот накрепко привяжут к берегу. Мартын не выдержал, схватил Бомаршова за шиворот, приподнял, встряхнул его, как градусник, и поставил на землю.

— Ты простудишься! — заботливо сказала Вера. — Немедленно поезжай домой! Боже, Альберт, как ты меня напугал!

— Насморка я не боюсь, — сказал Альберт, поглаживая свои крысиные усики.

— Ты такой храбрый, Бертик, — сказала Вера, смотря на Бомаршова влюбленными глазами.

— Скажите, а вы не были водолазом? — спросила Надя Мартына. — Вам полагается медаль «За спасение утопающих». Об этом должна похлопотать Вера.

— Говоря откровенно, похлопотать должны и вы, Надя, — не выдержал Юрий. — До того как Мартын увидел вас, он столь героических поступков не совершал.

И кто знает, какой бы оборот принял этот обмен мнениями, если бы около них не раздался официальный голос:

— Простите, гражданин! Я вас предупреждал: купаться в пруду нельзя! Прошу уплатить штраф!

— За что? — удивился Юрий. — Один из всех рискнул броситься на спасение, а вы его же и...

— Большинство граждан — местные жители, — сказал милиционер, — они знают, что утонуть в этом водоеме невозможно.

— Тогда и Альбертика штрафуйте, — сказал Мартын добродушно, — в компании как-то веселее.

— Я не купался, я тонул! — возмутился Альберт. — И кроме того... кроме того... у меня из кармана выпал паспорт. И утонул. Верусик, как же мы теперь пойдем в загс?

— Человек без паспорта, — заметил Юрий, — имеет мокрый вид...

— Товарищ Бомаршов, — почтительно произнес милиционер, — в воду не влезали. У них, глядите, даже брюки сухие. А насчет утопленного документа не тревожьтесь. Выдадим новый в обычном порядке.

— Паспорт можно вернуть, — усмехнулся Юрий. — А как быть с утерянной репутацией храбреца?

— Скажите, Надя, — спросил Мартын, — ваше бюро возвращает потерянную репутацию?

— Теряйте — заходите, — лукаво ответила Надя. — Но боюсь, что ничем помочь не сможем.

— А вас, — бодрым голосом сказал Мартыну милиционер, — прошу уплатить десять рублей.

Мартын улыбнулся виновато-чарующей улыбкой. Милиционер ответил ему тем же... Тогда Благуша покорно достал из кармана бумажник, уплатил десятку из командировочного фонда, а квитанцию в негодование бросил наземь.

— Стоп! — сказал Юрий. — Ты сделал первую ошибку, когда отдал червонец, а вторую — когда бросил квитанцию. По этой самой квитанции я получу деньги назад. Товарищ милиционер, пойдемте в отделение. Там мы с вами выясним, как применять постановление горсовета от двадцать восьмого апреля...

— Да не журишь ты, Юра, из-за десятки, — небрежным тоном бросил Мартын.

— Штраф вместо медали — нет, этого я так не оставлю! Не поминайте лихом. Встретимся через полчаса, ну хотя бы на горке.

Эскортируемый милиционером, Юрий отбыл в отделение.

Альберт вытянул шею, будто силился кого-то разглядеть поодаль, и сразу же заторопился.

— Мне пора домой. У нас сегодня гости, и мне нужно переодеться. Ты со мной, дорогая?

— Да, — сказала Вера, — поедем.

И они ушли.

Мартын и Надежда долго молчали. Благуша, видимо, понимал, что рыцаря из него не получается. Лучшим выходом было покинуть это роковое место.

— Знаете что, Надя, — наконец прервал молчание Благуша, — здесь столько народу, что сохнуть у всех на глазах просто неприлично. Да и студено что-то после ныряния. Давайте устроим пробежку до конца аллеи, на горку. Добре?

— Идет! — согласилась Надя.

Финиш состоялся у маленькой, увитой плющом беседки. Надя прибежала к беседке первой и целую минуту ждала Мартына.

— Что значит узкая специальность, — запыхавшись, произнес Благуша. — Я левой рукой могу сто раз выжать швейную машинку, а вот бег на средние дистанции не моя стихия!

С вершины холмика был виден клочок массового поля. Там все вертелось, кружилось, сверкало огнями. Здесь же было тихо, и луна светила так, будто ей перед этим прочитали

инструкцию «Как добиться максимального эффекта в освещении Земли ночью». Из беседки доносились звуки поцелуев.

— Гарно! — сказал Мартын. — Пойдемте посидим.

Но осуществить этот замысел оказалось не так-то легко: все скамейки были заняты влюбленными. Когда Надя и Мартын проходили мимо, то парочки делали вид, что беседуют о выполнении квартального плана и о понижении себестоимости продукции. Попадались и смелые люди: те целовались, невзирая на окружающих.

Наконец место было найдено. Над обрывом, среди старых лип притаилась какая-то древняя, еще допарковых времен, скамья. Ближайшее к ней дерево было покрыто червонными тузами и стрелами, а также инициалами нескольких поколений влюбленных.

Мартын и Надежда подошли поближе к скамье и вдруг обнаружили в тени деревьев двух тихо переговаривающихся людей. Оба были в масках: один — Поросенок, другой — Чайник.

— Так по рукам? — покачиваясь, спросил Поросенок. — Я тебя з-за-зывал, я тебя и осчастлив-влю-лю...

— А д-дач-чку построить пом-можешь? — в свою очередь, спросил Чайник. — А насчет б-балансика не беспокойся...

Мартын рассеянно прислушался. «Где я слышал эти голоса? Постой, постой... А не те ли это заговорщики, за которыми охотился наш Юрий Холмс?..»

Поросенок и Чайник, заметив посторонних, испуганно икнули и, поддерживая друг друга плечами, быстро-быстро зашагали куда-то в сторону.

«Остановить?.. Спросить?.. А ну их!.. Не до этих мистических разговоров сейчас...»

Мартын обернулся к Надежде. Полянка подле скамьи лущилась от серебристого света. Луна, небесный прожектор, была направлена прямо на них. Мартын поймал себя на мысли, что Надя, конечно, гораздо красивее Веры: у той много искусственного: крашенные ресницы, губы. Хотя Вера с первого взгляда привлекает больше внимания.

— Сколько сейчас времени? — нарушил молчание Благуша.

На черной от загара Надиной руке серый ремешок часов казался почти белым.

— Тридцать пять минут двенадцатого.

— Мы с вами знакомы, Надя, ровно пять суток три часа и двадцать минут...

Надя засмеялась. Смех был ей к лицу — она становилась еще красивее. В ее больших глазах дрожали две маленькие луны.

Мартын попытался было найти в Наде какой-нибудь недостаток и обрадовался, обнаружив, что она немного курноса. Но через мгновение именно нос начал ему нравиться больше всего.

— Бывают в жизни моменты, — сказал Благуша, — когда я жалею, что моя профессия — оператор — документалист. Есть же такие счастливицы, которые снимают лирические фильмы.

— Если бы зрители учились у кино любить, — сказала Надя, — то самое слово «лирика» давно бы было забыто.

— Вот они! — послышался голос. — Воркуют!

Двое студентов с полупогончиками горного вуза на плечах подошли к скамье.

— Простите, — сказал широкоплечий, — мы бы не вмешались в ваши личные дела, но есть важные обстоятельства.

— А ведь это не она, — сказал худощавый, — не невеста Бомаршова. Та в другом платье... Но похожа-то как! Вы сестра той девушки, на которой женится Альбертик? Да? Я вас видел всех вместе у пруда!

— Что вам, собственно, нужно? — грозно забасил Мартын.

— Вот, ознакомьтесь с документиком, — протянул Наде записку широкоплечий. — Пусть семейство Калинкиных будет в курсе.

Надя быстро пробежала послание.

— Ах вот как! Это же Леля пишет, верно?

— Верно, — подтвердил худощавый. — Какая девушка из-за этого пижончика чуть не пропала! А вы еще самоотверженно спасали такого типа, — сказал он Мартыну. — Его не спасать надо было, а совсем наоборот.

— Будет очень хорошо, — сказал широкоплечий, — если вы доведете содержание письма до сведения вашей сестры! Все честные люди должны действовать сообща... Ну, простите великодушно!

— Прощаем.

И студенты удалились.

— Як не вертись. собака, а хвист ззаду, — сказал Благуша.

— Конечно, я все расскажу Вере, — произнесла Надя, — но она мне не поверит. Скажет: «завидуешь, клеветешь». Но для нас с мамой это очень важно... Мы найдем Лелю через институт...

Мартын с нежностью смотрел на Надю.

«Ах, какая девушка! Решительная, тонкая, красивая!.. А ведь совсем на-днях я ее не знал, — думал Мартын. — А сейчас готов сделать для нее что угодно... Но что? Взять и носить на руках по всему парку? Или влезть на дерево, как герой одной юмористической повести? Глупо!»

В это мгновение где-то рядом послышался звонкий, переливчатый соловьиный свист.

— Давненько не слышал я соловьев, — шопотом сознался Мартын. — Красиво спивает птаха!

Соловей пел так, будто выступал на заключительном туре вселенского конкурса вокалистов. Трели его струились среди притихших деревьев, взвивались к луне. И вдруг он смолк.

Под чьими-то шагами закрипел песок аллеи.

— Эх, спугнули пичугу! — кулаком стукнул по колену Мартын.

Но соловей запел снова. Его песня, очевидно, загипнотизировала девушку: когда Мартын взял крепкую маленькую Надину руку и положил ее в свои большие ладони, то Надя даже не пошевелинулась.

И опять трель прервалась.

— Кто-то сюда идет, — сказала Надя и высвободила пальцы.

— Юрка! — закричал Мартын.

Вместо ответа Можаяев залился соловьиным свистом.

— А мы думали, что соловей был настоящим, — разочарованно сказала Надя.

— Люди, Наденька, на природе немножко... глупеют. Надо знать, что натуральные соловьи давно уже кончили петь... Но как Мартын-то поддался на этот розыгрыш? Он же знает, что на вечерах самодеятельности я всегда выступал в качестве мастера художественного свиста.

Можаяев бережно достал из кармана смятую ассигнацию.

— Получите штрафную десятку, дорогой казначей. И не транжирьте деньги так легкомысленно.

— Значит, добродетель восторжествовала в милиции? — спросила Надежда.

Мартын благородным жестом отказался от возврата блудной десятки в лоно общей казны.

— Червонец принадлежит тебе — трать по усмотрению.

— С удовольствием, — согласился Юрий.

— Да, кстати, — вдруг вспомнил Мартын, — по-моему, я бачил твоих таинственных незнакомцев. Подходим мы с Надей, а они возле дерева стоят, о каком-то балансе говорят, о дачном строительстве...

— Где же они? — обрадовался Юрий. — Куда ты их девал?

— А я... я что... они сами — увидели нас, испарились.

— То-есть как? — Юрий опешил. — И ты даже не пытался их задержать? Да ты знаешь, кто ты такой? Ты... ты... Эх, не будь здесь дамы, я бы сказал, кто ты... И это мой боевой товарищ! — горько закончил Юрий.

Надежда в недоумении смотрела на операторов.

Благуша чувствовал себя виноватым, но пытался обороняться:

— Что же, мне у них документы проверить, что ли? Я же не милиционер!

— Ты мог проводить их до милиционера, а он бы у них проверил, что надо... Нам же, главное, получить их координаты. Эх, ты! Первый раз в жизни наткнулся на серьезное дело и то ухитрился пройти мимо... И не улыбайся, не улыбайся, ничего тут веселого нет...

Операторы и Надя медленно спускались с холма. Юрий злился на Мартына и, скорбно поджав губы, шел сзади. Надежда была смущена тем, что стала невольной свидетельницей размолвки товарищей. А может быть, Благуша именно из-за нее не обратил внимания на какое-то нужное дело? Мартын шагал молча. Он радовался тому, что Юрий не продолжает разговора. Впрочем, в глубине души Мартын негодовал на себя: действительно, кажется, дал маху с этими Поросянком и Чайником...

...Вот так, к сожалению, очень часто случается в жизни. Заметил человек недостаток, фальшь, зло на работе ли, дома ли, на улице, в магазине. Заметил. Хотел потребовать жалобную книгу, позвонить по телефону куда следует, написать гневное письмо в редакцию... Хотел, но раздумал, да и махнул рукой, решил не вмешиваться не в свое дело. И попрежнему покрывается пылью жалобная книга. И попрежнему висит на рычаге телефонная трубка, сняв которую можно было позвонить «куда следует». И осталась чистой бумага, вполне пригодная для писем в редакцию, райком, горсовет. А недостаток, фальшь, зло... сохранились. Не потому сохранились, что глубоко скрыты. Не оттого, что их не заметили во-время. А только потому, что люди прошли мимо. Один прошел мимо, не найдя в себе достаточно решительности, воли, энергии для борьбы. Другой прошел потому, что пожалел виновного. Третий успокоил себя: дескать, «сам я тоже не лишен житейских слабостей, и все мы смертны и все не без греха».

Но порок в нашей жизни не остается незамеченным. Его рано или поздно разоблачают и уничтожают. И насколько раньше это случилось бы, если б ни один человек не проходил мимо! Если бы каждый был убежден: нет зла маленького и большого, любое зло равно достойно уничтожения, так как из маленького вырастает большое...

...В парке земля была покрыта густым слоем конфетти и серпантина — осадками карнавальной бури. На глазах увядали фонтаны. Карусели описывали последние круги. Ракетный плотик мирно дремал, приткнувшись к корням ивы. Повара в ресторане-поплавке жарили последние, самые вкусные шашлыки — для себя.

Когда Надя и операторы вышли на городскую площадь, то город уже спал. Только где-то вдали слышалась плавная мелодия вальса. Казалось, что Красногорску снится веселый сон.

ПОКУПАТЕЛЬ И ПРОДАВЕЦ, БУДЬТЕ ВЗАИМНО БДИТЕЛЬНЫ!

В полутемном вестибюле облизполкома было прохладно. И деятели областного масштаба, владельцы стеклянных табличек на дверях, проходя мимо гардеробщика, завистливо вздыхали: их светлые, солнцелюбивые кабинеты в эти жаркие дни превращались из рабочих комнат в филиалы парильного отделения.

Юрий Можаяев никогда не имел личного кабинета, выходящего окнами на юг (точно так же, как кабинета, выходящего окнами на остальные стороны света), и поэтому не мог в достаточной мере оценить рабочие условия гардеробщика. Свернув в коридор, Можаяев зашагал к лифту. Из висящего в вестибюле указателя он выяснил, что Облпромкожсоюз базируется на третьем этаже.

Возле лифта, на деревянном диванчике, дремал старичок. Заслышав шаги, он приоткрыл один глаз.

— Здравствуйте, папаша, — сказал Юрий, — а лифт, как я вижу, приказал долго стоять?

— Да! — оживился старичок и легко соскочил с диванчика. — Стоит как вкопанный! Механизм с характером! А тебе, сынок многоуважаемый, куда надо-то?

— Облпромкожсоюз, — как заклинание, проговорил Юрий.

— И такой у нас есть, — весело сказал лифтер, видимо соскучившийся по разговору. — Это тебе, значит, надо сначала в Областной совет промысловой кооперации попасть. А уж там и до Кожсоюза ногой подать. Отсюда, от меня то-есть, тебе надо идти по коридору до развилки. Прямо пойдешь — в Облторф попадешь. Налево пойдешь — в Котлонадзор придешь, а направо пойдешь — до лестницы дойдешь... А как до нее доберешься, так и вверх полезай, на третий этаж. А там опять три коридора. Налево пойдешь...

— Спасибо, папаша, — улыбнулся Юрий, — все ясно, местную географию я уже усвоил.

— Эх, молодость! — забираясь на диванчик, мечтательно сказал лифтер. — Им лишний коридор пройти ничего не стоит. Ведь наверняка не туда попадет.

...На двери, перед которой стоял Юрий, были привинчены две стеклянные пластины:

ОБЛПРОМКОЖСОЮЗ
Председатель президиума

ОБЛПРОМДРЕВСОЮЗ
Председатель президиума

Можаяев вошел в приемную. Вдоль стен небольшого зала стояли самые разнокалиберные скамейки. Здесь были и тяжелые, монументальные (на таких парятся в банях), и легкие, портативные (для интимных бесед в саду), и низенькие спортивные скамейки-таксы, и скамейки-сороконожки непонятного назначения. И на каждой — трафаретик: «Руками не трогать, не садиться и не ложиться — экспонат». Видимо, облкооперация готовилась к выставке.

Неэкспонатных сидений в приемной не было, и человек двадцать посетителей слонялись по комнате, как неприкаянные грешники.

По обе стороны дверей, как мраморные львы у старых усадеб, сидели секретарши. Миновать их было невозможно. На кожсоюзном фронте располагалась блондинка со строгим лицом. С древесосоюзной стороны держала оборону девушка с шевелюрой чернобурки и великолепными белоснежными зубами. Она знала, что у нее красивые зубы, и была их рабой — ей приходилось все время улыбаться.

Девушка поймала взгляд Юрия, улыбнулась как можно шире и, скокетничав, спрятала лицо в большой букет анютиных глазок.

Юрий подошел к столу серьезной блондинки.

— Мне по поводу кожартелей. К кому обратиться за консультацией?

Женщина старательно писала что-то, и губы ее, видимо от удовольствия, были вытянуты. Не поднимая взгляда, она равнодушно ответила:

— Председатель президиума в отпуске. Начальник отдела кадров Иннокентий Петрович Поплавков никого не принимает. А без его разрешения я посторонним никаких справок не даю.

И она продолжала выписывать из раскрытой перед ней книги какие-то цифровые данные.

Юрий присмотрелся внимательнее и увидел, что книга кулинарная, а выписывает секретарь из нее рецепт хлебного кваса для окрошки. В кудрях блондинки виднелись кружочки

конфетти: видимо, она пришла на работу прямо с карнавала. Бедная девушка! Не дали ей отдохнуть, и она вынуждена сгорать на работе.

Стены были щедро оснащены плакатами. Особенно много плакатов призывало к бдительности: «Покупатель и продавец, будьте взаимно бдительны!», «Не пей вина: в пьяном виде ты можешь обнять врага!»

В комнату вбежал молодой человек в голубых брюках.

— Тш-ш! — зашипел он подколотым змием и подкатился к столу блондинки из Кожсоюзa. — Привет, Таточка Петровна! — расшаркался он перед серьезной секретаршей. — Привет Наточке Ивановне! — послал он воздушный поцелуй чернобурой девушке.

Та улыбнулась как только могла широко и, хихикнув, спрятала лицо в букет анютиных глазок.

А Таточка Петровна продолжала невозмутимо изучать поваренную книгу.

— Таточка Серьезновна! — сказал голубобрюкий. — Таточка Хмуровна, улыбнитесь хоть раз! Дайте мне папку отчетов ваших артелей за прошлый год и улыбнитесь! Берите пример с Наточки Улыбковны — она никогда не сердится!

— В левом шкафу, на первой полке, папка номер семь, — сказала блондинка, мельком взглянув на шустрого служащего, и снова нахмурилась.

Голубобрюкий молниеносно отыскал нужную папку, шлепнул ее о коленку, чтобы выбить пыль, и, сделав ручкой, понесся к двери.

— Наточка, — сказала блондинка, — а кто этот тип?

— Наверное, от Ивана Ивановича, — на всякий случай улыбнулась чернобурая секретарша. — А может быть, от Сигизмунда Моисеевича... Видно, наш сотрудник: и без пиджака и нас знает...

Услышав последние слова, Юрий встrepенулcя, поспешно выбежал в коридор и сдал пиджак в гардероб.

Через минуту Юрий вбежал в комнату со скамейками. Скользя по паркету, подъехал к Таточке Серьезновне.

— Привет, Таточка Петровна! — сказал он бодро. — Вчера на карнавале вы были самой авантажной маской. Мне нужно спешно цифры выполнения плана за последний месяц.

— Для Ивана Ивановича? — сказала Таточка, не поднимая глаз. — Левый шкаф, первая полка, папка номер четырнадцать.

Юрий достал папку.

— А Иннокентий Петрович у себя? — спросил он.

— Никого не принимает, но попробуйте, — сказала Таточка.

...Иннокентий Поплавок был не то что толст, а несколько округл. На первый взгляд он казался составленным из шаров: на шарообразном туловище сидела глянцевитая, как бильярдный шар, голова. На голове шарик поменьше — нос. Двумя серыми мячиками казались большие вялые глаза. И помещался Поплавок на каком-то особом кресле, сиденье которого было сплетено из шнуров и провисало, как гамак — ни дать ни взять бильярдный шар, загнанный в лузу.

— Я приезжий, — сказал Юрий. — Прибыл в ваш город по специальному заданию. О причинах своего визита расскажу после. А пока объясните мне: те плакаты о бдительности, которые висят в соседней комнате, имеют к вам отношение? «Покупатель и продавец» и так далее?

— Имеют, — сказал Поплавок. — Мы же, более-менее, бдительные люди. Даже скорее более, чем менее. Вот, например, я не могу с вами дальше разговаривать до тех пор, пока вы не заполните анкетку... Простите, у нас такой порядок... Мало ли кто ко мне придет... Надо, более или менее, знать...

— Скорее более, чем менее, — вставил Юрий.

— Вот именно! Фамилия... Год рождения... Национальность... Образование... Все-таки сразу видно человека, какой он...

Когда Юрий заполнил все графы, Поплавок взял у него анкету, пробежал ее глазами и сказал:

— Та-ак, та-ак. Вот теперь мы можем разговаривать... Вас, значит, плакаты интересуют? Это же к выставке, экспонаты.

Поплавков обвел кабинет глазами. Вздохнул.

— Выставка нас угнетает. Будем показывать результаты работы. А пока из-за этих результатов работать нельзя.

Стол Иннокентия Петровича был завален самыми различными предметами: резиновыми подушками, гуттаперчевыми мальчиками, эмалированными кастрюльками. К шкафу кто-то привязал гроздь детских воздушных шариков разных расцветок. А на подоконнике валялся полусвернутый лист ватмана, видимо с диаграммой роста производства. Юрий прочел: «теги крестьянские (в двухосном исчислении) — 465%».

— Здесь и «Резинсоюз», и «Игрушсоюз», и союз «Посудотара» расположились. А наши изделия еще у кого-то в кабинете лежат — голова кругом идет... — и Поплавков озабоченно почесал затылок карандашом...

— А там, среди скамеек-экспонатов, нет ли у вас скамьи подсудимых? — спросил Юрий. — Может быть, она напомнила бы вашим сотрудникам, что не стоит давать папки с данными о выходе готовой продукции первому попавшемуся человеку. Вот я получил папку.

— Ай-ай! — воскликнул Поплавков. — Это ужасно! Вы меня пугаете, — и щечки-шарики задрожали. — И с вас даже не взяли расписку о неразглашении? — Потом он успокоился и сказал: — Впрочем, вы не жулик... Жулика я сразу вижу по анкете. Но расписку о неразглашении все-таки оставьте. Так спокойнее. Правильно написано на том плакате: покупатель и продавец, будьте взаимно бдительны! Я с вопросом бдительности, более или менее, знаком.

— Скорее менее, чем более, — заметил Юрий.

— Нет, более, чем менее... Тем более, что я от общества по распространению лекции о бдительности читаю.

— А ваши сотрудники на этих лекциях бывают?

— Более или менее, — вяло отозвался начальник отдела кадров Кожсоюза, очевидно не совсем понимая, что хочет от него этот энергичный молодой человек. — Чего вы волнуетесь? Вы же, насколько я понял, не из нашей системы? О чем вы хотите узнать конкретно?

Юрий рассказал о разговоре Поросенка с Чайником, который они с Мартыном вчера слышали в парке, на карнавале.

— Вы понимаете, что кроется за этим разговором? — спросил Юрий. — Это же преступление! В вашей системе работают жулики!

— А в вашей системе ни одного жулика уже нет? — спокойно сказал Поплавков. — Есть. Но ведь мы с вами не уголовный сыск. Более или менее, нет.

— Вы член партии? — спросил Юрий. — Да? Тогда вы не имеете права проходить мимо таких фактов. Под вашим

носом совершаются уголовные махинации, а вы и не думаете разоблачать жуликов.

— Не читайте мне лекцию, дорогой! Я сам лекции читаю. Зайдите через недельку, я тут личные дела посмотрю, выясним.

— Это надо не в личных делах искать, а на месте.

— На каком месте? — переспросил Поплавок.

— На месте преступления, конечно, — запальчиво ответил Юрий. — Кто из ваших артелей выполнил план прошлого месяца на сто десять процентов? В какой артели работает Федя Белорыбицын?

— Этого я, пожалуй, точно не скажу. Списки в сейфе, а я не помню, куда ключ задевал... Два дня никак не найду. Приблизительно сказать могу. Более или менее.

— Лучше более... — высказал свое пожелание Можаяев.

— Этот Федя в Кудеярове работает — то ли в «Ремешке», то ли в «Лакокоже». Пожалуй, даже более в «Ремешке».

— Так вот, значит, Поросянок и был из «Ремешка». Там и надо уголовников искать! — легко заключил Юрий, и ему самому понравились его сообразительность и оперативность.

Поплавок захихикал. Все составляющие его шары — большие и маленькие — пришли в движение. Казалось, ими кто-то жонглировал. Послышалось бульканье, и Юрий дважды огляделся, прежде чем понял, что это смеялся начальник отдела кадров Кожсоюз.

Иннокентий Петрович булькал все громче, словно должен вот-вот закипеть:

— Да разве можно так говорить? Буль... буль... Там, знаете, кто руководит? На кого напраслину возводите? На председателя лучшей артели! Да он рационализатор... буль... механизатор, инициатор — высокого качества личность. Вот, например, кто «Резинсоюзу» мысль подал радиоподушки делать? Он. Вот она, подушечка, — надувается, а в ней наушники: лежишь, а у тебя оркестр словно в ухе мурлычет. Душа-человек. Выпить, верно, буль... буль... любит. Я с ним борюсь в этом плане... Как лектор общества по распространению... А вообще это человек проверенный: анкета у него абсолютно чистая... И личное дело без единой кляксы...

— Я сам проверю, что за деятель ваш этот передовой председатель, — сказал Юрий. — По роду занятий я буду в Кудеярове и зайду в артель. Вот видите, не надо быть работником сыска, чтобы установить личность.

— Это скорее более, чем менее, — пробормотал Поплавок и почесал затылок карандашом. Тут только Можаяев заметил, что похожая на бильярдный шар голова Поплавка в районе затылка исчерчена фиолетовыми полосами: карандаш, которым почесывал голову Поплавок, был химический.

— Я вот только не понял еще, — с ударением сказал Юрий, — к какой категории руководителей вы относитесь...

— Областного масштаба, — быстро вставил председатель.

— ...лодырей по убеждению или разгильдяев по заблуждению?

И Можаяев вышел из кабинета.

— У этого парня энергичные мозги, — сказал Иннокентий Петрович.

А в это время обладатель энергичных мозгов уже возвращал папку Таточке и говорил ей:

— Следующий раз не давайте документации кому попало. Вот вам влетит от начальства.

И тут впервые Таточка улыбнулась, а Наточка удивилась так, что забыла улыбнуться.

— Ей влететь не может: ведь Иннокентий Петрович родной брат Таточки Петровны! — пояснила Наточка. — Разве вы не знали? Тогда, значит, вы не местный, приезжий...

Юрий получил от гардеробщика-официанта пиджак и вышел на улицу.

— Ого, я опаздываю на съемку! — взглянув на часы, молвил он.

— Дорогой, — крикнул кто-то сверху, — вы захватили не ту папочку!

В окне второго этажа лоснился бильярдный шар.

— У меня на столе была папочка с более или менее закрытым материалом, а вы ее захватили, оставив свою, дорогой.

— Своей у меня не было, а ту папку я отдал вашей сестре, — сказал Юрий. — Я, очевидно, перепутал их — папочки одинаковые. Зря, зря вы не поставили на выставке той скамейки, о которой я вам говорил... Напомнила бы!

— Это, более или менее, правильно, — сказал Поплавков громким голосом, так что прохожие на улице подняли головы. — На всякий случай распоряжусь, чтобы все бумаги заперли в сейф и никому не давали.

— Вот это проявление бдительности! — обрадовался Юрий. — Расскажите-ка об этом на своей лекции... Тем более, что ключ от сейфа у вас, кажется, потерян!

«СПРАВА — ВЫ, СЛЕВА — СКОВОРОДКА!»

Когда Юрий вошел в квартиру Тимофея Калинкина, съемка была в разгаре. Казалось, что десять минут назад тут состоялось землетрясение в одиннадцать баллов. Обеденный стол лежал набоку, протянув ножки. Кушетка в углу стала на дыбы. Посреди комнаты, развернутый в три четверти, высился шкаф. С него свешивались ноги Благуши.

— Вот она, та точка, которую я шукаю уже целый час! — раздался из поднебесья голос Мартына. — Левее. Опять правее. Нет, опять левее. Фиксируйте эту позу! Внимание! Начали! Пошли!

Аппарат дал короткую очередь.

Юрий обошел шкаф. Перед ним за маленьким столиком в окружении книг сидела Вера Калинкина. В руках она держала толстый том.

— Ага, — сказал Юрий. — Кадр номер семьдесят восемь. Вера — член научного студенческого общества лингвистов. Дома она погружена в подбор цитат для своего доклада. Какова же тема доклада?

— Я... я не помню, — зардевшись, сказала Вера. — Но что-то захватывающее.

— Надо, Юра, внимательно читать сценарий, — нервно бросил Мартын с высоты своего положения.

— Верочка, скажите положи руку на книгу: когда вы были в последний раз на заседаниях этого уважаемого общества?

— Это было давно, — вздохнула Вера.

— Она же записана в это общество, значит, все в порядке, — вновь раздался голос сверху, и Мартын прыгнул со шкафа. — Перейдем к следующему эпизоду, — продолжал он, двигая шкаф на место. — Съемка на кухне. Учтите — вы готовите на газовой плите ужин брату, воротившемуся с собрания актива работников торговли.

Юрий взял в руки толстую книгу, которую Вера старательно читала при съемке. «Производство макарон в древней Хиве (по воспоминаниям современников и литературным источникам). Издание научно-исследовательской лаборатории экспериментального института вермишельной промышленности».

— Тема вашего доклада, — догадливо сказал Юрий, — макаронизмы древневосточных языков?

— Книгу дал я, — вмешался Мартын, ставя кушетку на место. — Я нашел этот реквизит под шкафом, и он мне сразу сподобился своей солидностью. Я думал, это какой-нибудь словарь.

Послышался скрип двери. Из-за шкафа донесся голос Пелагеи Терентьевны:

— Ну, кончили спектакль? Можно домой возвращаться? — и она поставила на стул сумку с покупками.

— Вы застали нас в переходный период, — сказал Мартын. — Мы переходим к варке ужина.

— А потом, — сказал Юрий, — раз мы решили строго придерживаться сценария, мы вас отобразим в кресле с вязаньем в руках... Такой свежий, новаторский кадрик.

— Верочка, наденьте передник, — распорядился Мартын, — вы будете хозяйничать.

Пелагея Терентьевна испытующе посмотрела на операторов:

— Передник? Откуда он у нее? И потом что ты, Вера, можешь приготовить?

— Чайник поставить могу, — уклончиво ответила Вера. — На примус.

— Примус — это первая половина двадцатого века, — сказал Мартын. — При чем здесь керосин, когда есть газ? Вот плита.

— Плиту-то нам поставили, — ответила Пелагея Терентьевна, разбирая покупки, — а газ все еще не подвели.

Этим заявлением Мартын был выбит из седла. Лихорадочно перелистав сценарий, он несмело сказал:

— Значит, вы, Вера, в принципе что-то делаете к приходу брата и в принципе газовая плита есть? Тогда возьмите полкило бульбы. Вы ее начистите и будете поджаривать.

Вера с печалью освидетельствовала свой фиолетовый маникюр.

— Для экрана я готова на все жертвы... Но чистить картошку не могу. От корнеплодов портятся руки.

— Жарьте мясо, — вздохнул Мартын.

— Отличный кадр, — поддержал Юрий: — справа — вы, слева — сковородка!

— Кстати, мясо я принесла, — сказала Калинин-старшая. — Вот, пожалуйста. Только, Вероида, не забудь его помыть и разрубить на части.

— Все что угодно, — сказала Вера, — но не мясо Это умеет только мама.

— Мама умеет все, — авторитетно заявила Пелагея Терентьевна. — Но жарить она сейчас не будет: ей положено сниматься в кресле... Ах, Вероида! Скоро ты станешь женой, хозяйкой, а мясо поджарить не можешь. А ведь Альберт такие бифштексы-рамштексы с тебя потребует, что держись... У него вкус тонкий и кровь голубая... Недаром он столько невест побросал.

— Оставьте, мама, ваши колкости. Он меня любит! Он готов на все... Он благороден и, слава богу, свою жену чистить картошку не заставит.. А что касается гнусной записки, которую притащила из парка моя благоверная сестрица, так Бертик вам же сказал, что это подлог.

— Дай срок, я сама вас с этой Лелей сведу. Наговоришься всласть.

— Ах, мама! Это просто смешно. Вы меня пугаете какой-то несуществующей Лелей, точно букой. А вы-то ее сами видели? Надежда, наверное, две пары каблуков сносила, рыская по всему Красногорску.

— А ты не огорчайся, Вероида. Разыщем. Жаль, Надежда в парке промашку дала — у студентов адреса не прознала. А пришли мы в институт — все на каникулы разбежались... — Она помолчала и после паузы добавила: — Но ужин за тебя я все-таки готовить не буду. Вот и весь сказ.

И Пелагея Терентьевна рассерженно удалилась на кухню.

— Придется тебе, Мартын, самому возиться с картошкой и мыть мясо, — предложил Юрий. — Это будет оригинально: оператор-стажер за чисткой корнеплодов.

— И почищу, — решительно сказал Мартын. — Бульба — мое любимое блюдо.

Вера пошла переодеваться, а он отправился на кухню, налил котелок воды, засучил рукава. Пелагея Терентьевна подала ему кривой и длинный, как ятаган, нож и с интересом стала наблюдать.

Юрий осторожно расчехлил свою съемочную камеру и увлекочил друга за приготовлением «любимого блюда». Услыхав жужжание аппарата, Мартын оглянулся. Но было уже поздно. Ему оставалось только скорбно улыбнуться в объектив.

Пелагея Терентьевна поправила пенсне и долго разглядывала Мартына. Оператор поежился.

— Вот вам такую жену, как Вероида, — заплакали бы. Всю жизнь у плиты простои- те — снимать некогда будет... Мо-

жет, оно и к лучшему? Вы же не делом сейчас занимаетесь... Если бы я была вашей матерью... — и Пелагея Терентьевна, резко сорвав пенсне с носа, ушла в комнату.

— Съемка продолжается, — раздраженно сказал Мартын. — Картошка есть, кастрюля имеется, вода тоже кипит от нетерпения... Нет только главного действующего лица. Вера, вы готовы?

— Чистите, чистите, я сейчас! — крикнула Вера.

— Подлог продолжается, — заметил Юрий. — Об ужине я уже не говорю, но ты газифицируешь город раньше, чем это догадался сделать горсовет.

— Пока фильм выйдет, газ будет. Я верю в коммунальные темпы. А кроме того, у меня сценарий, утвержденный и подписанный. Что ты все лезешь в мои дела, товарищ Можжевельник? Вера, вы скоро?

— Ах, до чего нетерпеливы работники искусств! — проворковала Вера. — Сейчас иду!

Юрий закурил трубку.

— Не сваливай всей вины на Бомаршова. Учти, Март, что по делу о лжесценарии ты проходишь как соучастник.

Вера вышла в новом платье.

Его раскраска напоминала перья павлина, а может быть, даже и жар-птицы.

— Ну как? — спросила Вера, делая поворот «кругом». — Вам нравится? Моя подружка Вика говорит, что точно в таком платье Бетти Грэйбл готовила обед в фильме «Мой бэби».

— Ах, как жаль, что у нас не цветная пленка! — вскричал Юрий.

— М-да, — неуверенно произнес Мартын. — Сейчас я проверю точки съемки, освещение. Встаньте вот здесь. Смотрите на картошку любящим взглядом. Возьмите кастрюлю.

Благуша закончил съемку домашних кадров и собирался скоро уйти вместе с Верой.

— Следующий эпизод — в магазине, — без воодушевления объяснял Мартын. — Закупки ширпотреба! Демонстрация роста материального благосостояния! Вы покупаете пылесос, холодильник, запасное колесо для автомобиля, — во всяком случае, что-то в этом роде. Идемте, Верочка. Вы остаетесь, товарищ Можаяев?

— Так надо же кому-нибудь снимать фильм! — самоотверженно сказал Юрий.

Мартын молча вышел вслед за Верой на лестницу.

— Насовсем ушли или временно? — появляясь в комнате с бумагой в руках, спросила Пелагея Терентьевна.

— Благуша совсем.

— Слава богу! — вздохнула Калинкина. — А ведь мне дружок ваш показался вначале симпатичным. И вот, пожалуйста, тоже начал... это... ну, как...

— Инсценировать, — подсказал Юрий.

— Спасибо... Вот об этом как раз я и написала сейчас вашему киноначальнику. По-нашему, по-колхозному, это все называется дутыми трудоднями. Вот что... Нет, не хотела бы я иметь такого сына, как ваш Благуша.

— Пощадите, Пелагея Терентьевна! Это такая система съемки. Мы снимаем ряд кадров два раза — в порядке творческой дискуссии, так сказать. С учебно-производственной целью. Как надо и как не надо. Он сейчас снял как не надо, а теперь я буду снимать как надо. Так что письмо посылать пока не стоит... Но я хотел бы его показать Марту — из педагогических целей... Спасибо... А теперь я все-таки хочу немного вас помучить. Ужин-то вы иногда готовите, верно? Вот я вас и сниму за варкой, жаркой и паркой! На чем будете готовить?

— На газовой плите...

— Нельзя быть такой злопамятной, Пелагея Терентьевна. Ведь я же знаю, что газ-то еще не включен!

— Плита у нас вместо бывшего кухонного стола — ставим керосинку на газовую плиту... А дальше все по-старому... Картошку-то начистили? Хоть за это спасибо.

— Я так буду снимать, — пояснил Юрий: — керосинка на газовой плите, и все газовые краники открыты — пусть зритель видит, что работает и что нет. Скажите, Пелагея Терентьевна: а правду говорят, что из картошки можно сделать две тысячи блюд?

Калинкина сняла пенсне и, подняв высоко над головой чистеную картофелину, произнесла:

— Знаете ли вы, что кушать любят все, а готовить умеет только несколько процентов населения?..

Пелагея Терентьевна, оседлав любимого конька, прочла целую лекцию о вкусной и здоровой пище, а Юрий, будучи че-

ловком любознательным, почерпнул из нее массу полезных сведений; конечно, шеф-поваром его не взяли бы даже в стационный буфет, но в любом ресторане он мог уже кушать вполне сознательно.

Проводя инструктаж, Калинкина демонстрировала приготовление блюд из картофеля. Юрий успевал задавать наводящие вопросы и одновременно делать свое операторское дело. Когда час спустя Можаяв вышел на улицу, голова его была нафарширована сотней образцовых кулинарных советов, жизненно необходимых каждой молодой хозяйке. А в кассетах лежало несколько кусков пленки, снятой не по Бомаршову...

Можаяв побрел к центру. Раскаленная сковорода солнца висела над Красногорском. Город раскинулся в истоме.

Недалеко от «Тянь-Шаня», возле комиссионного магазина, стояла толпа.

— В чем дело? — спросил Юрий у одного из зрителей, пожилого человека с пылесосом в руках. — Дешевая распродажа античных ценностей?

— Нет, — сказал пылесосовладелец, — киносъемка идет, — вот он, их ответственный киносъемщик, чуть в витрину не залез.

Пробравшись в передний ряд увлеченных зрелищем горожан, Юрий увидел взлохмаченного Мартына, стоявшего на двух огромных уникальных самоварах. Мартын священнодействовал.

— Уберите эти два рояля! Они отражают свет! — кричал Благоуша. — А статую Венеры поверните в профиль! А то у нее чересчур античные формы. Так, хорошо!

— Простите, я на съемку, — сказал Юрий швейцару, стоявшему на пороге магазина. — Видите, аппаратура.

— Он к нам! — крикнула Вера, увидев Можая. — Пропустите его, дядя Митя!

Вера сидела у прилавка и копалась в пестрых фарфоровых болванчиках. Мартын лазил по полкам, выбирая точку съемки. Продавцы и еще какие-то люди стояли в стороне. А по магазину, не реагируя на иронические улыбки обслуживающего персонала, металась женщина в дымчатых очках и соломенной шляпке-нимбе, состоящей из одних полей. Под нимбом качались серьги величиной с сибирские пельмени. В одной руке женщина держала статуэтку, в другой — пучок десертных ножей.

— Я покупаю этот «копенгаген»! — кричала она. — Он создан персонально для меня. Сплошной люкс! Март, вы не жалеете, что я привела вас сюда? Если бы не я, вы бы снимали сейчас универсальный ширпотреб! А тут — пассаж, Эрмитаж, шик-модерн!

Юрий в недоумении остановился.

— Какая очаровательная минута! — увидя аппарат в руке Можая, воскликнула женщина со статуэткой. — Столько операторов сразу! Чувствуешь себя как в столице! Будем знакомы — Вика Закусил-Удилова! Мой муж — ответственный работник Кудеяровского горсовета.

— Можая, — без энтузиазма представился Юрий.

— Можая? Блестяще! Мне знакомо ваше лицо. Вы не лауреат?

— Кандидат.

— Но за этот фильм вы наверняка будете лауреатом. Вас ждут впереди персональные машины и должность главного режиссера. Это, кажется, номенклатурное звание? Ах, как это заманчиво! Ваша жена будет счастливой.

Юрий окинул взглядом свою собеседницу. Она была одета так воздушно, что в эту сорокаградусную жару около нее казалось прохладнее.

— Все в полном порядке! — сказал Мартын. — Можно пускать публику — съемка окончена! — и слез с полки.

Вика порхала от прилавка к прилавку.

— Подберите-ка мне кожаный реглан. Хочу сделать мужу подарок. Только чтобы реглан был с блеском. Люкс!

— Размер? — с готовностью спросил продавец.

— Пятьдесят шестой, рост пятый...

— Ваш муж — большой человек...

— Конечно, это знают все, он видный работник, — ответила польщенная Вика.

— Едва ли подберем, — загрустил продавец. — Редкий размер.

— А у вас не бывают подушки-думки? У меня теперь новая страсть. Я уже купила одиннадцать штук! И среди них есть одна персидская и две сиамские. Ах, они очаровательны! Я не понимаю, почему музей изобразительных не коллекционирует думки?!

— Думок не держим, — с ударением сказал продавец.

Получив приказ «пускать», швейцар дядя Митя отступил на заранее подготовленные позиции, и покупатели вошли в помещение. Окружив тесным кольцом Вику и Веру, они с любопытством обозревали участников съемки.

— А здорово вы играли эту буржуазную штучку! — восхищенно улыбаясь, произнес гражданин с пылесосом. — Разрешите от имени, так сказать, общественности поблагодарить!

— Фу! — сказала Вика. — Разговоры, как в универмаге! — и, растолкав толпу, вышла на улицу.

— Вот молодец! — завистливо заметила девушка с томиком Станиславского в руке. — Как она вжилась в образ!

— Так вжилась, что ее оттуда никак не выживут, — сказал кто-то. — Это же жена кудеяровского Закусил-Удилова. А вы уж и прослезились — «актриса», «образ»...

От хохота зазвенели стекляшки люстр в отделе ламп и абажуров.

Операторы и Вера вышли на улицу. Вика стояла у машины.

— Ах! Сколько еще сталкиваешься с некультурностью публики! — сказала она, презрительно поглядев в сторону магазина.

— Что ты, Вика? — почему-то покраснела Вера. — Разве так можно?

— Ах! Они же обо мне говорят нехорошие вещи... Впрочем, какой кокетливый денек! — переменяла тему Закусил-Удилова. — Вы знаете, у нас под Кудеяровом — избранное местечко. Сплошь виллы, персональные дачи. Спросите дачу Закусил-Удилова — каждый покажет. Приезжайте к нам в воскресенье. К сожалению, на неделе мы будем заняты: меняем квартиру.

— Что, лучшие условия, больше площадь? — спросила Вера.

— Нет, менее роскошная, чем прежде, но зато в доме, где живут одни ответственные работники... Ну как, приедете?

— Благодарствую, — пробормотал Мартын, — работы много, не знаю, удастся ли выкроить время...

— Тимофей снимает дачу рядом, — сказала Вера, — вы же все равно там будете.

— Приезжайте, — проворковала Вика и дотронулась до руки Мартына. — Вы будете чувствовать себя у нас как дома. А ваш приятель какой-то бука... Молчит и смотрит, смотрит и молчит. Впрочем, есть сорт мужчин, которые, увидя меня, немеют.

— Не нахожу слов, — сказал Юрий, — лишился дара!
— Острота — высший класс! — воскликнула Вика и, сделав глазки Можаяву, подхватила Веру под руку. Женщины зашагали по тротуару.

Лимузин Закусил-Удилова, как хорошо воспитанная собачка, шел у Викиной ноги, не обгоняя и не отставая.

— Пойдем питаться! — сказал Юрий.

Мартын поглядел на Можаява затуманенными очками:

— Мне почему-то сегодня не хочется есть!

— Таинственное явление природы, — усмехнулся Юрий. — Впервые в жизни Благоуша отказывается от обеда. Может быть, ты тайно ел сырую картошку у Калинкиных? Была не была: знаешь, что сказала Пелагея Терентьевна? Что не хотела бы иметь такого сына, как ты. Ясно почему? Не совсем? Ну, тогда почитай письмо, которое она хотела отправить на студию. И молись на меня за то, что я ее отговорил это сделать. Чем не поступишься ради друга, даже принципами... Как это у вас говорят в Виннице? Любишь смородину, люби и оскомину? Так, да?..

Мартын молча прочел письмо и закручинился. Ему было явно нехорошо. Хотелось остаться одному... умчаться куда-нибудь, где нет ни сценариев, ни киноаппаратов, ни Калинкиных, ни Умудренских, ни комиссионных магазинов, ни иронических улыбок покупателей...

— Кстати, Март, Пелагея Терентьевна собирается ехать к Бомаршову. Поедем вместе, а? Есть возможность дать бой нашему сценаристу. Едем!..

СРЕДИ ЗАБЫТЫХ И ПОТЕРЯННЫХ

Бюро находок, или, как его попросту называют, «Камера хранения забытых и потерянных вещей при коммунхозотделе Красногорского облисполкома», занимает всего две комнаты. В первой стены почти сплошь заняты стеллажами. Тут за маленьким столиком сидит Надежда Калинкина. Во второй, за стеклянной перегородкой, базируется директор — коренастый мужчина в мохнатой розовой тубетейке и парусиновом костюмчике.

Раздутием штатов учреждение явно не страдало, и в нем, следовательно, отсутствовали и бюрократизм, и склоки, и зажимы всех видов, и прочие недуги «расширенных аппаратов». Даже рационализаторские предложения тут внедрялись быстро, без волокиты и заседательской суетни.

Казалось бы, какие могут быть новшества в таком консервативном деле, как выдача владельцу забытой им вещи? Именно так и мыслили работавшие до Нади на столе выдачи сотрудницы. Они, не мудрствуя лукаво, регистрировали доставленные зонтики да свертки, списывали в утильсырьё непарные калоши и аккуратно оформляли ежемесячные балансы потерь и находок. Если же за какой-либо вещью долго не являлся хозяин, то согласно инструкции ее сдавали на склад госфонда.

Вот с них, с не востребованных предметов, и начала Надежда Калинкина переосмысливание методов работы. Самое любопытное заключалось в том, что «бесхозными» оказывались, как нарочно, ценные находки. И это обстоятельство очень сердило Надю.

— Ведь это типичное неверие в честность советского человека! — возмущалась Калинкина. — Жила-была в феодальные времена пословица: «что с возу упало, то пропало». Так вот, владельцы этих вещей все еще считают «упавшее с возу» пропавшим. Безобразие! Я предлагаю: если больше двух недель за находкой никто не приходит, мы начинаем разыскивать хо-

зяина вещи. И вручаем ему ее. Это не только улучшение обслуживания, но, если хотите, форма агитационно-массовой работы!

Так как первой и последней инстанцией в бюро является директор, то рационализаторское предложение Надежды было тут же одобрено и рекомендовано к незамедлительному проведению в жизнь.

В первый же месяц количество невозвращенных предметов уменьшилось втрое. Надин почин пришелся по душе и работникам бюро находок других городов. Но найти человека, давно махнувшего рукой на свою потерю и примирившегося с ней, — дело не шуточное. Особенно в большом городе. Надя, например, полмесяца пыталась сыскать владелицу редкого золотого перстня, в который вместо камня были вставлены миниатюрные часики. Они, правда, отставали немного, но если учесть, что им насчитывалось не менее ста лет отроду, то можно было простить микромеханизму некоторые старческие причуды.

Калинкиной пришлось провести несколько консультаций с ювелирами и часовщиками города, прежде чем отыскался след: один часовых дел старичок вспомнил, что видел перстень на руке жены некоего ответработника по фамилии Закусил-Удилов. Дальнейшее, как говорится в комментариях к шахматным партиям, было делом голей техники: Надежда поехала к Виктории Айсидоровне и вручила ей тикающую драгоценность.

Ответжена была весьма обрадована возвращению блудного колечка, но еще больше изумлена.

— Когда я приобретала это кольцо, меня обманули! — простонала она, эффектно хрустнув пальцами. — Вместо уникальной вещи мне подсунули что-то неоригинальное и пошлое. На это кольцо никто даже не польстился! А мой поставщик клялся своими детьми, что кольцо прямо из музея, чуть ли не с мумии снято! Ах, нельзя никому верить! Кругом жулики, жулики и жулики.

Несколько, успокоившись, Виктория Айсидоровна доверительно спросила Надю:

— Надине, я обращаюсь к вам неофициально, как к сестре моей лучшей подруги, — скажите, вы уверены, что это настоящее золото? Ведь у вас там эксперты, консилиумы, проверки... Меня не обманули? Нет? Так почему же тогда мне его вернули?! Ведь если бы я персонально наткнулась на такую штучку...

Надежда поняла, что воспитательную работу среди Закусил-Удиловой вести бесполезно. Стоило бы, конечно, сказать ответсупруге несколько отрезвляющих слов, но Калинкина помнила, что находится при исполнении служебных обязан-

ностей, и ограничилась какой-то трафаретной вежливо-колючей фразой.

Но таких, как Закусилиха, попадалось мало. Как правило, Надю принимали везде с распростертыми объятиями и искренне благодарили за чуткость.

Случались иногда и самые непредвиденные казусы.

... — Можете меня увольнять, — сказала Надя, войдя в стеклянный закуток директора, — но я ничего не понимаю!

Глава забытых и потерянных поглядел на огорченную Калининку и на небольшой, спортивного вида чемодан в ее руке.

— Ты давай все по этапам, без спешки! — сказал директор, обмахиваясь, как всегда в минуты волнения, тубетейкой.

И Надя рассказала начальству события этого бурного утра.

Собственно, история с «ничейным предметом» уже подходила к концу. Отречение владельца от собственного родного чемодана было финалом. А началось все пять дней назад. Даже, пожалуй, еще раньше — в тот день, когда небольшой, спортивного вида чемодан занял свое место на стеллаже. Именно в такой среднегабаритной таре футболисты носят бутсы и запасные трусы, боксеры — любимые перчатки, а теннисисты — учебники повышения квалификации. Как положено, попав в камеру, вещи теряют свои жанровые наименования и становятся «предметами». В книге поступлений было записано о спортивном чемодане следующее:

«Предмет забыт мужчиной в трамвае маршрута № 7 возле остановки Тупик имени Таракановой 30 июня, в 19 часов».

Две недели предмет спокойно простоял на стеллаже. Сначала его соседями были гроздья бутафорских не то сосисок, не то сарделек и разрез печени алкоголика (спецзаказ магазина наглядных пособий). Потом вместо сосисо-сарделек появился дамский парик времен императрицы Анны Иоанновны, а пропитая печенка сдала свой пост патефонной пластинке «Выпьем, ей-богу, еще...» Чемодан же стоял, как утес. И только на пятнадцатый день он был вскрыт. Надя считала, что содержимое «предмета» подскажет, где и как искать его владельца.

В чемодане ничего любопытного не оказалось: выкройки, куски подкладочного материала, ножницы, связка еще не кроенных хромовых кож.

— Типичное снаряжение закройщика кожаных изделий, — резюмировал директор, обмахиваясь тубетейкой.

Калинкина развернула связку кож и увидела на них клейма Красногорского кожкомбината.

— А как они могли сюда попасть? — спросила она. — С комбината кожа не поступает в продажу: из нее там же, на месте, делают всякую галантерею... Вынос кож с комбината

запрещен. Я это знаю, мой брат Николай там работает. Он мне рассказывал: за вынос кожи за пределы территории — под суд... А здесь — одна... две... три... пять! Ведь это уголовщина!

— Не из-за этого ли владелец и не пришел за чемоданом? — задумчиво произнес директор.

— Конечно, — подхватила Надя. — Мы напали на след преступников!

— погоди, погоди, — махнул тюбетейкой директор. — Давай разберемся по этапам, без спешки... А если никакого проступка нет? Представь себе: может закройщик комбината по спецразрешению руководства совершенно официально брать работу на дом? Новый фасон пальто или еще что-нибудь... Может. А кроме того, существуют, конечно, и другие варианты, ничего общего с уголовным кодексом не имеющие... Так что, Надежда, давай действуй пока как обычно. Найдем владельца, а там видно будет.

Надя связалась незамедлительно с кондуктором трамвая № 7, которая дежурила в тот рейс, когда был забыт чемодан. Та описала приметы забывчивого пассажира и даже припомнила, как подвыпившие порядком спутники называли его Никодим Никодимычем, как уговаривали ехать дальше, а он сказал, что идет домой и «никаких гвоздиков». Сошел Никодимыч на остановке «Тупик Таракановой».

Калинкина побывала в адресном столе и после многочасового разбирательства установила, что в районе Таракановского тупика прописан Н. Н. Чижиков, закройщик ателье верхнего платья.

Сегодня утром Калинкина отправилась на квартиру к забывчивому Чижикову. После очередного запоя закройщик бюллетенил. К визиту Нади он остался равнодушен. И на уставно-инструкционный вопрос: «Не было ли вами, гражданин Чижиков, недели три назад забыто что-нибудь в трамвае?» — ответил отрицательно.

Надя растерялась. Это был первый случай в ее практике — владелец отказался от своих вещей! Калинкина даже показала Чижикову чемодан, доселе аккуратно завернутый в чистую холстинку.

— Нет, — помахал головой закройщик, — отродясь таких не имел... До свиданья!

Надя, выйдя во двор, задумалась. Кругом, мешая ей сосредоточиться, верещали впавшие в футбольный азарт ребята. Когда крики форвардов раздались над самым ухом, Калинкина увидела, что она стоит на линии штрафной площадки, а к ее ногам катится выдавший виды пожилой футбольный мяч.

— А если он нарочно отказался от чемодана? Чтобы не давать объяснений по поводу кож? — вслух подумала Надя и ударила по мячу, стараясь попасть в ворота.

Мяч шмыгнул мимо ошарашенного вратаря-малолетки, игроки завопили еще громче, и сразу же началась дискуссия: засчитывать гол или нет? По футбольным правилам мяч, отскочивший от постороннего предмета, оказавшегося на поле, в ворота, засчитывается. Суть спора заключалась в другом: может ли девушка сойти за предмет и что вообще подразумевать под словом «посторонний»?

Пока кипели страсти, Надя ушла со двора, села в трамвай № 6 и поехала в ателье, профорганизация которого аккуратно оплачивала чижиковские запои.

Мастера сразу признали чемодан:

— Десять лет с ним Никодимыч ходит!

— Давай, дочка, передадим ему! Можешь довериться!

Надя попросила извинения за беспокойство и вернулась в бюро. Рассказав начальству все перипетии своего утреннего похода, Калинин выжидательно замолчала.

— Улики имеются, — подвел итог директор.

— Я буду звонить в милицию, — сказала Надя. — Это теперь уже ее дело.

И через десять минут за чемоданом заехал шустрый паренек в кепочке. Надя запротоколировала свои соображения и описание утреннего похода к Чижикову.

— Спасибо, — поблагодарил паренек и исчез.

Директор кончил было обмахиваться своей тубетейкой, Надежда села за приходную книгу, и жизнь бюро находок стала входить в свою обычную колею, как вдруг снова заработала тубетейка-веер. Лицо директора приняло испуганное выражение.

— Он! — пробормотало начальство. — Опять он!

Надя проследила направление директорского взгляда и увидела в большом застекленном окне знакомые фигуры двух операторов — Юрия Можая и Мартына Благуши.

...Раскланявшись с Надей, Юрий направился к стоящему на пороге своего стеклянного закутка директору.

— Мы снимаем очерк о семье Калининых! — предъявляя удостоверение кинохроники, представился Юрий. — Я хочу взглянуть на обстановку, в которой протекает трудовой процесс одной из наших героинь. И, если удастся, заснять несколько кадров.

Директор пожал руку Можая и, косясь на Благушу, который о чем-то оживленно беседовал с Надей, прошептал:

— Прошу вас, товарищ оператор, на минуточку ко мне... Для конфиденциального разговора.

Юрий положил аппарат на стеллаж с забытыми и потерянными и прошел в директорский аквариум.

Руководитель камеры притворил дверь и плюхнулся в кресло. Мохнатая темнорозовая тюбетейка вертелась в руках директора с пропеллерной скоростью. Бросая испуганные взгляды на видневшегося вдали Мартына, директор произнес громким шопотом:

— Вы хорошо знаете молодого человека, с которым пришли?

— Да, — тоже почему-то переходя на шопот, сознался Юрий. — Он мой друг.

Директор упал в кресло. Махнул тюбетейкой в сторону стула: садитесь, мол.

Можаяев присел.

— Очень странные у вас друзья, юноша. Это знаете кто? Рекордсмен потерь! Чемпион рассеянных! Мой кошмар! Стихийное бедствие!

— Да мы всего девять дней в вашем городе, — сказал Юрий. — И мой товарищ, по имеющимся у меня сведениям, вполне нормальный человек... Потери — они бывают у всякого... Но насчет рекордов не слышал... Может, вы путаете его с кем-либо?

— Нет, — шлепнув тюбетейкой о стол, сказал директор. — Я не преувеличиваю и не путаю. Я даже знаю его фамилию — Благуша! Верно? Так вот — это загадка природы. Он ходит к нам восемь дней подряд. Вчера и позавчера был два раза. Надя часто бывает в разъездах, так что я заменяю ее на выдаче вещей. И вот сижу, приходит он. Озирается растерянно по сторонам... Видит меня и очень смущается. Я его спрашиваю: «Что вы потеряли, молодой человек, и что вы хотите найти?» Он смущается еще больше и говорит: «Зонтик».

— Зонтик? — изумился Юрий. — Это занятно. Мартын под зонтом — феерия!

— Да, да... Зонтик. Я записываю, где произошло событие, когда... Он путается... Наконец все оформляем. «Зайдите завтра, — говорю, — зонт будет ждать вас». Ваш друг приходит на следующий день — Нади снова нет, снова сижу я. Калинкина уезжала в автобусный парк — получить забытые в течение дня вещи. Вы думаете, нас только двое сотрудников? Нет, все жители города — наши работники... В Красногорске вы можете оставлять вещи, как в собственной квартире, — никуда они не пропадут... Так вот, приходит этот... друг... Я, знаете, в шутку его спрашиваю: «Опять потеря?» Он как-то очень вяло говорит: опять, мол, и опять зонтик... Понимаете? Уже два зонтика! Заполнили карточку — он уходит. На следующий день та же картина. Надя поехала отдавать вещи одному

навалиду — потерял человек часы, сам передвигается с трудом, мы обслуживаем таких на дому... А у меня на столе — груда калош. Был, знаете дождь накануне; в такие дни у нас косяком идут калоши, плащи, зонты... И выясняется, ваш приятель забыл калоши... На следующий день — чемодан. Потом — пудель по кличке Эскалоп, потом...

— Подождите, — сказал Юрий, — у меня завихрение мыслей... Этого не может быть... Пудель... калоши... Бред!

— Конечно, бред! — радостно вскричал директор. — Ведь ни одной из этих потерь мы ему не смогли вернуть... Понимаете — ни одной! Ладно, Эскалоп мог сбежать. Это, так сказать, проходит по рубрике «самодвижущегося имущества»! Но все остальное? Мистика! У нас в городе процент честности растет из года в год. Сейчас он равен девяносто пяти. Это значит, что из ста заявок об утерянных вещах мы удовлетворяем девяносто пять. А сейчас из-за вашего друга у меня вся статистика полетела кувырком... Из-за этих процентов уже звонили из прокуратуры. Выходит, какая-то шайка появилась в городе!

Десять заявок вашего приятеля сбили процент честности на восемь процентов! Кроме того, мой потерянный аппетит и мой пропавший сон. Эти вещи — вы еще, может быть, не знаете, но я-то в курсе — найти и вернуть гораздо труднее, чем пару калош...

Директор поник в кресле. Тюбетейкой, как пресспапье, он промакнул вспотевший лоб.

— Сейчас мы развяжем этот узелок, — сказал Юрий вставая. — Мы устроим небольшой допрос, а если понадобится, то и очную ставку. Кстати, почему ваше учреждение называется «камерой»? Как-то несимпатично. Вы приносите людям радость, и вдруг — камера!..

Юрий вышел из аквариума. Надя и Мартын оживленно беседовали. Девушка смеялась.

— Простите, — сказал Юрий, — но у меня к тебе, Март, есть один разговорчик.

— Разумею, хлопче, — пробасил Мартын, радостно улыбаясь, — директор журился, верно? Ну, да мы сейчас с Надеждой все выяснили, я признал свои ошибки и лично все объясню руководству.

Мартын поправил очки и пошел за перегородку.

— Ничего не понимаю, — Юрий развел руками, — в чем дело?

Надя лукаво поглядела на стеклянную стенку директорского кабинета:

— Мартын сам вам все расскажет. Не волнуйтесь — конфликт исчерпан.

— Ну что ж, — произнес Юрий, закуривая трубку. — Я могу вытерпеть минут пять... Но не больше, потому что нераскрытая тайна не дает ни о чем думать, лишает человека работоспособности...

— А вы пришли к нам как на рабочий объект? — спросила Надя.

— Ого, — удивился Юрий, — вы уже усвоили нашу профессиональную терминологию? Не иначе, как Мартын тайком от меня проводил с вами индивидуальные консультации!

Надя хотела что-то сказать, но в это время входная дверь распахнулась и в камеру вкатился шарообразный мужчина с глянцевитой головой, немного исчерченной на затылке химическим карандашом.

— Поплавков Иннокентий Петрович, русский, девятьсот одиннадцатый, да, нет, не состоял, не имею, служащий, начальник отдела кадров Облпромкожсоюза. — Он перевел дыхание и продолжал: — Если вы мне, более или менее, поможете, я буду очень благодарен...

— Не узнаете знакомых, Иннокентий Петрович, — сказал Можаяев, приготавливая к съемке камеру. — Можаяев Юрий, русский, оператор кинохроники, не состоял, холост, не имею...

— А-а, — равнодушно протянул Поплавков, — привет! Я вас, более или менее, помню. Но, простите, очень спешу. Так вот, гражданочка, потерян...

Поплавков оглянулся подозрительно — не подслушивает ли кто? — и тихо договорил:

— ...ключ от сейфа...

Затем он повысил голос и принял ораторскую позу:

— Понимаете, что может произойти, если этот инструмент попадет в чужеродные руки? Надо быть бдительным! Ни в коем случае не отдавайте и не показывайте такой ключ никому. У меня есть доказательства, что он мой. На нем номер — я вам его сообщу сугубо секретно... И он еще на коричневом шнурке... С зазубренной, более или менее, бородкой...

Надя достала из ящика ключ на коричневом шнурке.

— Ваш? Лежит уже несколько дней. Попрошу паспорт...

— Как? Нашли? Не может быть!.. Люди находят чужую вещь и все-таки ее возвращают... Это, более или менее, удивительно.

Пока Юрий искал точку съемки, Надя уже оформила выдачу ключа изумленному людской честностью товарищу Поплавку. Но Иннокентий Петрович не уходил. Он пошарил взглядом по полкам, осмотрел коллекцию зонтов и калош, потом поглядел на пачку папок, лежащих в углу.

— Простите, — произнес он, — а может быть, нашли случайно и мою лекцию? Она переплетена в синий картон.

— Случайно у нас ничего не бывает, — веско сказала Надя. — Раз вещь утеряна — она поступает к нам. Тут есть одна синяя папка... Вот, взгляните: докторская диссертация «Девятилетний опыт наблюдения за взаимоотношениями кошки (*felis maniculata domestica*) и мышки (*mus musculus*)».

— Это, более или менее, не мое ампула, — пробормотал Поплавков.

— А кандидата, — добавила Надя, закрывая папку, — этот автор получил, наверное, за хорошие взаимоотношения с членами ученого совета... Как называется утерянная вами лекция? Может, ее будет легче отыскать по внутренним, так сказать, признакам, а не по внешним.

— О бдительности, — важно сообщил Поплавков, подозрительно поглядывая на трещащий в Юриных руках аппарат.

— Не поступила еще.

— Будьте здоровы, — сказал Поплавков, выкатываясь из камеры.

— Веселый кадр я схватил, — довольно произнес Юрий. — Как по заказу... Потерянная лекция о бдительности... Здорово!

— Да, веселый кадр, — повторила Надя многозначительно.

Можаяев взглянул на девушку и проследил за ее взглядом. Надя смотрела на перегородку. И Юрий увидел, как директор камеры радостно обнимает Мартына.

— Печально, — сказал Юрий, — когда все вокруг в курсе событий, а ты один находишься в неведении... Морально тяжело...

Стекло не пропускало слов, и все происходящее в кабинете-аквариуме походило на немое кино: безмолвные объятия, попытки лобзаний.

— Если, Надя, вы мне сейчас все не расскажете, — пригрозил Юрий, — то я сниму вас таким образом, что ни один зритель не признает вас красивой. Вы в моих руках, учтите.

Надя рассмеялась.

— Мартын наделал глупостей. Он, не сговариваясь со мной, несколько раз заходил сюда. И заставлял директора. У Мартына не хватило смелости сознаться, что он заходит по личному вопросу, и он придумывал потери. А сегодня, когда вы пришли, я увидела, как директор смотрит на Мартына, мне стало страшно. Я допросила вашего друга, и он во всем сознался... Он, оказывается, не придавал значения своим заявкам...

— Ну, мы от вас так просто не отстанем, — сказал Юрий. — Сейчас Мартын освободится из начальственных объятий, и мы продолжим съемку...

АРГОНАВТЫ

— Местное время восемь часов две минуты, — любезно предупредило радио. — Начинаем передачу для членов-корреспондентов Академии наук. Слушайте, товарищи члены-корреспонденты, песни из кинофильмов.

Мощные молодые голоса дружно ухватили мелодию:

— Мы парни brave, brave, brave...

Но, несмотря на ранний час, под вокзальными сводами студии царил оживленный гомон: отправлялся в экспедицию очередной кинообоз. Возглавлял его сам Протарзанов.

— Пора в путь-дорогу, — призывало радио, — в дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю...

— Пора, давно пора, — бормотал Гиндукушкин, заглядывая в перечень предметов, необходимых для внестудийного творчества мэтра. — Папах бараньих — двадцать шесть... черкесок обычных — десять... черкесок парадных — двадцать... бурок черных — пять, бурок белых — пять, бурок сивых... сивых... сивых... Где сивки-бурки? — гаркнул Власий и ринулся к складу бутафории.

На экипировку протарзановской группы была брошена половина студии. Верному Гиндукушкину доверили один из важнейших участков: реквизит и личные вещи мэтра. В дорогу брались неизменные папиросы любимой фабрики «Борнео», складной стульчик и походный бочонок с коньяком, достигшим совершеннолетия. Протарзанов в командировках всегда старался обеспечить себе максимальный комфорт. Дабы не чувствовать оторванность от дома, мэтр возил с собой скотч-террьеря по кличке Чита, портативную грелку и плетеную кушетку.

...В своем неизменном мохнатом от выпирающего подкладочного волоса пиджаке редактор сценарного отдела Константин Шишигин двигался по студии. В Костином сердце кипели страсти. Получив из Красногорска письмо от Можаяева и Благуши, он отправился прямо к директору студии товарищу Фе-

никсову. Перед Шишигиным носились страшные видения: в номере красногорской гостиницы сидят, изнывая от безделья и беспокойства, всеми забытые молодые операторы. Юрий насквозь прокоптился табачным дымом. Мартын же расстроен так, что утратил аппетит и тощает с каждым часом.

— Как жизнь в искусстве? — подобострастно подхватил Шишигина под руку Гиндукушкин.

— Минуточку, — не отрывая глаз от текста, фыркнул Шишигин. — «Аппарат панорамирует. Крупным планом — станок. Он вертится. Стружка, как локон Вали, вьется из-под резца. «Я люблю тебя, Валентина!» — шепчет Володя, довыполняя двухсотый процент плана. Затемнение...» А-а, здорово, Власий! — сворачивая сценарий, вяло произнес Шишигин. — Какой у тебя протарзанистый вид!

Одет Гиндукушкин был действительно а-ля мэтр. Искрился светлый и жесткий, как оцинкованное железо, костюм. На щуплой ассистентской груди болтался новый галстук леопардовой масти.

— А как же! — самодовольно усмехнулся Власий. — Мы с мэтром едем на большой сюжет. Спецзадание! Я готовлю отъезд. А вы чем-то расстроены?

— Предвкушаю удовольствие от свидания с Фениксовым. Получил из Красногорска восторженное письмо от операторов: ребята без денег, сценарий просто находка для документалистов — сплошная фантастика...

Гиндукушкин изобразил на лице самое глубокое сочувствие.

— Ай-ай-ай! Какая неприятность! Но Фениксов в ней разберется!.. Многие не ценят товарища Фениксова! А ведь это выдающаяся личность! Я случайно знаю его биографию. Он был брандмейстером, заведовал горводопроводом, выпускал духовые инструменты... Прошел огонь, воду и медные трубы! Ничего каламбурчик, а? Гиндукушкин еще может, а?.. Словом, Фениксов умеет устраиваться! Хотите, расскажу такую потеху! Но между нами, конечно... Когда он заведовал пожарами где-то в провинции, то устроил юбилей собственной каланчи. И вдруг во время фейерверка вспыхнули обозные бочки. Пожарная часть сгорела дотла. Оказывается, в бочках хранился чистый спирт. Юбиляры держали его про запас с разрешения любимого брандмейстера. В результате расследования погорели все. А возродился из пепла сдин Фениксов.

— Ого! Какие милые новости, — удивился Костя. — И никто к нему до сих пор не применил противопожарных мер?.. Ну, а ты что же держишь свою информацию в кубышке? Ведь молодые следователи мечтают по ночам о таких фактах!

— А-а, — махнул ручкой Гиндукушкин. — Кому это нужно — совать нос в старое биографическое белье? Мне это нужно больше всех, что ли? Мое дело — сторона! Но вы слушайте дальше... Фениксова перебросили на завод газированных вод.

— Ну, а когда же он устроился выдающимся деятелем киноискусства? — осведомился Шишигин.

— Не кощунствуйте! — взмолился Гиндукушкин и тревожно огляделся по сторонам. — Это же все-таки наш общий любимый директор!.. Перед тем как перейти на студию, он уже работал по искусству. Командовал фабрикой духовых инструментов. Там под руководством Фениксова изобрели полировальную мазь «Фениксин». Она придавала медным трубам солнечный блеск. На инструменты, обработанные этой мазью, можно было смотреть только через копченое стекло. И подумайте, на этих трубах Фениксов чуть не вылетел в трубу... Хорош каламбурчик? Гиндукушкин еще может, а? Трубы блестящие, но не играли!.. Весь изобретательский коллектив погорел ярким пламенем, а Фениксов возродился! Несгораемая личность! Но это между нами, а то еще впутаешься во всю эту историю...

— Пресса плачет по таким фельетонам! — подытожил Шишигин. — А ты, вместо того чтобы об этом написать...

— Не в нашу ли многотиражную газету? — прищурился Гиндукушкин. — Подумаешь, авторитетный орган! А потом мне что, больше всех нужно? Я человек маленький. Простите, у вас торчит волосочек!

И почтительно, двумя пальчиками выдернув из редакторского пиджака пучок конского волоса, ассистент-адъютант умчался в неизвестном направлении.

— Надо проверить материал! — задумчиво пробормотал Костя.

Перед тем как проникнуть к Фениксову, Шишигин долго и безрезультатно укладывал свои дикорастущие кудри. Костя знал, чей взгляд он встретит, и ему очень хотелось быть красивым.

— Сегодня я решил достигнуть высшей власти, — молвил Шишигин, входя в приемную, где сидела секретарь директора Феня. — Как вы думаете, Фенечка, достигну?

— Торопитесь, — учтиво ответила Феня и поглядела на Костину шевелюру, которая на глазах приобретала обычный лохматый вид. — И вообще у него пониженное настроение: готовит доклад для творческой конференции «Практическая повседневная помощь молодым специалистам».

Когда Шишигин вошел в директорские апартаменты, Фениксов что-то нервно диктовал. Сизый, как струйка дыма, холок «несгораемого» руководителя вибрировал. При виде

Кости глава студии быстро замахал бумажкой: «Зайдите завтра!» — и продолжал, обращаясь к машинистке:

— «...Так же, как о молодых режиссерах, мы ежечасно и ежеминутно заботимся о молодых операторах».

— Стоп! — произнесла машинистка. — Кончилась страница!

Шишигин воспользовался паузой и быстро изложил суть дела.

— Срываются? Съёмки? — встревоженно пробормотал Фениксов. Он задумался на мгновение, и вдруг лицо его просияло: — Я это предвидел!

— Но ведь операторы не виноваты, — загорячился Шишигин. — Бомаршов напутал в сценарии... Молодым надо помогать!

— Продолжим, — сказала машинистка.

— «...Прежде всего мы обеспечиваем их полноценными, доброкачественными, высокохудожественными сценариями», — бубнил Фениксов. — Значит, наши юнцы жалуются на самого Бомаршова?! Что еще им нужно? Толстого Льва им нужно? Продолжаем. «...Активно способствуем интенсивному росту дарований, смело оказываем творческое доверие, поручаем самостоятельные сюжеты, поощряем дерзания и новаторство...» Я всегда против того, чтобы неоперившимся юнцам доверять самостоятельные задания. Студия не может рисковать. Кино не альпинизм! Сообщите же им, чтобы немедленно прекращали съёмку и присоединялись к группе Протарзанова. Она будет где-то там, рядом. Вы все поняли?

Директорские пальцы нервно пробежались по бумажкам.

— Я вас, кажется, наконец-то понял, — дерзко сказал Шишигин и вышел из кабинета.

«Не повезло ребятам! — рассуждал Костя. — Эх, если бы все у нас делалось так, как пишется в докладах! Придется ребятам сообщать печальные вести... Может, позвонить им в Красногорск? А как угадать точное время, когда они будут в гостинице? Мотаются где-нибудь на съемках... И потом лично сообщить друзьям о неприятностях у меня язык не повернется. Лучше напишу. И пошлю вместе с деньгами».

— Знаете, Костенька, — драматически зашептала Феня, — я хочу с вами кое о чем посоветоваться. Как с редактором.

— И вы пишете сценарии? — ужаснулся Костя. — А вы мне так нравились!

— И хочу нравиться в дальнейшем! — заявила Феня. — Я говорю с вами не как с деятелем сценарного отдела, а как с редактором нашей многотиражки. Костя, у нас происходят таинственные истории. Вчера я работала вместо Зои — я ей была должна одно дежурство. Фениксов дал мне для реги-

страции свое заявление по поводу фильма «Тише едешь — дальше будешь». Ведь директор на худсовете не высказывается, как вы знаете. Заявление резко отрицательное. А сегодня он передал второе заявление о той же картине — абсолютно положительное. Чудеса!

— Подождите... подождите... Значит, вчера... так... А сегодня... Увлекательный сюжет! Но раньше таких случаев не бывало? Тогда материалов для выводов еще маловато, — произнес Костя, в задумчивости вытаскивая из борта пучок волоса. — Знаете что? Выясните все детали. Тогда подумаем и о фелъетоне. Он может прозвучать! И раз навсегда учтите, Фенечка, я люблю вас вообще, а за веснушки в частности...

Фенечка отмахнулась, дернулась плечиком и зарделась так, что веснушки на ее лице исчезли.

...О Феникове недаром бродили самые фантастические слухи. Его пронизательность казалась сверхъестественной, а непогрешимость — легендарной. Когда на художественном совете разгорались страсти, директор бывал молчалив, как немой кинофильм. Ежели обстоятельства складывались так, что необходимо было выразить свое руководящее мнение, то Феников, отказываясь от слова, пояснял:

— Устный экспромт может быть истолкован превратно. Свои личные соображения я приобщу к стенографическому отчету позже... в письменной форме.

И тут начиналось самое таинственное, самое непостижимое! Оценка Феникова всегда совпадала с мнением вышестоящей инстанции! Если главк критиковал решение худсовета, директор предлагал поднять протоколы. И, ко всеобщему удивлению, демонстрировалось его собственноручное заявление, которое в принципе соответствовало мнению начальства. На документе стояла виза секретариата, доказывающая, что бумага подшита на следующий же день после заседания, как и обещал Феников.

Директор постоянно оказывался прав. Так случилось, когда забаллотировали фильмы «Первая зарплата», «Два конца, два кольца», «Третичные признаки». Так было, когда подняли на щит картины «Четыре угла», «Пятое колесо»...

Робкие попытки научно-естественного толкования Фениковой непогрешимости разбивались в пух и прах. Прозорливость нового директора стала притчей во языцех.

...На студии продолжался аврал. Через вокзальный вестибюль тащили, катили и вели передовую кинотехнику. Тут можно было встретить прожекторы всех видов и родов. От маленьких, как детские барабанчики, до громоздких, величиной с полковую кухню. Самый большой прожектор называли

«Племянником солнца». Он съедал электроэнергию на такую сумму, что за эти деньги иная студия могла бы снять полнометражную цветную ленту. Когда «Племянника» включали, все лампочки начинали светить вполнакала. Осветителям, состоящим при этом агрегате, выдавали спецмолоко: они были приравнены к рабочим горячих цехов.

Процессия ассистентов пронесла жестяные щиты-отражатели, похожие на гигантские подносы. Казалось, их только что взяли напрокат в закусочной великанов.

Посреди вестибюля стоял комплект мегафонов. Мелкие усилительные раструбы напоминали урны, — такими обычно коммунальщики украшают улицы. Самый же большой рупор был грандиозен, как шахтерский террикон. О нем ходили легендарные слухи. Рассказывали, что он побывал в работе только один раз — на съемках документально-исторического фильма «Стены Иерихонские». Реплики в сценарии были настолько неудобопроизносимы, что их никто не мог выговорить целиком и полностью. Тогда режиссер сам решил поддержать престиж автора. Четверо помрежей поднесли гигантский мегафон к губам постановщика. И едва он произнес одну только фразу, как в тот же момент обрушились все декорации.

Решающим этапом сборов руководил товарищ Леденцов. Его затуманенные, точно у рыбокопченостей, глаза появлялись всюду. Участливый голос раздавался то среди светоаппаратуры, то в костюмерной, то в районе фонотеки. Леденцов исчезал и возникал так быстро, что человек, впервые попавший на студию, невольно начинал верить в раздвоение личности.

— Со съемочной погодкой вас, товарищ э... э... Каковы творческие планы? — участливо спросил Леденцов, хватая за рукав молодого ассистента с клатью в руках.

— Мечтаю о работе, — грустно молвил ассистент.

— Правильно делаете, — закивал Леденцов. — А как жена?

— Спасибо, я холост.

— Это хорошо. А возраст, простите, ваш?

— Двадцать семь лет.

— И кто бы мог подумать! А вы давненько на студии?

— Ровно пять лет.

— Хорошего ракурса! — вскрикнул Леденцов и тут же исчез.

— Чуткая натура у этого товарища, — произнес остановившийся звукооператор. — Очень внимателен! Меня лично он раз десять спрашивал... И всегда одни и те же воп...

Звуковик так и не успел кончить фразу, потому что Леденцов вдруг оказался рядом и потянул его за рукав.

— Приятного освещения, товарищ э... э... Каковы творческие планы?

— Спасибо, я холост, — невинно отвечал звукооператор, подмигивая ошеломленному ассистенту.

— Правильно делаете. А как жена?

— Мечтаю об отдыхе, — едва удерживаясь от смеха, бойко отпарировал звукооператор.

— Это хорошо! — Леденцов посмотрел куда-то вдаль затуманенными буркалами. — А возраст, простите, ваш?

— Ровно пять лет.

— И кто бы мог подумать! А вы давненько на студии?

— Двадцать семь лет.

И вдруг глаза Леденцова приобрели испуганное выражение: вокруг стояли работники студии и дерзко смеялись. Леденцов дернулся в сторону и трусливо побежал. Смех подчиненных подталкивал его.

В последнее время Леденцов все чаще испытывал неприличное смущение. Его благие намерения, заключенные в анкетную форму, почему-то не находили отклика среди личного состава студии. Для установления контакта с подчиненными он опросил каждого сотрудника не менее четырех раз и только за последний квартал задал 183 647 вопросов. Но, как ни странно, взаимопонимания не было. На леденцовскую чуткость все чаще реагировали самым неподобающим образом.

Для того чтобы восстановить душевное равновесие, ему захотелось побыть одному. Но в коридорах сновали люди, в кабинетах шли споры и оперативные совещания. Наконец Леденцову удалось наткнуться на пустую комнату в сценарном отделе.

Состояние относительного покоя продолжалось недолго. Зазвонил телефон, и усталый голос междугородной станции сообщил, что на проводе Красногорск.

Затем кто-то очень далекий назвался Можаявым и обрадовался, узнав, что говорит с самим Леденцовым. Можаяв сообщил о несоответствии сценария действительности, о протесте матери-героини Калинкиной, о том, что товарищ Шишигин в курсе. Затем он доложил, что они с Благушей решили обязательно заехать к драматургу Бомаршову, чтобы он внес исправления, и попросил руководящих указаний относительно съемок фильма.

Леденцов не вникал в дополнительные мелочи. Важно было иное: к нему давно уже не обращались, как положено, с почтением! А тут... И былой апломб постепенно начал возвращаться обратно.

— Трудности? Их надо преодолеть! Препятствия? С ними надо бороться! Студия вас поддержит! — отчеканил Леденцов.

Сам товарищ Фениксов вас поддержит! Да что там Фениксов! Я, я лично вам помогу! Съемочной погодки вам! Да, можете больше не звонить! Хорошего ракурса!

...Эхо в вестибюле отдыхало после бурно проведенного дня. Лишь изредка откликалось оно на шаги запоздалого ассистента, который торопился на крыльцо. Там, под сенью колонн, раздавались последние звуки экспедиционной увертюры.

Перед крыльцом-перроном стоял караван автомобилей. Трепетал от нетерпения флажок на радиаторе протарзановского лимузина. Из машины выглядывала прямоугольная мохнатая морда Читы. Участники экспедиции неторопливо заняли свои места. Печальные ассистенты чинно восседали на «пикапах» цвета дорожной пыли. В трехосном грузовике, нервно обнимая хрупкую аппаратуру, разместились осветители. К машине была прицеплена специальная платформа. На ней, обложенный войлочными матрацами и запеленутый брезентом, высился «Племянник солнца». Колонну замыкали автофургоны звукооператоров.

Протарзанов проводил последний смотр. Сопровождаемый Гиндукушкиным, Виктор Викторович дважды обошел караван, пока не убедился, что все готово к дальнему рейсу. Мэтр величественно взошел на крыльцо:

— Ну как? Есть еще пленка в кассетах? Не затуманены объективы? Не померкнули в дороге софиты? — зычно спросил Протарзанов и подмигнул подчиненным. Но участники экспедиции почему-то без энтузиазма смотрели на руководителя.

— Есть еще пленка! — бодро закричал Гиндукушкин. — Не затуманены объективы! Еще ярче будут гореть софиты!

— Ну, тогда трогай, — скомандовал Виктор Викторович. — Вперед! Навстречу суровой правде жизни!

В это время к Протарзанову подбежал Шишигин:

— Виктор Викторович, директор распорядился, чтобы Можаяв и Благуша присоединились к вам. Я им должен сообщить, где раскинется наш лагерь.

— Подле Красногорского кожкомбината есть Синтетическо-аналитическая лаборатория Хватадзе. Пусть там спросят меня. Ну, до свидания, мой друг! — и Виктор Викторович распахнул дверцу своей машины.

Власий Гиндукушкин долго тискал руку мэтра, потом демонстративно отер набежавшую слезу. Лимузин укатил.

— А я еду завтра, — почтительно поворачиваясь к Шишигину, сказал Гиндукушкин. — Получил важное задание. Надо проверить одно дельце в самом Красногорске.

— В Красногорске? — обрадовался Костя. — Отлично! Я тебе дам записку для Можаява и Благуши. Сейчас толь-

ко напишу название гостиницы. У тебя есть ручка? Они оставились в «Тянь-Шане».

— К чему эти светские условности? — поморщился Гиндукушкин. — Во-первых, в Красногорске один-единственный приличный отель. Во-вторых, Мартына и Юрия я знаю еще с пеленок. Впрочем, может быть, вы мне не доверяете? Тогда посылайте по почте! Но Гиндукушкин еще пользуется доверием! Даже сам Виктор Викторович поручил мне дело деликатного свойства. Между нами, в красногорском зоопарке я должен раздобыть для съемок десятков орлов-беркутов.

И Власий, спрятав конверт в карман, снисходительно оглядел расходящуюся толпу провожающих.

— Местное время восемнадцать часов, — объявило радио. — Начинаем концерт для детей ясельного возраста. Слушайте, детки, песенки из кинокартинок!

— Мы парни brave, brave, brave... — забасил хор.

— Правильно подмечено, — ухмыльнулся Гиндукушкин. — Уж кто-кто, а мы, протарзановцы, brave народ. Ну кто бы еще на нашей студии мог так подготовить экспедицию, а? Учтите сложность сюжета — короткометражная новелла об овце «Золотое руно»?

— Пора в путь-дорогу, — советовал хор, — в дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю...

— Верно, — сказал Власий, — пора. И я отплываю! До скорых встреч.

И Гиндукушкин сбежал с крыльца-перрона.

Шишигин вспомнил, как уезжали Мартын и Юрий, — просто ушли из студии, захватив по аппарату. И ведь они ехали на съемку большой и важной темы. А здесь новелла об овце — и уйма техники, десятки машин...

...На этот раз Костя шел по студии без очередного сценария в руках, но попрежнему не замечая ничего вокруг: он был погружен в размышления об очередном номере многотиражной газеты...

ЛИТБОЯРИН

На тридцатом километре, где с автобуса сошли Пелагея Терентьевна и операторы, дорога раздваивалась. Тут стоял полосатый столб, похожий на пограничный знак:

ДО БОМАРШОВКИ 3 км НЕ СИГНАЛИТЬ: ИДЕТ ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС!

— Начинается личный бомаршовский шлях, — отметил Юрий, закуривая трубку. — Троллейбусное сообщение еще не налажено?

— А вы к нему? — спросил старичок в ватнике. — Тогда пойдемте, нам по пути. Я у них, у Бомаршова то-есть, садовником работаю...

Пелагея Терентьевна с интересом смотрела на аккуратные полянки вдоль шоссе, на стога сена, заботливо прикрытые брезентовыми попонками на случай ненастья. Молодые елочки были подстрижены под кипарисы и стояли вдоль дороги, как свернутые знамена в зеленых чехлах. На поворотах белые палочки: чтоб не заехать в канаву.

Юрий был мрачен. Его не умиляли ни попонки, ни елочки, ни палочки.

— А моя дочь за сына этого собственника замуж выходит, — задумчиво произнесла Пелагея Терентьевна. — Весь в папу, видно.

— За что ж вы так моего хозяина честите? — общительно улыбаясь, вклинился в разговор старичок. — Он человек хороший. Труд, то-есть, любит. Сам иной раз цветок посадит. Босиком ходит. Все жалеет, что сохи нет. Хочу, говорит, по примеру великих, то-есть, писателей за сохой походить.

— Но великие писатели, — заметил Юрий, — еще изредка и писали. А что написал ваш хозяин?

— Ну, это ты брось, Юра, — забасил Мартын. — Его фамилия знакома и по газетам и по журналам. То под некрологами встречается, то под приветствиями по случаю...

— А может, он расстроит свадьбу эту? — задумчиво проговорила Пелагея Терентьевна. — Ведь умный, наверное, человек. Поймет, что к чему.

— Что касается популярности бомаршовской, — усмехнулся Можаяев, — то про него метко сказано: «автор нашумевшей сберкнижки». О деньгах его я слышал много, а книги, кроме «Старого звона», что-то не припомню.

— Понапрасну вы это все, — сказал садовник, — Дормидонт Сигизмундович такой хозяин, что лучше и не надо... Вычеты из зарплаты не делает, отгулы за сверхурочные дает. Хорошо у него работать... А я в хорошем толк знаю: сам в свое время неплохо жил, собственную цветочную торговлю имел... Бывшая жена хозяина, Марья Поликарповна, то-есть, которая в запрошлом году от него сбежала, меня очень уважала. Красивая была женщина. Пожила всего с хозяином годика три и к другому ушла... Говорят, не вынесла...

Пешеходов догнала легковая машина. Благуша вышел на середину дороги. Сигнальщик шофер боялся, поэтому он затормозил у ног Мартына и принялся ругаться шопотом.

— Подвези, Вася, — сказал старичок. И представил водителя: — это механик нашего гаража, в Бомаршовке, то-есть, Вася, подвези гостей!

— Ну, садитесь, — милостиво разрешил Вася, — только поскорее устраивайтесь, а то я спешу: у нас сейчас профсоюзное собрание идет, выборы месткома. Дормидонт Сигизмундович уже выговор получил от обкома профсоюза: у него в организации два года собрания не было.

Пелагея Терентьевна и операторы недоумевающе переглянулись.

— Я что-то ничего не соображу, — сознался Юрий. — Вы ведь не на государственной службе, у вас же не учреждение... При чем тут местком?

— Э, мил-человек, законов не знаешь! — усмехнулся старичок.

— Очень просто, — сказал Вася, небрежно, одним пальцем, ведя машину, — даже домработницу и ту профсоюз к себе принимает, хоть она у частного лица служит... А нас у хозяина двадцать человек. А как по закону положено? Если на любом предприятии имеется более шести, кажется, членов профсоюза, то они объединяются в низовую профгруппу... А там уже и местком и все такое прочее.

— Больших денег стоит такой персонал, — сказал Юрий. — Фонд зарплаты, наверное, не один десяток тысяч составляет.

Деревья расступились, и машина подкатила к светлосинему высокому забору. Из-за него виднелись двухэтажные резные хоромы с петушками на гребне крыши.

— Отгородился от жизни, — вздохнул Юрий. — Чтобы поменьше заглядывали в душу те, кто не имеет дач и заборов.

— Это, во-первых, для творческой обстановки, — сказал Вася, — во-вторых, не от народа, а от знакомых, а в-третьих, слезайте, дорогие гости, приехали... Дальше ворот никого посторонних возить не имею права...

Пелагея Терентьевна и операторы вышли из машины. Садовник, попрежнему общительно улыбаясь, вылез тоже, помахал ручкой Васе, и автомобиль уехал к другим, невидимым с дороги, боковым воротам.

Главный въезд был увешан грозными надписями:

«ЗЛЫЕ СОБАКИ»,

«БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВХОДИТЬ»,

«ПРИЕМ ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ ОТ ДВУХ ДО ТРЕХ».

Мартын сильно постучал в дубовую, крепостного образца калитку. В разных концах Бомаршовки тренированными головами залаяли псы.

Показался сторож.

— Дед Аким, — пояснил садовник. — Так сказать, первая инстанция. Здорово, дидусь! Вот гостей привез.

— Гости — это хорошо, — откликнулся Аким. — А хозяин-то про них знает? Или они так прибыли, самотеком? Тогда не примут. Творят они нынче, с утра творят...

— Это родственники, — понизив голос, сообщил садовник. — Я так понял, что нашего молодого хозяина невесты родная мать.

— Ну, насчет родственников это еще не известно, — бросила Пелагея Терентьевна.

— Никого не приказано, — грустно сказал дед Аким. — Сегодня творческий день объявлен. Приезжал тут один родственник, не то двоюродный, не то молочный брат. Сегодня не пустили. У хозяина настроение на литературу. Я вам лучше управляющего вызову...

Почуяв чужих, собаки лаяли, не жалея глоток. Сторож повернулся спиной к гостям и, по всей видимости, не собиравшись двигаться с места.

— Как же дидусь управляющего-то вызовет? — заинтересовался Мартын. — Или сигнализация у них?

— У нас дело поставлено, мил-человек, — захихикал садовник. — Здесь свой телефонный коммутатор имеется.

— Мне что! — продолжал бормотать сторож. — Я бы всех пускал сразу... Да выговор будет по профсоюзной линии. Покушение, мол, на нарушение... Эх!

Калигка распахнулась, и за ворота вышел мужчина в синей униформе.

— Здравия желаю, Пал Палыч, — поклонился садовник. — Управляющий! — щепнул он операторам.

Павел Павлович внимательно оглядел прибывших и начал допрос:

— Вы насчет объявления в газете? Хотите продать скаковую лошадь? Или гобелен? Вы, наверно, из комиссионного... Тогда проходите... Или, может, вы представители обкома профсоюза?

— Нет, мы по личному делу, — сказал Юрий, дымя трубой.

— Ага, догадался: вы начинающие. Так и доложить Альберту Дормидонтовичу?

— Доложите Дормидонтовичу, — сказала Пелагея Терентьевна, — что приехала мать его знакомой, Пелагея Калининская. И что она уже четверть часа стоит на солнцепеке у ворот...

— Господи! — засуетился управляющий. — Не признал! Кто ж вас узнает — на вас не написано, что вы теща нашего молодого... Простите великодушно! Аким! Пропусти без формальностей. Отворяй ворота!

Управляющий побежал отгонять псов. Прибывшие прошли к застекленной веранде дачи. Навстречу им выскочил какой-то молодой человек.

— Я же приказал не открывать, — закричал было он, но, увидев Пелагею Терентьевну, воскликнул: — Какой сюрприз! Простите, я вас принял за других. Какая умопомрачающая радость! А Веры с вами нет? Здравствуйте, рад вас видеть на нашей вилле.

Это был Альберт. Операторы не сразу узнали его. Драматургов сын не был похож сам на себя. На нем не было обычного яркоклетчатого, как шахматная доска, ворсистого длинного костюма. Исчез техасский галстук. Приказали долго жить удалая тарзанья грива и крысиные усики.

Заметив удивление операторов, Альберт пояснил:

— Знаете, в последнее время шагу нельзя ступить: каждый красногорский мальчишка кричит: «Стиляга! Плесень!» Подумаешь, эрудиты — начитались газет... Вот видите, пришлось перестроить прическу, сшить новый костюм. Теперь даже «Красногорская правда» не придерется.

Альберт болтал безумолку. Он провел операторов и Калининскую в комнату, усадил их в легкие плетеные кресла и ска-

зал, что сейчас выяснит, когда папа сможет оторваться от работы.

Юрий усиленно задымил трубкой. В дверь гостиной несколько раз, беспокойно пригнувшись к дыму, заглядывал какой-то человек в брезентовом костюме, очевидно начальник пожарной охраны хором Дормидонта Сигизмундовича.

Комната, где расположились гости, была оклеена бело-желто-зелеными обоями. Эти же обои, напоминавшие яичницу глазунью, заправленную зеленым луком, украшали коридор и соседнюю комнату. Под ногами высокой травой стлался ковер. Все говорило об уюте и спокойствии. Только телефон на столе нервничал.

— Хэллоу, — поднял трубку Альберт. — Да, секретарь Бомаршова слушает. Мастерская? Очень рад. Надо срочно приехать и отремонтировать три пишущие машинки: на всех стерлась буква «я». Четвертая тоже может отказать, и тогда знаете, что будет с мировой литературой? Нет, я вас не пугаю. Просто предупреждаю. И захватите с собой монтера...

Видимо, на лицах операторов и Пелагеи Терентьевны было написано столько любопытства, что Альберт счел необходимым, положив трубку, объяснить им:

— Мы продолжаем телефонизацию дачи и окружающих помещений: гаража, оранжереи, кухни... Теперь дело за разработкой номеров: папин кабинет, конечно, номер один. Ванная — номер два. Мой кабинет — номер три. И так далее. Сегодня все будет закончено. А пока готовы лишь две линии — от ворот к бухгалтерии и от меня к папе. Это неудобно. Представляете, а вдруг папа решит творить в ванной? Раньше приходилось ему туда приносить машинку, карандаши. А теперь он может диктовать по телефону стенографистке. Это моя идея! Теперь все будет олл, как говорится, райт!

Пелагея Терентьевна и операторы сидели молча.

— Пройдемте на террасу, там недалеко папин кабинет, — сказал Альберт вставая. — Прошу вас, джентльмены!

Операторы не тронулись с мест.

— Вы это к кому обращаетесь? — спросил Юрий, нарочито оглядываясь.

— К вам, — сказал Альберт. — Прошу вас, товарищи!

Юрий и Мартын пошли на террасу.

Бомаршов-младший взял со стола колокольчик — старомодную бронзовую даму в широком звучащем кринолине, взболтнул даму несколько раз, и на звонок прибежала какая-то женщина в простом сатиновом платье.

— Пойдите к папе и послушайте, — сказал Альберт, — творит он или думает.

Женщина скептически хмыкнула и ушла.

— Можете поглядеть альбом мировых кинозвезд, — гордо сказал Бомаршов-младший. — Ни у кого в области такого альбома нет.

Альбом был тяжел, грузен и походил издали на мраморную плиту.

Калинкина и операторы от киноастрономии отказались.

Говорить было не о чем.

Вошла женщина в сатиновом платье и, поглядывая на Пелагею Терентьевну, сказала:

— Дормидонт Сигизмундович смотрят в потолок. Заняты ужась!

— Ну, тогда можно, — заключил Альберт и снял трубку. — Первый. Папа, чрезвычайное событие: приехала мама Веры и хочет с тобой поговорить. И еще два оператора из киностудии, они снимают твой фильм. Через пять минут? Хорошо. — И, обращаясь к гостям: — Вам повезло. Через пять минут папа вас примет. Пойдемте к его беседке, чтобы быть наготове.

За Юрием, беспокойно дымящим трубкой, следовал, как тень, человек в брезенте.

— Что вы волнуетесь? — сказал Можаяев. — Со мной пожара не будет.

— Он правильно волнуется, — пояснил Альберт: — он несет материальную ответственность, если мы сгорим. У нас как в лучших домах. Все олл, как говорится, райт!

Гости и личный секретарь спустились с террасы в сад и пошли по усыпанной битым кирпичом аллейке вглубь липовых зарослей.

Среди деревьев раздавалась трескотня пишущей машинки, и какие-то введенные в заблуждение кузнечики отвечали ей с полянки.

— Папа почти никуда не выезжает, — сказал Альберт, — он даже кино смотрит дома — у нас есть комнатная киноустановка. Нам привозят любые фильмы, по заказу. Иногда мы ездим на пляж — когда у папы нет творческого настроения. Но в основном он думает.

Машинка замолкла. Молодой Бомаршов сделал стойку — прислушался: машинка молчала.

— Папа, можно?

— Да, — ответили из беседки.

— Прошу вас, Пелагея Терентьевна, — сказал Альберт, распахивая застекленную дверь.

— А вы, — добавил личный секретарь, оборачиваясь к операторам, — вы можете погулять по аллее, пока папа беседует.

— И выпить водички, — добавил Мартын, подходя к фонтанчику.

Фонтанчик для питья был сделан в виде женской мраморной головки. Издали казалось, что пьющий целуется со статуей.

Альберт волновался все больше. Очевидно, его очень интересовал разговор в беседке. Наконец, махнув рукой на светские условности, Бомаршов-младший крикнул операторам:

— Простите, у меня спешные дела, я вас кликну, когда папа освободится... — и галопом помчался к папе.

На лужайке, среди зарослей жасмина, сидело человек пятнадцать. Операторы остановились у кустов. Собравшиеся не обращали на посторонних никакого внимания.

— «...а также не на высоте обслуживание товарища Бомаршова водными процедурами, — читал по бумажке свое выступление какой-то толстяк в костюме пижамной расцветки. — Второго июня, например, товарищ Бомаршов забыл сюжет только что придуманной новеллы из-за того, что вода, в которую он опустил при погружении в ванну, была слишком горяча...» Это недопустимо, товарищи!

Юрий прицелился объективом. Треск камеры заставил пижамного толстяка прервать речь. Он грозно двинулся к Можаяву.

— Почему? По какому праву? На каком основании? — за тарыхтел он.

— Мы операторы, — сказал Юрий. — Снимаем фильм по сценарию товарища Бомаршова. Ясно? Продолжайте собрание и не обращайтесь внимания на аппарат, а то придется переснимать.

Толстяк в мгновение ока очутился на прежней позиции и продолжал свою речь, изредка косясь в сторону операторов:

— По линии кулинарии у нас обстоит благополучно. Если в прошлом году в суточный рацион товарища Бомаршова входило четыре тысячи калорий, то в этом году мы добились уже шести тысяч. Значительно увеличился состав витаминов. Если в четвертом квартале прошлого года Дормидонт Сигизмундович потреблял витамина А...

— Интересно, кто эти люди? — пробормотал Юрий. — Март, ты согласился бы работать чистильщиком обуви у писателя-частника?

— Это уж чересчур, — обиженно улыбнулся Благуша. — Что ты все переходишь на личности? Вот садовник, бывший торговец, он здесь на месте.

— Эти деятели, — продолжая съемку, сказал Юрий, — наверное, или из уволенных с предприятий прогульщиков, или такие типы, которых боятся на работу в приличные учреждения брать... Члены профсоюза при писателе Бомаршове!

— Товарищ Можаяев! Товарищ Благуша! — послышался голос Альберта. — Папа ждет вас!

Альберт показался из-за поворота аллеи, подозрительно взглянув на расчехленный аппарат.

Операторы направились к беседке.

— Хуже по линии юридической, — доносился до них голос толстяка. — Юрисконсульт сумел выиграть за прошлый год лишь семьдесят пять процентов конфликтных исков к издательствам. Из них за непошедшую продукцию Дормидонта Сигизмундовича — тридцать семь, и четыре десятых процента. Как ведется массово-воспитательная работа? Организован кружок по изучению произведений товарища Бомаршова...

У «Водяного поцелуя» стояла Пелагея Терентьевна. Она была явно взволнована разговором с Бомаршовым.

— Мы и про кино поговорили, — произнесла Калининна, когда операторы поравнялись с ней. — Я ему все выложила. Если уж вы, мол, о нас писать захотели, надо было хотя бы несколько раз в гости зайти. Познакомиться поближе.

— Ну, а он что? — спросил Юрий. — Поклялся?

— Какое там! — махнула рукой Калининна. — Подбочился фертом и говорит: «Вы меня не агитируйте: я сам соц-реалист с 1917 года!» Вот и попробуй поговори с ним.

— Придется все-таки попробовать, — запальчиво произнес Юрий.

— Ступайте. Он вас ждет, — сказала Пелагея Терентьевна, опускаясь на скамейку. — А я здесь от него отдохну.

— Как свадебные переговоры? — шагая к беседке, спросил Можаяев Альберта. — Договорились о засылке сватов?

— У нее странноватые взгляды на жизнь, у этой милой Пелагеи Терентьевны, — осторожно начал Альберт. — Она несколько прямолинейна... У меня сложилось такое, может быть, впрочем, ошибочное мнение, что они с папой не пришли к соглашению...

Альберт подбежал к беседке и распахнул дверь.

— К тебе, па, операторы, — сказал Бомаршов-младший. — Те самые, что снимают фильм о Калининных... Пустать? Заходите.

Благуша и Можаяев вошли в беседку. На стенах висели большие снимки различных памятников писателям: Пушкину, Лермонтову, Островскому, два Гоголю и другие. Сам Дормидонт Сигизмундович стоял у распахнутого

окна в позе московского памятника Пушкину — наклонив задумчиво голову, одна рука сзади.

— Пожаловали зачем, по какому поводу? — спросил он и переменил позу. Теперь он стоял так, как бронзовый Горький на площади Белорусского вокзала в столице. Только трости не хватало.

Бомаршов оказался человечком маленького роста. И вся обстановка в его кабинете-беседке тоже была соответствующе мелких габаритов. Граждане нормального роста чувствовали себя тут ненормально.

Волосы у Бомаршова были длинными, подстрижены и зачесаны на пробор а-ля Николай Васильевич Гоголь. Бородку он заимствовал у Льва Николаевича Толстого. Окал Дормидонт Сигизмундович, как Горький, перемежая фразы легким покашливанием, как Чехов.

В беседке витал легкий коньячный запах.

— Чем могу?.. Кхе-кхе... — повторил вопрос литбоярин.

«Трудно быть облклассиком, — подумал Юрий, — какую работу над собой пришлось провести!»

Мартын доложил:

— Да вот, Дормидонт Сигизмундович, снимаем фильм по вашему сценарию, и получается дуже много серьезных затруднений.

— А у меня все написано! Подробно! — сказал Бомаршов, садясь в креслице и приглашая жестом гостей тоже садиться. Усевшись, он сразу принял позу, в которой запечатлен драматург Островский, вот уже много лет сидящий в своем гранитном кресле возле Малого театра в Москве.

Беседа прервалась звонком телефона.

— Да, я, — сказал Дормидонт Сигизмундович. — Выступить перед рабочими Кожкомбината? Не могу. Сколько? При чем здесь деньги? У меня просто нет времени... Что вы мне твердите — рабочие, рабочие... А я перед буржуями никогда не выступал... Да. И вообще, я болен!

Когда разговор с Кожкомбинатом окончился, Юрий, едва-едва сдерживаясь, чтоб не вскипеть окончательно, рассказал Бомаршову о тех фактических неточностях, которые мешают съемке, о мнении Пелагеи Калинкиной, об уже проведенной работе.

— Я замечаю, что вы слишком критически настроены, — сказал Бомаршов. — Вам бы фельетончики писать, даже манера разговора такая... Конечно, вам снимать серьезную киноэпопею трудно. Вам дай волю — весь фильм превратите в фельетон, а?

— Там будут элементы кинофельетона, — согласился Юрий, — это обогатит картину, расширит рамки...

— Делайте так, как написано в сценарии, — указал Бомаршов. — Кинопортрет ли это, кино ли очерк, — раз там стоит моя фамилия, то отвечаю за него я. И извольте снимать так, как я написал. Вы меня поняли? Впрочем, не вам судить меня, а истории. История сама выберет металл, из которого она отольет мои инициалы. Но мы уклоняемся от дела, а мое время дорого. Творчество — трудоемкий процесс.

И Бомаршов, наклонившись вперед, принял положение, в котором находился Гоголь на своем бывшем памятнике.

— Как в центре? — спросил вдруг Бомаршов. — Наверное, пытаются меня предать забвению? Что-то некрологи на подпись не присылают...

— Мы как-то далеченьки от литературных кулуаров, — с остатками почтительности сказал Мартын. Его почему-то магнетизировало присутствие человека с известным именем. — Мы больше по кино... А студия вам ничего не пишет о сценарии — замечания, указания? Мы пробовали мастерить все, как у вас, но целиком это невозможно.

— Вот именно! — веско сказал Бомаршов. — Мастерство надо иметь, мастерство, молодой человек! А студия? Что мне студия? Я сам себе студия. Мои мысли — моя собственность. Искажать их не позволю!

— Да, но они не всегда соответствуют правде... — жестко сказал Можаяев. — Вы ведь не видите ничего дальше своего забора. Откуда вам знать, как живут простые смертные? Вот хотя бы ваш сценарий... Где в нем правда жизни?

— Правда живет в моем сердце, и она там преломляется в зависимости от жанра... А дерзостей я не потерплю. В моем лице вы оскорбляете всю литературу, — и он принял горделивую позу памятника неизвестному гению. — Звуковой вариант тоже будет? А жаль. Погибнет живое слово — ведь самая сильная сторона моего дарования, как писала «Литэнциклопедия», — это стиль...

И, встав в гордую позу памятника самому себе, продолжил:

— Гениев сейчас нет. Титаны спят. Приходится нам делать литературу. Наша когорта — это алмазный фонд! Государственное достояние!

Писатель презрительно взглянул на Можаяева и, подойдя к окну, снова принял позу пушкинского памятника.

— А в сценарии все равно придется многое менять, — настаивал Юрий.

— Ни в коем случае, — сказал Дормидонт Сигизмундович, — слово, написанное Бомаршовым, не вырубить и отбойным молотком. Вы мне не нравитесь, молодой человек.

— Я польщен этим, — усмехнулся Юрий, бросив взгляд на Благушу. Кажется, он одержал двойную моральную победу: Март смотрел на писателя уже с явным осуждением.

— Как говорят у нас в Виннице, — дерзко сказал Благуша, вставая с табуретки-лилипута: — «прийшли непрохани, то й пидем некохани»...

Пелагеи Терентьевны и Альберта в парке не было видно. Операторы прошли по аллее до дачи. Возле парадного стояла машина, на которой операторы и Калинкина полчаса назад приехали в бомаршовскую усадьбу.

Шофер Вася сидел в сторонке на пеньке и клеивал марки в профбилеты — очевидно, его выбрали казначеем месткома...

— Вася! Отвези гостей в Кудеяров! — приказал Альберт. — Я тоже скоро приеду туда. Ну, а как вам понравился папа?

— Передайте ему, что у него уши, как у героя Апулея, — сказал Юрий, — а брови — типичный Гончаров.

— Спасибо, — поблагодарил Альберт, — папа будет очень доволен. Недавно один знакомый увидел его в саду босым и умилился: «Дормидонт Сигизмундович, вы как Лев Николаевич». У папы целый день потом было хорошее настроение.

Сторож Аким степенно отворил ворота и, перемигнувшись с шофером, спросил:

— Ну как, сподобились до личного свидания? Каков хозяин-то наш?

— Но-но, юноша! — пригрозил Альберт. — Еще одно слово — и уволю на все четыре стороны. Распустился народ!

— Да я и сам от вас уйду, — молвил сторож. — На любую работу поступлю — ей-богу, государству больше проку будет. А то мне домовладельцы и до революции надоели.

Машина выехала на дорогу.

ДВА РАЗА ВОКРУГ ЗЕМНОГО ШАРА

Кудеяров украшали, как елку под Новый год.

Все, что могло сверкать, блестеть и привлекать внимание, было использовано для оформления. Фантазиям местных декораторов и администраторов предоставлялись самые широкие возможности: и. о. предгорсовета Закусил-Удилов, получив указания из области вплотную заняться благоустройством и озеленением, приказал в двадцать четыре часа придать городу столичный вид.

— Эх, если бы я был председателем, — вздыхал Закусил-Удилов, — вот бы развернулся! А то все-таки и. о.

Надо сказать, что Закусил-Удилову в жизни не особенно везло: всегда и везде он был и. о., врио, заместитель, помощник. Злой рок!

Даже в инициалах своих Игорь Олегович видел перст судьбы: «Быть, мол, тебе и. о. до скончания века!»

— Эх, если бы мне полноценное звание, — говорил Закусил-Удилов, — тогда бы мне вся область по колено!..

Впрочем, полноценное звание Игорю Олеговичу, наконец, дали: его назначили начальником кудеяровского коммунхоза. Но и это не очень радовало Удилова: коммунхоз — как-то не звучит...

Но вот уехал в отпуск председатель горсовета, неожиданно и надолго заболел заместитель. Закусил-Удилов стал и. о. председателя. На какое-то, пусть даже короткое, время он почувствовал себя главой города. И Удилов решил показать, на что он способен. Он вызвал своих подчиненных и грозно приказал:

— Чтоб завтра без двадцати минут двенадцать город был благоустроен по первому разряду. И чтоб завтра же без четырнадцати минут пятнадцать у меня был проект озеленения разработан! Возражений не принимаю. Я слушал и постановил. Если хотите со мной разговаривать, то молчите!

Прежде всего решено было упорядочить уличное движение. Жители обязаны были ходить не где попало, как это велось исстари, согласно неписаным периферийным законам, а непременно между двумя рядами белых ромбиков. Над перекрестками, как детские фонарики, закачались светофоры-мигалки, появились цилиндрические будки регулировщиков. Но электричество к этим новинкам подведено не было, и они бездействовали. Милиционеры, которым было категорически запрещено курить на посту, залезали в будки и там отравляли себя никотином. Когда курильщик сидел за стеклами и плавал в облаках дыма, то издали он походил на заспиртованный эмбрион.

Гирлянды разноцветных кружков, квадратов и треугольников повисли над тихими улицами. Наряду с широко распространенными знаками уличного движения здесь были и специфически кудеяровские. Так, например, между знаком «движение в один ряд» и «поворот только на зеленый свет» висел кружок с изображением гуся. Гусь был зачеркнут жирной красной полосой. В переводе с транспортного языка это означало, что лапчатая птица не имеет права передвижения по данной магистрали.

Грозный приказ Закусил-Удилова предписывал во что бы то ни стало обеспечить каждую улицу определенным количеством указателей. И когда изготовленных за ночь знаков не хватило, и. о. предгорсовета повелел искать недостающее оформление улиц на складах городских организаций, вывешивать то, что будет найдено. И вот в результате всеобщей мобилизации всех ресурсов на улице имени Коммунохозударников, возле неполной средней школы, повис следующий шедевр:

**«ЗА ЗНАКОМСТВА,
ЗАВЯЗАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ТАНЦЕВ,
АДМИНИСТРАЦИЯ НЕ ОТВЕЧАЕТ».**

Глубокосухопутная площадь имени Минина украсилась грозной надписью:

**«ПЛАВАТЬ ДАЛЬШЕ ВСЕХ
СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ».**

А проезд имени Пожарского обогатился мощным щитом:

«НЕ СИФОНЬ! ЗАКРОЙ ПОДДУВАЛО!»

И везде пестрели маленькие таблички: «Воспрещается...», «Запрещается...», «Штрафуется...», «Преследуется...» и даже «Карается...» Каково было ходить по городу бедным кудеяровцам?!

Милиционер, грозно размахивая новеньким жезлом, нежно уговаривал какую-то старушку «не нарушать и выполнять».

— Милай, это за что же? Я семьдесят лет так хожу. Да если б я все года, по-твоему, с углу на уголок перебегала, это сколько бы верст лишних я набегала? Мне мои ноги экономить надо, милай.

— Мы, бабуся, — тоном чрезвычайного и полномочного посла сказал милиционер, — на страже ваших интересов стоим. Если через улицу бегать где попало, то в два счета под транспорт угодить можно. Движение потому!

— И где же он, транспорт-то, милай? Какое тут движение? В Москве или на нашей главной улице, где шоссе проходит, — там, понятно, движение. А в нашем Затрапезном переулке, кроме гусаков, ничего опасного. Глупый человек, милай, тебя сюда поставил. Тебе воров ловить надо, а ты со старухами беседуешь.

И она, размахивая авоськой, с достоинством зашагала по самой середине улицы.

Милиционер озадаченно вздохнул:

— Вот и квитанционные книжки выдали для штрафов, а рука на отрыв талончика не поднимается.

— Скажите, — спросил Юрий у постового, — как пройти к артели «Наш ремешок»?

Милиционер весело взял под козырек и, довольный, что он хоть чем-то может быть полезен населению, отрапортовал:

— Направо за угол, по улице 29 февраля, затем налево, по переулку 1 апреля, потом прямо, по улице 31 мая, а там на мосту имени Женского дня спросите...

Вдруг взгляд блюстителя порядка помрачнел и пополз куда-то в сторону. Мартын и Юрий оглянулись. Улицу пересекала шумная компания гусей. Они шли, как положено, гуськом и гусиным шагом, по невежеству своему не обращая внимания на антигусиные знаки.

— Вы меня простите, — сказал милиционер, — но я должен навести порядок. Согласно постановлению товарища Закусил-Удилова, с гусями надо повседневно бороться. Приказано штрафовать гусевладельцев за каждую безнадзорную птицу поштучно! Эх, до чего дошли — стыд один! Но служба...

И, спотыкаясь о выбоины старой булыжной мостовой, он побежал прямо на пернатых нарушителей, оглушительно свистя и размахивая жезлом. Гуси дрогнули и начали отступать.

Свернув на улицу 29 февраля и пройдя по переулку 1 апреля, операторы вышли на небольшую улочку, которая вся была забрызгана белой известковой баландой и заставлена ведрами. Старички-маляры, вчера еще мирно судачившие у входа в москательный универмаг, ныне отдавали все свои силы покраске родимого города. Очевидно, им платили с квадрат-

ного метра, так как они красили в один слой и быстро перебежали от одного забора к другому. За ними, перепрыгивая через потоки краски, двигался мужчина с холщовой сумкой через плечо. Он нес ведро с клеем и помазок. Как только маляры кончали забор, он вытаскивал из своего холщового колчана лист бумаги и молниеносным движением наклеивал его. На заборе появлялось предупреждение: «ОСТОРОЖНО: ОКРАШЕНО!» Поскольку процесс окраски был более трудоемким, чем процесс наклейки, то человек с помазком, увлекшись работой, квартала на два обогнал маляров. Только этим, очевидно, и можно было объяснить таинственное обстоятельство: свежие наклейки «ОСТОРОЖНО: ОКРАШЕНО!» виднелись даже на тех заборах, которые красились в последний раз лет двадцать назад.

— Лицо этого деятеля мне почему-то знакомо, — сказал Юрий, разглядывая наклейщика. — Март, посмотри внимательно: кто он?

Добродушнейшая улыбка всплыла на лице Благуши.

— Подражатель Шерлока Холмса, — сказал Мартын, — должен обладать блестящей зрительной памятью. Это же наш старый друг Сваргунихин, из облторга. Очевидно, ему пришлось переменить место службы...

— Это надо выяснить, — сказал Юрий. — Интересно, как вел себя Тимофей Прохорович в сваргунихинском деле... Гражданин Сваргунихин, можно вас на минуточку?

Но Сваргунихин даже ухом не повел. Он продолжал клеить своих предостерегающих плакатов.

— Вот лицедей! — возмутился Юрий. — Ведь мы же знаем, что он великолепно слышит! Идем!

Операторы направились к месту малярных работ.

Тем временем конвейер мастеров кисти и краски что-то застопорился. Старички, размахивая кистями и бородами, сбегались к повалившемуся забору.

— Все разом! Эй, ухнем! — раздавались крики.

— Гнилой он, — оправдывался один из маляров. — Только я его кистью тронул, как он — бултых! — и завалился.

— А ты не нажимай, не стену работаешь.

— Забор-недотрога, — заметил Юрий. — Как он стоял, никому неизвестно. Одна из тайн кудеяровского горкоммунхоза!

Операторы подошли ближе.

Сооружение оказалось действительно весьма хрупким. Красить его было невозможно: как только к нему прикасались, оно падало. Его поднимали, ставили. Но как только дело доходило до покраски, забор немедленно принимал горизонтальное положение.

— Такое добро, — сказал один из бородачей, — только выкрасить да выбросить.

— А зачем тогда красить? — спросил Юрий. — Надо сразу выбросить.

— У нас уже восьмой забор нонче такой, — пояснил кто-то.

— Закусилов распорядился, чтоб в двадцать четыре часа в полное благоустройство город привести. Приказал кистей и красок не жалеть.

— Первый раз в жизни такую работу произвожу, — срывая самокрутку, произнес самый моложавый из старичков-маляров. — Это же не покраска, а разврат.

— Не надо было подряжаться, — мрачно молвил другой. — А раз подрядился, то выполняй.

— Я обо всем куда следует напишу, — сказал третий. — Это ж подумать, сколько народных денежек втюкали в эту покраску!..

И старички, проявив смекалку, докрасили забор. При этом пятеро его держали, а шестеро работали кистями. Потом его бережно подперли каким-то прутиком.

— Ежели ветру сильного не будет, — сказал один, задумчиво глядя на дело рук своих, — тогда, может, до вечера и простоят.

В это время к ним подошел Сваргунихин с помазком и клейстером.

— Не срывайте темпов! — крикнул он малярам и вынул из сумки плакат.

— Не трожь ты этот забор, — сказали маляры. — Стоит — и пусть его стоит!

— Кого? — спросил Сваргунихин, умакнув помазок в ведро.

— Хитро придумано, — улыбнулся Мартын. — Если так вот, на скорую руку, покрасить город — это заметят только те, кто испачкается. Но если на каждом шагу написано: «Осторожно: окрашено», про ремонт узнают все.

— Я поговорю с Удиловым, — сказал Юрий воинственно. — Я заснял несколько кадров... Будет, что показать ему.

— Ну хорошо, запечатлел ты эту эпопею, — усмехнулся Мартын, — а тебе скажут: «Нетипично, товарищ Можаяев».

— Вообще-то факт единственный в своем роде, — сказал Юрий, — но для некоторых руководителей типа Закусилов-Удилова он вполне рядовой, обычный.

Операторы не успели сделать и двух шагов, как сзади раздался визг. Мартын и Юрий оглянулись: забора уже не было. Только из-под груды досок торчали ведро и помазок...

...В комнате, где обитал председатель правления артели «Наш ремешок» Дмитрий Иоаннович Самозванцев, мебе-

ли почти не было. За длинным столом сидело двое: на одном конце председатель, на другом плановик Ивонна Ивановна.

Операторы стояли среди комнаты и переминались с ноги на ногу: сидеть было не на чем. Самозванцев уступил им свою табуретку, а сам сел на краешек стола.

Взгляд Дмитрия Иоанновича выражал ту разновидность скорби, которую называют мировой. Три черных волоса были туго, как струны, натянуты на лысый череп.

«А ведь человек когда-то был брюнетом!» — сочувственно подумал Мартын.

— С чем пожаловали? — веселым голосом спросил хозяин и печально оглядел друзей. — Второй раз в жизни вижу живых операторов!

— Мы знакомимся с городом, — ответил Юрий, — предполагаем кое-что здесь снять.

— Простите, — извинился Самозванцев. — Но прежде надо выполнить одну формальность. Вот коротенькие анкеты, всего семь вопросов... Товарищ Поплавков, вышестоящая личность, строго-настрого приказал заполнять всем, кто приходит. Надо быть бдительными, чтобы в нашу коожсистему не мог проникнуть... ну, сами понимаете, кто...

— А я уже сподобился, — сказал Юрий. — Заполнил в личном присутствии самого Иннокентия Петровича.

— Ну, — развел руками Самозванцев, — тогда вы люди проверенные.

Он смахнул анкеты в ящик стола и, весело смотря в потолок, сказал:

— Фильм снимать будете... Можете и «Наш ремешок» снять. Ремешок — он тоже имеет свое значение в народном хозяйстве. Мы выпускаем два типа ремешков... Бумаги вам нужно? Будете записывать? Вонна Ванна, выдайте товарищам по листику... Представьте себе, вдруг пропали все ремешки. Люди не могли бы носить часы и брюки. Что бы получилось? Нет часов — люди начинают путать время. Следовательно, возникают опоздания на работу. Это ведет к снижению производительности труда. А куда ведет снижение производительности труда, вы сами знаете...

Пальцы Самозванцева нервно пробежались по струнам бывшей шевелюры.

— Чтобы вы наглядно представили себе количество нашей продукции, я вам приведу несколько популярных примеров. Если все ремни, которые выпустила наша артель, соединить в один, то им можно будет два раза опоясать земной шар по талии. Если нашу годовую продукцию вытянуть в одну линию, то она протянется от Кудеярова до Сочи.

— А конкретно? — спросил Юрий.

— В смысле плана? Выполняем на сто десять — сто двадцать. Когда как. Последний квартал: по валу — сто десять, по товару — сто пять, по номенклатуре — сто, по себестоимости — сто и две десятых... Вонна Ванна, верно я говорю?

— Правильно, — сказала Ивонна Ивановна, не поднимая головы от бумаг.

— Так вот мы и работаем. Ремешки — товар ходовой. Особенно часовые. Потребление их растет, а что это значит? Это значит, что население учится ценить время. А мы для блага покупателя своего времени не жалеем. Работаешь, недосыпаешь, недоедаешь, жены не вижу, дети одичали: за чужого принимают...

— Можно подумать, — нетерпеливо проговорил Юрий, — что вы один за всех выполняете план. А рабочие? Ведь, наверное, передовики у вас есть?

Мартын насторожился. Юрий подумал: «Если сейчас Самозванцев назовет Белорыбицына, тогда я иду по верному следу».

— Как же может жить хорошее предприятие без передовиков? Иван Петров — сто пятьдесят процентов, как часы. Петр Сидоров — сто семьдесят, а старик Сидор Иванов всех за пояс заткнул — двести процентов! Вонна Ванна, правильно я говорю?

— Правильно, — сказала Ивонна Ивановна без отрыва от работы, — но вы забыли Федю Белорыбицына.

— Ах, да, — спохватился Самозванцев, — Федя Белорыбицын один из лучших, специалист. Сто восемьдесят процентов для него пустяки. Характер вот тяжеловат, но это мы относим к издержкам производства. Он недавно на юг поехал, в санаторий, вот я его и не назвал.

Операторы переглянулись.

— Ну, что еще? — продолжал Дмитрий Иоаннович. — Зарабатывает народ у нас прилично. Конечно, не то, что в кино, но хватает. Я, к примеру, свою тысячу рублей всегда имею. Ходят легенды, что в артелях, мол, деньги легкие, много заработать можно. Чепуха все это! Во-первых, ремешок стоит копейки, он не трактор. Во-вторых, мы организация маленькая, своих магазинов не имеем. А в-третьих, у нас каждый день по два ревизора. И хоть бы раз замечание. У нас артель передовая, можете смело пускать ее на экран... Вонна Ванна, правильно я говорю?

— Правильно, — сказала Ивонна Ивановна, — только вы мешаете мне работать. Я из-за вас количество пряжек два раза пересчитывала.

— Простите, — сказал Юрий, вскакивая на ноги. — Мы действительно заговорились. Мы уходим, но у меня к вам есть микроскопическая просьба: можно от вас позвонить? Я мечтаю добиться аудиенции у самого Закусил-Удилова.

— Прошу, — Самозванцев пододвинул аппарат. — Вызывайте без номера, прямо кабинет Игоря Олеговича. У нас тут телефонистки всех абонентов по имени-отчеству знают...

Юрий взял трубку и высказал свое пожелание говорить с и. о. предгорсовета.

— Соединяю, — сообщила трубка.

Потом наступила томительная пауза. Где-то вдали слышался разговор двух снабженцев, которые обвиняли друг друга в каких-то малоэтичных поступках.

— Горсовет слушает, — сообщила, наконец, трубка. — Кого? Закусил-Удилова? Он занят срочными проблемами озеленения. А завтра с утра он уезжает на дачу.

Юрий положил трубку.

— В субботу его обычно не застать, — подтвердил Самозванцев. — Он на даче. Почему же сегодня Закусилов горит на работе?

— А нас ведь приглашали на воскресенье, — сказал Мартын. — Помнишь, Юра?

— Там видно будет, — нахмурился Можаяев. — Я с ним все равно встречусь.

— До свидания, — радостно сказал Дмитрий Иоаннович.

Самозванцевские пальцы нервно пробежали по струнам бывшей шевелюры, словно пытались извлечь заключительный аккорд.

— Будьте здоровы, — произнес Мартын. — Мы еще увидимся.

Самозванцев проводил операторов до порога.

На улице, пройдя метров сто, Мартын сказал Можаяеву:

— Кто говорил: «сейчас мы все выясним»?

Можаяев раскурил трубку.

— Артель та, это ясно. Но что дальше делать — не знаю. Может, в райком сходить, посоветоваться? А с другой стороны, у меня никаких вещественных доказательств нет. Подумаешь, разговор на маскараде. Мало ли что пьяный человек может наболтать? Тем более, Самозванцев, по-моему, вполне приличный товарищ.

— Стоило огород городить, — усмехнулся Мартын, — чтобы прийти к выводу: есть еще одна симпатична людина на земном шаре. Хорошо еще, что мы не потеряли ни одного съемочного часа из-за твоего «непроходимизма». Если бы Самозванцев знал, что ты о нем думал заочно и каким тихоньким ты от него вышел, он подарил бы тебе ремешок на брюки.

— Правильно, — согласился Юрий и, неожиданно остановив какого-то прохожего, спросил:

— Где здесь городское управление милиции?

Прохожий подозрительно посмотрел на него и прошептал почему-то адрес милиции Юрию на ухо.

Милицию операторы нашли быстро.

— Я тебя лучше здесь подожду, — сказал Мартын другу. — А если не появишься в ближайшие двадцать минут, я приму кое-какие хозяйственные меры.

И Благуша уселся на крыльце.

Выслушав суть дела, дежурный провел Юрия к начальнику милиции.

В Кудеярове заведовал борьбой с хищением соцсобственности молодой капитан. Юрий протянул ему свое удостоверение личности. Капитан предложил садиться.

— Дежурный доложил, что вы по делу... — отдавая удостоверение, сказал капитан.

— Правильно доложил, — ответил Юрий. И тут же, стараясь не утерять ни одной детали, рассказал капитану о разговоре Поросенка и Чайника, встречах с Поплавком и Самозванцевым.

— Есть, значит, артель? — усмехнулся капитан.

— Есть, — пылко подтвердил Юрий.

— С курса, как говорится, вы не сбились, — вслух рассуждал капитан.

— А вы, товарищ, случаем, на флоте не служили? — спросил Юрий.

Оказалось, что Юрий и начальник воевали под командованием одного адмирала. Это их сразу сблизило.

— А помнишь... — хлопая по плечу оператора, кричал капитан.

— А помнишь... — тыкая пальцем в бок начальника, восклицал Можаяев.

Привлеченный шумом, в комнату заглянул дежурный милиционер.

— Что ж, браток, — сказал капитан, когда разговор, как бумеранг, вернулся к исходной точке, — подозрение еще не доказательство. Но с Самозванцевым надо ухо держать востро. От работников «Ремешка» мы уже имеем кое-какой материалчик.

— От Белорыбицына? — догадался Юрий.

— Может быть, — уклончиво ответил капитан и достал из ящика фотографию дачи, богато оснащенной различными балкончиками, башенками и флюгерками.

— Вот видишь, браток? Вилла. А проживает в ней некая гражданка Бакшиш, полюбовница гражданина Самозванцева.

Он-то и выстроил эту дачку, а оформил на Бакшиш. А мог он выстроить такую резиденцию на свою тысячу рублей в месяц? Сомнительно.

— Но ведь это давно должно бы вызвать у вас подозрение?

— Верно. Вызвало. Давно. Но сразу же не подберешь ключи. Факты нужны, браток, факты! Но постепенно картина проясняется. Вот, к примеру, в Красногорске случай был. Пассажиры один в трамвае чемодан посеял. Доставили забытую вещь, как положено, в бюро находок. Прошло дней десять — никто за чемоданом не приходит. Вскрыли, видят: в чемодане новенькие кожи, прямо с завода. А ты, браток, учти: кожи эти в открытую продажу не поступают. Из них разный там ширпотреб делают прямо на комбинате...

— Воровство! — воскликнул Юрий.

— Да это и ребенок догадается. Но другой вопрос: кто ворует?

— Нет ничего проще, — усмехнулся Юрий. — Надо найти владельца чемодана!

— Это тоже не так просто, когда в Красногорске прописано триста тысяч человек. Но его нашли.

— Ну и все! — возбужденно потирая руки, сказал Юрий. — Допросили его, и он во всем сознался?

— А если, предположим, он сознался только в том, что купил эти кожи на базаре у неизвестного человека? Что бы ты делал дальше?

— Да-а, — растерянно протянул Юрий. — Сложновато.

— И вот такие «сложноватости», браток, на каждом шагу. А ведь нужно еще уточнить многое: кто ворует кожи с комбината, что из них шьют, куда сбывают изделия? Дело проясняется постепенно... Вот пришел к нам ты, другой, третий... Да и сотрудники наши не спят...

Разговор прервал дежурный милиционер, который смущенно доложил:

— Там, на крыльце, этот гражданин (он кивнул на Можая) оставил приятеля, так тот волнуется. Спрашивает, когда завтра передачу принимают...

Юрий улыбнулся и встал.

— Я злоупотребил терпением своего друга. Мне пора идти. Рад, что мы встретились. Мне теперь легче станет на душе.

Бывшие моряки простились.

— Так держи связь, браток, — напутствовал Юрия капитан.

— Есть держать связь!

Мартын бродил вдоль фасада дома милиции и заглядывал в окна.

— Так вот, Март, — сказал Юрий, — пожалуй, не придется нам заниматься только своим делом, а Самозванцеву — своим.

И Мартын, забыв о том, что «все молочное — его самое любимое блюдо», прошел мимо кафе «Ацидофилин», — так заинтересовал его рассказ Юрия о встрече с начальником милиции.

Операторы шагали, не обращая внимания на болтающиеся над их головами круги и треугольники с перечеркнутыми гусями и коровьими головами; на задиристых коз, хождение которых по магистралям города забыли запретить. Оставлены были без внимания и веселенькие лаконичные плакатики «ШТРАФ ОДИН РУБЛЬ» (причем нигде не было указано, за что именно взималась такая сумма).

На древних, вылинявших заборах ветерок шевелил свежие наклейки: «ОСТОРОЖНО: ОКРАШЕНО!»

САДЫ ВОСЬМИРАМИДЫ

— Отец города у себя? — проскользнув в приемную и. о. председателя Кудеяровского горсовета Закусил-Удилова, спросил Сваргунихин.

— Ой, вы меня напугали! — воскликнула секретарша. — Я даже не слышала, как вы вошли! Нет, нет! Туда лучше не ходите, — кивнула она в сторону кабинета, — у и. о. короткое замыкание. Уже голосом охрип, и на обоих кулаках синяки — стол-то дубовый все-таки.

— Кого? — переспросил Сваргунихин и, бесшумно приоткрыв дверь, юркнул к Закусил-Удилову.

— Беда с этим новым сотрудником, — сочувственно вздохнула секретарша. — Глух, бедняга! Ох, и даст ему сейчас жару наш и. о.!

Действительно, из кабинета донесся хриплый вопль:

— Кто посмел?!

И следом наступила гробовая тишина.

— Мистика! — поразилась секретарша. — Укрощение укротителя!

— Кто посмел?! — прохрипел Закусил-Удилов и уставился на храбреца телячьими очами. — А, это ты! — уже спокойно добавил он.

— Кому? — по привычке приставил ладонь к уху Сваргунихин, но спохватился и уточнил: — Это я.

— Во-время явился. Ну, выкладывай, что про меня говорят.

— Методами благоустройства недовольны. Иркутьев из жилотдела в Красногорск писать собирается.

— Пусть пишет, — самоуверенно произнес и. о. председателя. — Пока там читать будут, мы озеленение проведем. А тогда нам никто не страшен. Я превращу Кудеяров в рассадник зелени! В дремучий сыр-бор! Озеленю с головы до ног! А раз я сказал — значит, все!.. Так и будет. Ты чего улыбаешься?

Сваргунихин мечтательно закатил припухшие глазки:

— Легенда! Былина! Сады Семирамиды!

— Чьи? — с подозрением спросил Закусил-Удилов.

— Семирамиды. Была такая царица, которая специализировалась на озеленениях.

— Ты что, читал про нее?

— Слышал, — сказал глухой.

— Это плохо. Если б книжку достать про царицыны методы... А то я лично подобрал кое-что насчет зеленых насаждений, но вроде не соответствует...

Сваргунихин прищурился, разбирая названия на корешках книг: «Зеленая улица», «Белая береза», «Повесть о лесах», «Вишневый сад», «Книга о Лесе Украинке», «Русский лес».

— Не смею мешать мыслить, — сказал Сваргунихин. И исчез, как бесплотный дух.

Закусил-Удилов грузно шагал по кабинету. Жалобно хрустел паркет. Испуганно звякали крышечки чернильниц.

Тезисы, положения и резолюции роились в голове исполняющего обязанности. Вдруг одно из деловых соображений стало перерастать в конструктивное предложение, а затем обернулось проектом решения.

Жирный закусил-удиловский лоб разгладился.

— И директиву области выполню и снова во славе буду!

Через пять минут личный состав горсовета и всех стройремконтор Кудярова был брошен на выполнение чрезвычайного задания.

...С той поры как состоялся общегородской девичий переполох по поводу приезда на гастроли знаменитого столичного тенора Красовского, кудяровские старожилы не помнили более беспокойных часов.

Всю ночь город бодрствовал. Едва привыкший спать по ночам кудяровец смыкал очи, как под окном раздавался какой-то устрашающий лязг. Кудяровец вскакивал, и тут ему в глаза ударял яркий прожекторный луч. Ослепленный и оглушенный представитель населения валился на подушки и торопливо глотал снотворное. Но забыться не удавалось. И без того короткометражный сон то и дело прерывался мощным грохотом и истошными воплями «майна», «вира».

Наиболее упрямые кудяровцы изыскивали все же способы выспаться: они затыкали уши ватой, обматывали головы шерстяным ширпотребом, забирались

под подушки и на несколько минут обрета-ли желанный покой. Но потом выяснялось, что кровать дрожит, как в ознобе, а пол и стены нервно вибри-руют.

Когда взошло солнце, то, пугая друг друга бледными после бессонной ночи лица-ми, появились на ули-цах первые прохожие. Глазам их предстало сказочное зрелище: за ночь обе доселе пыль-ные центральные маги-страли города обросли деревьями! Густолап-чатые липы бальзаков-ского возраста роняли на тротуары фиолето-вую тень. Возле горсо-

вета убедительно высилась мощная шеренга дубов.

На балконе горсовета стоял Закусил-Удилов и вдаль гля-дел.

Его телячьи очи горели преобразовательским огнем.

— А все-таки они выросли! — воскликнул он голосом несигибаемого реформатора. — Как мне было благоугодно! Войдет теперь Закусил-Удилов в самые анналы. Хватит быть «врио» да «и. о.»! Воспользуюсь моментом — всех потрясу. Пока председатель на курортах полощется, а зам в больнице лежит, пора достигнуть высшей славы! Будет теперь моя Виктория Айсидоровна довольна наконец...

Игоря Олеговича обуревали тщеславные мысли.

— История меня не забудет... И еще посмотрим, чьи сады будут в хрестоматиях фигурировать — Восьмирамиды или удиловские. Мои-то как приказал, так и выросли!

И, бросив руководящий взгляд на озелененную магистраль, Закусил-Удилов величавой поступью перешел с балкона в свой кабинет.

В приемной слышались голоса. Вахтер удерживал кого-то рвущегося в кабинет.

— Нет его, — умолял вахтер, — выходной нынче. Завтра приходите, завтра!

— Да здесь он, — доносился сердитый мужской голос, — сейчас только на балконе видели!

— Подавай его сюда, подавай без задержки! — сурово требовал женский.

— Кто это там превышает полномочия? — пробурчал недовольно Закусил-Удилов. — До чего житель обнаглел: в выходной день и то мешает жить.

Дверь чуть-чуть приоткрылась и бесплотной тенью в кабинет проскользнул Сваргунихин.

— А ты почему еще на работе? — спросил и. о. председателя. — Воскресенье же?

— Ночью, как приказали, авралил, — произнес Сваргунихин, — а сейчас мне душа не позволяет уйти, пока вы здесь, у кормила, так сказать... И потом публика там, внизу, скопилась... Несколько... активно настроенная... Так я думаю, может, вы меня на своей машине подбросите? Выйти можно со двора да там и отъехать...

— Не бойся, — покровительственно похлопал по плечу Сваргунихина Игорь Олегович. — Держись возле меня, с начальством не пропадешь! Я из тебя личность сделаю! Вот назначат меня председателем горсовета...

Дверь распахнулась с шумом и треском. На пороге выросли две фигуры — полная женщина в пестром сарафане и пожилой мужчина в синем комбинезоне.

— Грабеж среди темной ночи! — сказала женщина.

— Непорядок! — подтвердил мужчина. — Выкрали вишневое дерево из сада...

— Выхожу утром из дому, — перебила женщина, — и что ж я вижу? Не вижу я дубка в нашем дворе!

— По какому праву изъяли вишню? Мичуринский сорт, специально наливочный, собственноручно сажал...

— А я наш дубок знаю, на нем сердце вырезано и стрела. За эти сердечные дела у нас над Андрюшкой из семнадцатой квартиры суд чести был! И бегу я нынче в горсовет — встречаю этот дубок под вашим балкончиком!

— Мною указаний по поводу вишневых деревьев дано не было, — сказал Закусил-Удилов, хмурия свое жирное чело. — Могли в темноте обознаться. Приняли вашу вишню за липу. И вообще заявляю официально: во дворах деревьев не брали!

— Не брали! — передразнила женщина. — Что ж он, дубок-то, пешие хождения совершает?

— А вы не шумите в общественном месте, — грозно сказал Игорь Олегович, — здесь не положено голос повышать! В то время, когда вся страна отдает силы озеленению и благоустройству, вы разводите дискуссию по поводу отдельного

ствола! Сознательнее надо быть! Вы скажите прямо: вы против озеленения? А про остальные дела договаривайтесь с товарищем Сваргунихиным.

И Закусил-Удилов, бросив обнадеживающий взгляд на оторопевшего Сваргунихина, быстро вышел из кабинета.

Но в приемной Игорю Олеговичу преградили дорогу новые жалобщики и челобитчики.

— Не мешайте входу и выходу! — поморщился и. о. председателя горсовета. — Со всеми претензиями обращайтесь к моему помощнику.

Посетители устремились в кабинет.

Закусил-Удилов уже садился в машину, когда до него дошел разговор между Сваргунихиным и пострадавшими:

— Дубок наш с сердцем...

— Кого?

— Да не «кого», а куда! Куда дели мое вишневое дерево?

— Кому?

— Незаменимый человек! — молвил Закусил-Удилов, хлопывая дверцу машины. — Такого только на жалобах и держать! И как только его Калинин выпустил? Да, бывают ошибки и у работников областного масштаба.

Около минуты машина катилась вдоль озелененной улицы, но за перекрестком, над которым уже вторые сутки висел светофор, деревья кончались. Замелькали щербатые, покосившиеся заборы с надписями: «Осторожно: окрашено!» Гуси, которые еще не усвоили всех пунктов инструкции об уличном движении, беспечно фланировали по мостовой. И шоферу все время приходилось то резко притормаживать, то круто сворачивать в сторону, то беспрестанно сигналить.

Закусил-Удилов рассвирепел.

— Гони невзиряя! — приказал он.

Но развить скорость автомобиль так и не успел. Возле городского парка дорогу преградила толпа.

— Тут транспорт бессилен, — сказал водитель и затормозил.

— Сейчас я наведу порядок, — пробурчал Игорь Олегович, вылезая из машины. — В двадцать четыре секунды!

— Вот и он, — сказали в толпе. — Пусть объяснит эти древесные махинации. Народ отдыхать хочет, а с парком что сделали?!

С дороги горпарк был виден как на ладони. На светлых песчаных дорожках, по которым в воскресные дни гуляли молодые кудеяровцы с молодыми кудеяровками, чернели груды земли. На месте липовой аллеи, любимого убежища влюбленных, зияли ямы. По газонам и клумбам пролегли гофрированные тракторные колеи.

— Недовольство высказываете? — нахмурил свое жирное чело Закусил-Удилов. — Вы, что ж, против озеленения города? Против директив области? Вопрос был детально обсужден. Слушали, так сказать, постановили. Коллегиально! — и помидорные щеки гневно заколыхались.

— Если вы коллегиально решили уничтожить городские парки, — крикнул кто-то, — то такие коллегии...

— Но, но! — разворачиваясь на сто восемьдесят градусов, грозно молвил Закусил-Удилов. — Полегче с оргвыводами. Вы, что ж, против коллегиального руководства? Против власти на местах? Может, вы осуждаете не только зеленое строительство, но и строительство вообще? Я это учту... Ваша фамилия, гражданин?

Толпа тем временем росла. Люди приходили к воротам парка, чтобы, как обычно, провести в прохладе рощи несколько часов жаркого летнего воскресенья. Но, узрев разрушение аллеи и дорожки, присоединялись к негодующим.

На шоссе рядом с закусиловским автомобилем уже стояло несколько машин. Затормозил рейсовый автобус «Кудеяров—Красногорск». Из него выбрались на дорогу пассажиры. Среди них была пожилая женщина в пенсне.

— А из-за чего тут народ толпится? — удивилась она.

Близстоящие кудеяровцы сразу ввели приезжих в курс дела.

— Озеленение методом раззеленения! — подвел итог кто-то.

— Ну, сейчас я с этим Закусилом поговорю, — и женщина двинулась к маячившей невдалеке фигуре и. о. предгорсовета.

— Эх, вы! — пробираясь через толпу, говорила она стоящим вокруг. — Да если бы я была кудеяровкой, разве я это

дело так оставила? Вы что ж, не видите? Закусил-то ваш мякинная голова! Гнать его надо взащей с должности! А вы небось думаете: область, мол, все сама сделает? Эх, вы! Области тоже помогать надо!

— Дискуссию будете открывать на профсоюзном собрании! — слышав голос пожилой женщины, рявкнул Закусил-Удилов. — А смутьянничать здесь я не позволю! Агитаторша нашлась! Ты знаешь, против кого агитируешь?

Женщина подошла к и. о., поправила пенсне и сказала:

— Где ты взял в долг совесть? Да как у тебя язык поворачивается меня, старуху, на «ты» называть? И как ты можешь в глаза народу смотреть, когда тебе перед ним надо на коленях стоять?

— Но-но! — сказал Закусил-Удилов, но уже без особой уверенности в голосе. (А кто ее знает, эту старуху, может, депутат или из ЦК?)

— Слушай, когда тебе правду говорят. Не хотела бы я быть твоей матерью — позора не оберешься из-за такого сына! Ведь ты что за два только дня натворил? Парк изуродовал, деревьев сколько погубил, денег, труда... А ведь придется насаждения твои через две недели выбрасывать на свалку — не приживутся. Кто же среди лета пересадки-то делает? И улицы все будут в ямах — вон, как эти дорожки... Говорят, коллектив, коллектив... А ежели во главе коллектива стоит вот такой, то и коллективу будет плохо. Сколько сил-то на борьбу с тобой уходит, сколько нервов!

— Вот-вот, — не выдержав, вмешался один из кудеяровцев, — если кассир этого же парка растратит семнадцать рублей сорок копеек, его под суд. А вы угрохали тысячи рублей на липы и дубки, да еще ремонт парка влетит в копейку... Я уже не говорю о благоустройстве: после вашего мелкого ремонта Кудеяров стал нуждаться в капитальном!.. И что вы думаете? Ну, снимут его. И все! Государство убытки из казны заплатит. Закусила никакой ответственности! Тут, граждане, какое-то недоразумение в уголовном положении.

— И Закусил об этом знает! — подхватила женщина. — Да что говорить-то! За такие дела тебя народ возьмет да и переизберет! А кем ты будешь тогда?

— Что?! — заорал Закусил-Удилов. — Да за такие слова... Да это бунт! Порицают действия исполнительных органов! Массовая агитация за свержение меня! Откуда взялась эта гражданка? Не наша это гражданка, товарищи! Дайте немедленно документы!

«А вдруг все-таки депутат? — угрюмо подумал Закусил-Удилов. — Вроде где-то я видел эту старушечью личность».

Помидорные щеки и. о. немного поблекли от волнения.

— А у вас, гражданочка, есть полномочия со мной, как с представителем исполнительной власти в городе Кудеярове, разговаривать в таком тоне?

— Есть полномочия, — кротко отвечала гражданка и, достав из кармана своего полотняного пиджачка коричневую книжечку, вручила ее Игорю Олеговичу.

Если бы Закусил-Удилову было предъявлено любое удостоверение, даже депутата Верховного Совета, он бы знал, как реагировать. Но взяв в руки коричневую книжицу, он растерялся. Долго перебирал губами, кровь то прилиwała к его толстым щекам, то отливала.

— Зайдите ко мне, пожалуйста, завтра в горсовет, — отдавая документ, пробормотал Закусил-Удилов. — Я выслушаю ваши замечания!

И. о. предгорсовета, исподлобья глядя на окружающих, зашагал к своей машине.

Пожилая женщина спрятала в кармашек коричневую книжицу.

Это был паспорт гражданина СССР, выданный Калининной Пелагее Терентьевне.

УТОПЛЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Личная купальня Закусил-Удилова была похожа на ярмарочный балаган: дырявые фанерные стенки, брезентовый купол. Казалось, что смыло его речной волной во время красногорского карнавала-маскарада, вынесло на стрежень да и увлекло к кудеяровскому берегу. Здесь маскарадный балаган поставили на сваи и окрестили купальней. А Виктория Айсидоровна приказала установить грозное предупреждение: «ВПЛЫВ ПОСТОРОННИМ СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ».

Но сегодня в закусировскую купальню пробрался один посторонний гражданин. На воде, под дощатым полом балагана, как поплавок, покачивалась его голова. Взор гражданина был устремлен в одну точку. Точка находилась на противоположном берегу.

«Эх, — думала голова, — какой момент люди упускают! Сидит начальник облторга на самом солнцепеке, и никто не догадается его лысину газетным кульком прикрыть! Мельчают люди. Не то что мы, огонь, воду и сокращения штатов прошедшие! Я, например, в солнечный день всегда с собой запасную ермолку ношу! Начальник для меня самое дорогое, когда он улавливает мою мысль».

Но Тимофей Прохорович Калинин не улавливал мыслей Умудренского. Он был поглощен соревнованиями по плаванию на первенство области.

Высокий крутой берег реки по количеству зрителей напоминал трибуну стадиона. Тимофей Прохорович сидел несколько в стороне. Рядом с ним Юрий Можаяев готовился к съемке Нади Калининной, которая должна была участвовать в четвертом заплыве. Благуша собирался снимать тот же заплыв с лодки. Покрикивая на гребца, он метался вдоль водной дорожки в поисках наиболее эффектной точки съемки.

Умудренского соревнования не интересовали. С тех пор как

заговорщики осрамились во время киносъемки и Сваргунихин вынужден был уйти с работы, Умудренского не оставляли тяжелые предчувствия. При каждом звонке он вздрагивал — ему чудилось, что его вызывает начальство, чтобы сказать ему какие-нибудь нехорошие слова. Любое движение брови Тимофея Прохоровича вызывало у него невроз желудка.

Желая во что бы то ни стало вернуть себе расположение руководства, начахо решил переговорить с Тимофеем Прохоровичем по душам. Но где это сделать? Нужна была случайная встреча в выходной день на нейтральной почве. Такой почвой для Умудренского оказалась вода.

— Я встречу его на речной дорожке и поговорю с ним наедине, как пловец с пловцом, — рассуждал начахо.

И вот он сидел под купальней Закусил-Удилова и ждал момента, когда Калинин поплывет к себе домой, на эту сторону.

«И нравится лысому чорту тот муравейник! — непочтительно думал Умудренский, не сводя глаз с любимого начальника. — То ли дело здесь, на пляже, — интеллигентные люди, воспитанное общество...»

В этот день общество, собравшееся на даче, состояло из Викиных родственников и номенклатурных знакомых.

Сидр Ерофеич Спотыкач, специалист в области томатных соков, член редколлегии журнала «Помидорник-огородник» и родной папа Виктории Айсидоровны, лежал под зонтом. В той же овальной тени нашел пристанище двоюродный брат Вики — Николай Николаевич. Родственники и девушки называли его ласково — Кока-Коля.

Глаза Сидра Ерофеича, скрытые под пенсне-светофильтрами, и глаза Коки-Коли, спрятанные под темными, как доньшки пивных бутылок, очками, были устремлены на стеклянное дуло коньячного сосуда, торчавшее из песка.

В двух метрах к северо-востоку от зонтика восседали две дамы: дама, не представляющая интереса ни с какой точки зрения, и дама, представляющая интерес.

— Так вот, в этой самой переводной книге «Вдвоем лучше, чем втроем», — сказала дама, не

представляющая интереса, — выведен один герой. Он красив, как полубог, и у него все зубы свои. Не то что мой Ваня...

Иван Иванович Иванóв-Ива́нов походил на оплывшую свечу. В данный момент он стоял по щиколотку в воде и растерянно шлепал толстыми губами:

— Мипфа, шмашматр прамшам...

— Миша, пошарьте правее, — перевела Вика.

— Сейчас достанем, один зуб я уже нащупал, — прошептал усатый Миша и, глотнув воздуха про запас, снова скрылся под водой.

— Первый раз вижу, чтобы теряли челюсти во время купанья, — сказал худой высокий мужчина в трусиках на застёжке «молния» и с фотоаппаратом через плечо. — Когда, Иван Иванович, следующий раз будете принимать водные процедуры, кладите зубы на полку.

Вода забурила, закрутилась воронкой. Из омута показалось Мишино покрасневшее лицо. Отдуваясь, он вышел на берег. Круглое лицо угодливо улыбалось, и редкие волоски усов, подсохнув, снова топорщились. Разноцветные, словно у ангорского кота, глаза хитро поблескивали. Он вообще так походил на кота, что когда открывал рот, все ждали, что сейчас раздастся мяуканье. Даже собаки лаяли на него как-то по-особенному, не так, как на обыкновенных людей.

— Я вас, Иван Иванович, обслужу, — вполголоса заявил Миша. — Эту не найдем — я вам новую челюсть достану, высший сорт. Это будет пахнуть полусотней. Завтра же обслужу!

Слово «обслужить» в его устах звучало, как «обвести вокруг пальца». Он говорил всегда очень тихо или шопотом, и от этого каждая фраза его приобретала особую ценность и звучала заговорщицки.

— Миша, я всегда восхищаюсь вашим белорусско-балтийским акцентом, — сказала Вика, сверкнув светофильтрами. — Но я вам уже не верю: вы обещали давно мне устроить афганскую подушку-думку. В моей коллекции не хватает именно такого экземпляра.

— Не делайте мне больно, — прошептал Миша, — у меня сердце не из пластмассы, оно отвечает за мои слова. А я сказал: будет у вас и афганская и эта... как ее?.. иранская. Это пахнет тремя сотнями. — Когда Миша говорил, ангорские глаза бегали так, словно он читал в воздухе невидимую книгу.

...Умудренский натерпелся страху во время челюстно-спасательных работ. Выяснилось, что никто из собравшихся, кроме Миши, плавать не умеет, и поэтому ему пришлось лезть в воду. Начальник АХО боялся быть замеченным и попасть в скандал. Поэтому когда Миша выныривал, Умудренский по-

спешно прятал голову в воду, и наоборот: когда Миша скрывался под водой, голова начахо всплывала, как мина.

Но вот Миша вылез на берег, и все пошли под зонт пить коньяк. Умудренский облегченно вздохнул и прислонился к осклизлому якорному канату.

За час сидения под купальней начальник АХО, кроме простуды, получил ряд сведений из жизни Виктории Айсидоровны и ее родственников.

Прежде всего ему стало ясно, что тощий фотограф и Миша никаких родственных отношений с семейством Спотыкач не имеют. Одного пригласили для съемок, другого — чтобы через него достать кожаное пальто для подарка Закусил-Удилову. Из разговоров Умудренский понял, что сам Игорь Олегович только что приехал на дачу и лег спать после ночного озеленительного аврала; что оспу женщины, следящие за своей внешностью, прививают не на руке, а на ноге, и что Закусил-Удилов в ближайшее время, несомненно, станет предгорсовета.

Под мостом купальни бурлила жизнь. В щели между досками прорывалось солнце, и его лучи, как бильiardные кии, ударяли в песчаное дно. Длинноногие жуки фланировали перед самым носом Умудренского. Какие-то рыбешки неизвестной породы то и дело тыкались мордами в колени начальника АХО. Любопытный рак долго ощупывал большой палец левой ноги, и Умудренскому с трудом удалось избавиться от его клешней. Какая-то лягушка-базедик вытаращила на начахо свои глазищи, словно спрашивая: «А это еще что за земноводное?».

Умудренскому стало жалко самого себя.

«Им хорошо, — подумал он, — у них жабры... А тут сидишь, как...»

Но подкупальные жители так и не узнали, с кем из них хотел себя сравнить начахо: Умудренскому в нос залетела не то мошка, не то мушка, и он оглушительно чихнул. Чихнул и зажмурился от страха: вдруг хозяйка балагана услышит? Когда же он вновь раскрыл глаза, то все было попрежнему мирно, если не считать разбежавшихся жуков и пропавшей неизвестно куда лягушки.

Умудренский посинел и весь дрожал. Ему хотелось на землю, к людям, но он понимал, что это невозможно.

Пляж представлял собой часть дачного участка Закусил-Удилова. Постороннему человеку появляться в пределах его владений не рекомендовалось. Лучшего же места для перехвата Калинкина нельзя было найти. Приходилось самоотверженно ждать. Проклинаая любовь Тимофея Прохоровича к водоплавательному спорту, Умудренский тоскливо наблюдал за противоположным берегом.

Высокий правый берег то затахал, когда на водных аллеях разгоралась азартная борьба, то грохотал аплодисментами, когда объявляли победителей.

— Заплыв сто метров брассом выиграла сотрудница Красногогорского бюро находок Надежда Калинкина! — объявил диктор.

Умудренский видел, как, вскочив на ноги, хлопал в ладоши Тимофей Прохорович; как оператор в соломенной шляпе, похвалившись к судейскому столику, снимал победительницу; как другой оператор, плававший на середине реки в лодке, сам сел на весла и стал грести, держа курс на купальню.

«В гости едет, — подумал Умудренский, — наверное, выпить-закусить захотелось. А хозяева-то зачокались, не замечают...»

Лодка была еще на середине реки, и гости Вики не обращали на нее внимания: мало ли лодок бродит вокруг! Кроме того, атмосфера под зонтом была накалена: Иван Иванович Иванов-Иванов просил Мишу продолжить поиски стоматологического инвентаря, а дамы его темпераментно поддерживали.

— Выпьем под рыбку-шпроту. — чересчур бодро провозгласил Кока-Коля, хватаясь за рюмку. — Лучше выпить что-нибудь, чем томатный сок, — и он чокнулся с Сидром Ерофеичем.

— Я лично «за», — быстро согласился многоопытный член редколлегии.

— Нырнуть — это можно, — без энтузиазма сказал Миша, — но зубы все равно я разглядеть не могу: вода мутная.

— Эти люди, — сказала жена Коки-Коли, дама, представляющая интерес, и ногой показала на тот берег, — эти люди со своими заплывами взбаламутили весь песок. Не понимаю, как можно так отдыхать и развлекаться! Собирается большая компания совершенно незнакомых людей, портят друг другу нервы и называют себя болельщиками. Наше счастье, что мы отделены рекой от этой публики.

— Так в этой самой переводной книге «Вдвоем лучше, чем втроем», — сказала дама, не представляющая интереса, — описывается одна героиня. Она красива, как полубогиня, и он тоже.

— Нет ли там описания фасонов? — заинтересовалась Вика.

— Нет, там все героини ходят без платьев. Ваня, отвернись, тебе вредно слушать такие разговоры!

— А что? Вам нужно платье из Дома моделей? — зашептал Миша. — Это будет пахнуть всего сотней!

Из дачи, по тропинке, прямо на пляж бежала маленькая серенькая тварь на ножках-спичках. Кустики белены по сравнению с ней казались баобабам. Время от времени собачка

оставалась, сучила носиком, и ножки ее даже от слабого ветерка дрожали. Морда у этого микроорганизма была вполне светской: вокруг глаз большие черные пятна, и казалось, что собачка тоже носит светофильтры.

— Какой холосенький! Дусик—Мусик—Тусик—Пусик—Кусик! — хором закричали женщины.

Жена Коки-Коли, дама, представляющая интерес, вскочила с песка и заключила Дусика-Мусика и так далее в свои объятия.

— Вот теперь, маэстро, — сказала она томно, — вы можете меня сфотографировать.

— Могу достать таких собачек, — тихо сказал Миша, ни к кому конкретно не обращаясь, — в неограниченных количествах. Это будет пахнуть полсотней с хвоста.

Посмотрев на кошачью физиономию Миши, собачка еле слышно твякнула.

— И такая может укусить, — сказал Миша задумчиво, — я уж лучше пойду нырну.

— Маэстро, я жду, — сказала дама, представляющая интерес, прижимая к себе микроорганизм.

— Я сделаю из вас натюрморт, — сказал несколько захмелевший фотограф, ведя жену Коки-Коли к реке. — Встаньте по колено в воду. В свободную от песика руку возьмите вот эту рюмку и дышите в такт волне. Снимите темные стекла. Смотрите вдаль.

— К нам едет лодка, — сказала дама с собачкой.

— Не миргайте! — закричал фотограф, сверкнув мелким, как застежка «молния», рядом зубов. — Не миргайте! Вы мне весь аппарат испортите! А я, кстати, знаю, кто на той лодочке плывет. Оператор кинохроники! Их тут двое — Можаяев и Благуша. Так вот это Благуша.

— Выпьем за кинематографию! — закричал Кока-Коля.

— Я лично «за»! — поддержал Спотыкач. Будучи старейшим членом редколлегии журнала «Помидорник-огородник», он привык всегда соглашаться с чужим мнением и таким образом пережил одиннадцать редакторов.

На берегу Мартын был встречен Викой и теми из ее гостей, кто еще мог передвигаться на своих ногах.

— Поезжайте обратно, — сказал Мартын лодочнику, — вы еще понадобитесь Можаяеву! Простите, — обращаясь к Вике, продолжал он, — хотя сторонней ноге и запрещено ступать на этот берег, но я должен сделать несколько кадров.

— Пожалуйста, — обрадованно сказала Вика, жестами приглашая своих гостей подойти поближе.

— Это займет несколько минут, — сказал Мартын. — Всего два кадра. Общий вид того берега.

— А почему бы не этого? Когда здесь находятся такие дамы? — Вика обиженно надула губки и отошла.

— Ах, милочка, ты даже не можешь очаровать этого молодого человека настолько, — сказала жена Коки-Коли, — чтобы он нас вставил в фильм.

Мартын и ухом не повел, хотя прекрасно слышал слова Коки-Колиной супруги. Пробормотав: «Капуста гарна, та кочан гнилий», он продолжал работу.

— У операторов, Виктория Айсидоровна, — прошептал Миша, — всегда много денег. И они любят кожаный ширпотреб. Может быть, этот товарищ из кино тоже купит кожаное пальто? Я могу и его обслужить. Это будет пахнуть...

— Номенклатурно! — восторженно сказала Вика. — Миша, уговорите его купить пальто, и мы с ним завтра поедем к вашей Маргарите. Я хотела бы, чтоб все кожпальто раскупили приезжие: мой Игорь тогда был бы одет уникально...

— А оператору этому можно доверять? — спросил Миша.

— Глупые вопросы, когда дело касается моих знакомых, — отрезала Вика. — Я его знаю еще по Красногорску. Он меня снимал. А здесь он всего на три-четыре дня. Вот его товарищу, Можаяву, я бы не доверила... Впрочем, может быть, вы не уверены, Миша, что сумеете его уговорить?

— Вы делаете мне больно, — сказал Миша шопотом. — Если у него есть деньги, я его заставлю купить пальто.

И Миша, расправив усы, шагнул к Мартыну. Разговор происходил в купальне, над Умудренским. Шопот Миши из-за треска киноаппарата расслышать было невозможно, хотя начальник АХО и напрягал барабанные перепонки.

Может быть, он и уловил бы что-нибудь из конфиденциального разговора, но полученный в результате долгого общения с водной стихией насморк не дал ему возможности удовлетворить любопытство. Каждые полторы минуты в носу его начинало щекотать так, будто туда засунули четвертушку нюхательного табаку. И Умудренский, чтобы не выдать себя чихом, вынужден был прятаться под воду и там чихать. Когда после одного из чихов голова начальника АХО всплыла на поверхность, на противоположном берегу произошли большие события. Тимофей Прохорович бросился в воду и поплыл к своей даче, а Можаяев усадил в лодку Надю Калинкину и повез ее к середине реки.

«Пора, — решил Умудренский, заметив, что непосредственный начальник уже достиг середины реки. — Самое время выплывать наперехват! Господи, улови мою молитву!»

И, оттолкнувшись от якорного каната, Умудренский выплыл из-под купальни. Фыркая и отплевываясь, он набирал скорость. За ним тянулся мыльнопенистый след.

— Нас подслушивали, — громким шопотом произнес Миша. — Знаете, чем это пахнет? Этот тип сидел под купальней!

— Вы думаете, коллега, — наклонился к Мише фотограф, — он плывет прямо в уголовный розыск? Вы травмированы действительностью. А при вашей профессии нервы ни к чему.

— Мне так часто делают больно, — доверчиво прошептал Миша, — что приходится на ночь пить люминал. У меня же в груди сердце, а не пламенный мотор.

— Пейте коньяк, — провозгласил Кока-Коля, наливая рюмки себе и Сидру Ерофеичу. — Выпьем за люминал!

— Я лично «за»! — поддержал член редколлегии журнала «Помидорник-огородник».

— Смотрите, — сказала Вика, — этот самый, из-под нашей купальни, встретился с другим, и они о чем-то спорят. Безумие! Там же два метра глубины!

...Умудренский бодро чихнул и произнес:

— Добрый день! Теплая сегодня вода, Тимофей Прохорович!

— А-а, Умудренский, каким течением тебя сюда занесло?

— У меня к вам персональный разговор частного характера. Я хочу, чтобы вы уловили мою мысль.

— Выбрал место для беседы! Зайди завтра к концу дня ко мне — поговорим.

— На работе обязательно помешают, Тимофей Прохорович. И потом ждать целый день у меня организм не выдержит. А-а-а! Я что хочу сказать: ваше отношение ко мне для меня самое дорогое. Это Сваргунихин во всем виноват. А из-за

него я теперь страдаю. Чувствую, доверия прежнего нет...

— Глупости! — отмахнулся Тимофей Прохорович и увеличил скорость.

Умудренский начал отставать.

— ...самое дорогое... — услышал сзади начальник торго, — ...не переживу...

«Вот привязался, — подумал Калинин. — Убогий он какой-то... Стонет, ноет.

Впрочем, все это мелочи. Главное, что он болеет душой за дело».

Тимофей Прохорович оглянулся и чуть не пошел ко дну от удивления: Умудренского на поверхности реки не было.

— Может, нырнул? — вслух подумал начторга и огляделся.

На высоком правом берегу продолжали шуметь болельщики. Несколько лодок плавало вдали. Начахо не было.

Калинкин забеспокоился. Вдруг метрах в пяти из воды выскочила голова Умудренского и, слабо крикнув: «Спа!» — снова скрылась под водой.

«...сите...» — в ужасе домыслил Тимофей Прохорович и нырнул.

Утопающий, очевидно, был уже без сознания и поэтому вел себя культурно: не пытался схватить спасителя за шею и утянуть его на дно. Калинкину удалось сравнительно легко извлечь Умудренского на поверхность и начать буксировку своего подчиненного к земле. Ближайшей точкой берега был закусил-удиловский пляж. Туда и направился Тимофей Прохорович.

На помощь ему уже плыли Надя и лодка с Юрием.

Когда Умудренского вытащили из лодки на песок, утопленник был весь синий. Особенно посинели живот, грудь и ноги до колен. С него быстро сбегала вода. Через минуту он был уже сухим.

— Ваня! — кричала дама, не представляющая интереса. — Уйди отсюда! Тебе вредно смотреть на утопленников. Смотри на меня.

— И такой ужас случился на нашем пляже! — с любопытством сказала Вика.

— У вас нет осведомской аппаратуры, — зашептал Миша, — я вам могу устроить несколько спасательных кругов... Это будет пахнуть...

— Жертва крушения на море жизни! — философски заметил тощий фотограф. — Человек хлебнул горя! Вернее, воды!

Надя и Мартын делали Умудренскому искусственное дыхание.

Но вот утопленник чихнул и сел. Миша и фотограф от неожиданности отскочили в сторону.

Кока-Коля обалдело покрутил головой, недрогнувшей рукой налил рюмки и спросил Сидра Ерофеича:

— Ты когда-нибудь видел, как оживают люди? Нет, в трезвом виде ты этого никогда не видел. Нет, нет и нет... — и Кока-Коля утвердительно покачал при этом головой.

— Да, да, да, — согласился Спотыкач, качая при этом головой отрицательно.

— Так выпьем за оживающих! — сказал Кока-Коля.

— Я лично «за»!

— Что с тобой? — спрашивал Умудренного Калинкин. Его мохнатые брови взволнованно шевелились. — Как ты себя чувствуешь?

— Организм не выдержал, — грустно сказал начахо. — Сердце...

— Но вы же весь синий, — удивилась Надя. — Это что-то странное. Вас надо сейчас же в больницу, немедленно! Немедленно!

— Не надо! — испуганно вскрикнул Умудренский. — Это просто так... У меня трусы линяют...

— От долгого пребывания в воде любая материя начинает линять, — сказал фотограф многозначительно.

— Не любая, — зашептал Миша, — я могу достать такой отрез на трусы... И вообще сколько всего можно было бы достать, если бы Тимофей Прохорович был своим человеком. И сам денег не зарабатывает и другим не дает...

Микрособачка Тусик-Мусик и так далее выскочила из-под зонта и, пискливо твякнув, сделала стойку.

Все оглянулись. Со стороны дачи по тропинке шел к пляжу мужчина в голубой фуражке. В руке у него была большая коробка.

— Прошу прощения, — сказал мужчина. — Заходил я на дачу к товарищу Калинкину, там сказали, что он здесь, у соседей. А мне нужно вручить заказ лично и немедленно — продукт ждать не может.

— Какой заказ? — Брови Тимофея Прохоровича изогнулись вопросительными знаками.

— Обыкновенный, торт-мороженое, прямо из холодильника. Распишитесь в получении.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Калинкин.

— Съедите — поймете, — сказал посыльный. — Вот здесь проставьте часы, когда заказ вручен. Спасибо, питайтесь на здоровье.

Торт был монументален. Очевидно, заказчик не щадил затрат. Когда торт отнесли под тент купальни и открыли крышку, все увидели витиеватую шоколадную надпись:

ДОРОГОМУ, УВАЖАЕМОМУ
ТИМОФЕЮ ПРОХОРОВИЧУ,
СПАСШЕМУ МЕНЯ ОТ ГИБЕЛИ
В РЕЧНЫХ ПУЧИНАХ —
БЛАГОДАРНЫЙ УМУДРЕНСКИЙ.

Тимофей Прохорович гневно сдвинул брови. Надя, Мартын и Юрий хохотали. Вика, фотограф, Миша и жена Коки-Коли тупо смотрели на торт. Иван Иванович улыбался и радостно шлепал резинкой своих трусов. Его улыбка говорила: «Мороженое можно есть и без зубов!»

— Какие предусмотрительные люди у тебя в аппарате, — сказала Надя брату. — Он уже утром знал, что среди дня будет тонуть и что именно ты спасешь его.

— Но дал маху, — сказал Юрий. — Он считал, что доставка на дом всегда совершается с опозданием часа на три, а оказалось, что в Кудеярове заказ выполняют точно в срок. Очень любопытная ситуация, очень...

— Впрочем, — сказала Надя, по-timoфеевски выгибая брови, — все это мелочи. Надо быть выше их. Главное, что Умудренский предан нашей торговой системе.

Умудренский, пугливо озираясь, пополз, как саламандра, к воде.

«Вот, чорт возьми, — с досадой подумал Тимофей Прохорович. — Опять попал в смешное положение. То с пальмами, то с тортом... Что такое? Или мне люди попались такие мелкие, или я разучился с людьми работать?..»

В другой раз Калинин махнул бы рукой и подумал: «Все это мелочи, надо быть выше их». Но сейчас, когда этот его любимый девиз только что был произнесен Надей, он уже не казался ему таким внушительным и принципиальным.

Тимофей Прохорович начал уже было сердиться на сестру за «неуместную насмешку». Но потом сообразил, что насмешка, пожалуй, была вполне уместна, и обратил гнев на самого себя:

«Куда я глядел раньше? Почему я просмотрел Умудренского? Как сумел Сваргунихин уйти с работы «по собственному желанию»? Хватит! Вот сейчас я скажу Умудренскому несколько теплых слов...»

Тимофей Прохорович насупил брови и обернулся. Начахо на песке не было. Голова бывшего утопленника виднелась уже

на середине реки. И как раз в тот момент, когда Калинин взглянул на Умудренского, тот оглянулся. Сослуживцы встретились взглядами. И начахо прочел в глазах начальника торго такую резолюцию, что ему стало страшно. Ноги и руки Умудренского подкосились, и он чуть не пошел на дно — на этот раз по-настоящему. Но последним усилием он выплыл на поверхность, добрался до берега и смешался с народом.

Тимофей Прохорович, Надя и операторы направились к забору, отделявшему владения Закусил-Удилова от дачи Калининных. Персональный торт остался в купальне. «Избранное общество» молча следило за уходившими.

Шагавшая впереди Надя неожиданно остановилась, повернулась лицом к брату и операторам. Облизнув мизинец, она поправила ресницы и сказала томно:

— Шик-модерн! Это чудесно, что они уходят! Мы остаемся в своей узкономенклатурной среде!

Затем Надежда кокетливо сощурила глаза и произнесла свистящим голосом:

— Пусик! Не смотри на них — тебе вредно смотреть на людей!

И тут же Калининна повернулась и как ни в чем не бывало продолжала путь.

Юрий хохотал, поглядывая на Вику. Мартын не сводил с Нади восторженных очей. Тимофей Прохорович улыбался, хотя считал, что сестра поступила несколько грубо и невоспитанно.

— Чтобы перевоплощаться, надо иметь талант, — громогласно заявила Вика. — Я, например, в вашем исполнении себя совершенно не узнала.

— И я тоже, — подтвердила дама, не представляющая интереса.

Тимофею Прохоровичу, очевидно, хотелось как можно скорее остаться одному, поэтому он ускорил шаг. Молодые люди несколько отстали.

— Ну и публика коллекционная на даче у Вики собирается, — сказала Надя. — Прямо гербарий. Один Миша чего стоит: цепляется, как репей, к каждому человеку...

— Такая у него профессия, — сказал Мартын, — доставала обязан к покупателю прицепляться.

— Доставала? — усмехнулся Юрий. — А что, он птичье молоко, к примеру, может достать?

— Насчет молока я с ним не балакал, — усмехнулся Мартын, — а вот козреглан он мне хотел устроить.

И, заметив, как насторожился Юрий, Благуша добавил:

— Частного пошива, исключительно по знакомству, как человеку с великими деньгами...

И Мартын, добродушно улыбаясь, поведал Юрию и Надежде содержание происшедшего меж ним и Мишей диалога.

— Это же очень важно! — загорелся Юрий. — Мы на горячем следу! Ты, разумеется, согласился купить пальто?

Мартын рассмеялся:

— На те сто карбованцев, какие ты завтра получишь в ломбарде?

Юрий схватился было за голову, но, выяснив, что Благуша не сказал еще Мише ни «да», ни «нет», успокоился. Затем Можаяев стал развивать свой план глубокой разведки.

По лицу Мартына гуляла такая снисходительная улыбка, что Можаяев в конце концов взорвался:

— Ты считаешь, что все это бесполезные затеи? Да?

— Почему бесполезные? — сказал Мартын, взглядом призывая Надю на поддержку. — Простое баловство... Чем бы хлопчику ни тешился...

Но Надя не ответила на улыбку Благуши.

— У меня в бюро находок, — очень серьезно сказала она, — был интересный случай. Тоже связанный с кожаными делами...

И Надя рассказала операторам историю невостребованного чемодана закройщика Никодимыча.

— Ну что, Фома-неверующий? — воскликнул Можаяев. — Кто прав? Надя, вы спасли мой авторитет в глазах этого улыбающегося гражданина!

Но Благуша на этот раз не улыбался. Помолчав минуту, он сказал:

— Так я через полчаса зайду к Закусилихе и договорюсь с этим репейником о встрече на завтра...

...— Тортик они оставили мне, — жмурясь, как кот, которого почесали за ухом, прошептал Миша. — А я-то боялся, что они и мне тоже сделают больно...

— Блаф нашф праш, — нетерпеливо бормотал Иван Иванович.

— Ваня, тебе вредно есть холодное. В этой книге, где двое лучше, чем трое...

— Выпьем по этому поводу!

— Я лично «за»!

— Не делайте мне больно, этот кусочек мой...

— Давайте споем что-нибудь избранное, любимое...

И кто-то затянул дребезжащим сопрано:

А жить уже осталось так немного-о-го...

И нестройный хор голосов подхватил:

И на висках белеет седина...

А между тем высокий противоположный берег жил своей жизнью, пел свои песни:

Чтобы тело и душа
Были молоды, были молоды, были молоды,
Ты не бойся ни жары и ни холода,
Закаляйся, как стали!

Песня неслась над рекой, и ее подхватывали купальщики, болельщики, спортсмены. Белые пассажирские теплоходы и баржи с грузами для новых городов и больших строек, караваны плотов — все держались поближе к правому берегу, высокому и жизнерадостному, а на долю индивидуального песочка доставались только волны. Они били по купальне, раскачивали фанерный щит с надписью:

«ВПЛЫВ ПОСТОРОННИМ СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ» —
и заставляли тоскливо скрипеть доски помоста.

...ДЛЯ ПОТОМКОВ

ДНЕВНИК БОМАРШОВА-МЛАДШЕГО

25 июля

Я сам расскажу о папе и о себе.

Ах, как трудно будет писать историю литературы, если я не оставлю потомству хотя бы частицу известных мне фактов! Этого, с необходимой для грядущих биографов ясностью, нельзя сделать ни в драме, ни в комедии... Поэтому я решил, что пьес писать не стоит. Буду, как Гоголь, — сожгу те три акта, которые мною уже созданы!

«Камин горит. Огнем охвачены, в последний раз вспыхнули слова любви...»

Отныне я буду творить дневник. Он ляжет в основу будущих мемуаров. Конечно, кое-что потом придется сократить и отредактировать: некоторых тонкостей широкая публика все равно не оценит. Мемуары о Дормидонте Бомаршове наверняка купит литмузей, копию можно будет по сходной цене уступить областной библиотеке, третий экземпляр спокойно продается в очередной том «Литературного наследства». Ведь недаром же папу называют повсеместно «руководящим», «ведущим» и «возглавляющим»...

26 июля

На-днях к нам на виллу приезжал критик Петросянкин — тот самый, который пишет только о папе. Он оригинал: всем головным уборам предпочитает обыкновенный картуз. Мы его так и зовем — «наш картузианец».

Я спросил его:

— Почему у нас нет хотя бы таких поэтов, как Пушкин?

— Много причин. Но основная — то, что старые классики писали не с помощью пишмашинок, а гусиными перьями. Это их приближало к природе.

Я думаю, что Петросянкин прав. Есть особая романтика в птичьем пере! Но гусь в наше время стал грубопрозаической птицей. Сразу вспоминаются всякие птицефермы, инкубаторы, аксельраторы, дегенераторы... Я буду писать пером лебедя! Это экзотично и оригинально! Лебедь как-то соответствует складу моей души. Я — человек с нюансами!

29 июля

Сегодня папе пришла в голову гениальная метафора. Он принимал ванну и читал Лермонтова без отрыва от процедур. На каждой строчке папа приговаривал:

— Так, так, так! Божественно! Феноменально! Почти как я!

И вдруг закричал: «Эврика!» Это означает — ему явилась эпохальная мысль.

Но пока я бегал за бумагой и пером, папа эту мысль забыл.

Поэтому весь остальной день папа не мог творить очередного бессмертного шедевра.

Папа пребывал в плохом настроении, и это ударило меня по карману; ведь сегодня был выплатной день. Вместо обычных двух тысяч я получил только полторы!

Решил расстаться с Люкой. Разве у нее фигура? Междометие какое-то! Как в Доме моделей демонстрируют на ней новые фасоны платьев — непонятно! На нее только тулупы можно надевать, да и то с башлыками!

Познакомился с Кукой.

Моя машина на ремонте, и нам пришлось бродить по городу пешком... Я боялся расстроить нервную систему: на каждом шагу попадались знакомые, и я даже ни разу не смог поцеловать любимую девушку. Что делать? До темноты еще далеко!

Я нашел гениальный выход: мы поехали на вокзал. Там на перроне все время чмокаются то прибывающие с встречающими, то отбывающие с провожающими. Мы растворились в толпе целующихся.

1 августа

«Всех великих людей сначала не признавали, но я не великий человек и предпочитаю, чтобы меня признали сразу».

Не помню, кто так выразился, но эта мысль мне все чаще приходит в голову. Тем более, что у меня масса данных для великого человека. Мир еще узнает меня как жизнеописателя папы!

О папе напишу я. Это уже ясно. Но кто напишет обо мне?

Во избежание литературоведческих кривотолков я решил сделать это лично.

Я родился на нашей вилле, в интеллигентной писательской среде. Папа мой к этому времени уже написал две пьесы и заканчивал третью — из иностранно-зарубежной жизни. Поэтому меня называли Альбертом и стали учить игре на рояле.

Ко времени моего поступления в школу папа уже был крупным общественно-литературным деятелем областного масштаба, автором «Старого звона», по отзывам прессы, выдающегося произведения драматургии.

Когда я перешел в пятый класс, папу избрали членом бюро Красногорского отделения Союза писателей. К концу моего учебного года папа создал литературный альманах «Красногорск» и напечатал в нем шесть статей из цикла «Как я работаю над своими произведениями».

В седьмом классе я уже сделался сыном председателя областного отделения Союза писателей. И вообще 1945 год запомнился мне на всю жизнь: папа купил машину, которой впоследствии суждено было стать моею.

Когда я перешел в девятый класс, у папы прибавилось работы: он стал членом худсовета театра.

В 1949 году я кончил десятилетку. К двадцати годам обнаружилось, что я не вундеркинд, и занятия на рояле были прекращены. После этого папа сказал, что сыну такого известного лица, как он, неудобно иметь только среднее образование, и меня устроили на первый курс искусствоведческого факультета.

За последние три года мною успешно сданы три экзамена, причем без отрыва от основной творческой работы.

В настоящее время я являюсь единственным сыном драматурга Дормидонта Бомаршова, члена редколлегии трех толстых, двух средних и одного тонкого журналов, членом худсовета театра «Трагедии и водевиля» (бывший «Драмы и комедии») и прочая, и прочая, и прочая.

Так как я воспитывался папой в лучших драматургических традициях, то мама в моей жизни никогда никакой роли не играла, и поэтому упоминать о ней в биографии нет смысла. Что же касается других родственников, то они интереса не представляют: один работает каким-то новатором при комбайне, другой что-то делает на шахте, а третий — директор колхоза где-то далеко от Москвы.

5 августа

С Кукой я расстался навсегда. И как это я прежде не замечал, что у нее совершенно немодный покрой губ! И такой микроскопический рот, что при смехе вместо «ха-ха» у нее получается «хю-хю-хю»... Брр!

Познакомился с Кикой. Она так божественно гарцевала на своих стройных каблучках, что я вынужден был немедленно к ней подойти и заговорить. Она тоже сразу влюбилась наповал.

Мы шли по бульвару и встретили поэта Дамоклова. Он хотя еще и не так известен, как мой папа, но уже два раза упоминался в кроссвордах «Огонька» и пишет неплохие демисезонные стихи. У него давно вышло бы собрание сочинений, если бы не пагубное пристрастие к лучшим сортам коньяка. Дамоклов — типичный коньякопоклонник и, даже разделяя строфы в своих рукописях, всегда ставит пять звездочек.

Ходишь по городу и поневоле начинаешь понимать, насколько ты выше окружающей среды. Все что-то делают, шебуршатся, хлопочут... А о чем хлопочут? О мелочах жизни. Один торопится в учреждение, чтобы во-время перевесить табель, другой бежит на рынок за картошкой, третий прогуливает ребенка. Таким людям недоступны тонкости творческой жизни!

...В час ночи мы — я, Кика и Дамоклов — едва выбрались из ресторана на улицу. Нам было безумно весело, из каждого телефона-автомата мы звонили в пожарные части и вызывали пожарников на адреса своих знакомых. Пожарные машины метались по городу, как безумные. Но самое безумно смешное: в то время, когда все машины с нашей легкой руки были в разгоне, где-то что-то на самом деле загорелось!

Так как папа был на даче, мы заночевали на нашей городской квартире. Утром на нас страшно было смотреть. Дамоклов, например, от пьянки так опух, что его лицо не влезало в зеркало... А Кика... Одним словом, я ее уволил...

1 сентября

Дети, в школу собирайтесь!

А я в институт пока подожду. Неделя-другая всегда на раскачку уходит...

3 сентября

Папа дал мало денег... Какое непонимание моих потребностей! Ведь, кажется, ясно: каждый родитель несет ответственность за своего ребенка. Папа породил меня, чтобы доставить себе удовольствие. А удовольствие всегда стоит дорого! Я долго развивал эту мысль, и в конце концов папа,

тронутый моим красноречием, выдал мне полторы тысячи, чтобы отметить начало учебного года...

15 сентября

Правильно я сделал, что уволил Кику. Дамоклов говорил: она ноги красит перекисью, дабы не было заметно, что она брюнетка и можно было носить нейлоновые чулки!

Сегодня собрались у нас на даче почитатели папиного таланта: критик Петросянкин, поэт Дамоклов и романист Гурмилло. Писали коллективное письмо в Москву на теперешнего главу областного отделения Союза писателей. Этот невоспитанный человек заявил недавно, что не видит больших достоинств в папиных сочинениях и что, мол, вообще некоторым ценностям надо сделать переоценку. Папа сначала хотел подать в суд за оскорбление, но потом решил, что лучше применить более испытанное средство — коллективное письмо группы писателей. Письмо получилось очень художественное. После этого папа дал обед в честь его авторов. Потом пели песню о нашумевшем камыше на стихи неизвестного поэта.

Познакомился с Марикой. Я был неотразим в новом светло-бежевом костюме, и она влюбилась наповал. Единственно, что меня беспокоило — Марикины свежеекрашенные губы и ресницы. Того и гляди после этой встречи придется отдавать костюм в чистку! А папа в последнее время что-то стал скупиться на капиталовложения в меня...

Тем не менее, провожая Марику домой, в машине я старался казаться нежным и веселым.

29 сентября

Сегодня была гроза. Папа перехватил письмо какой-то девицы, где она осыпает меня упреками. А я даже имя-то ее позабыл! И вот утром папа ворвался ко мне в спальню (у меня после вчерашних семинарских занятий в коктейль-холле в голове какой-то туман) и стал кричать. Вкратце его нотации сводились к следующему: из меня растет развратник и бесчестный соблазнитель, надо вести себя согласно занимаемому высокому положению и т. д. Я немедленно поклялся, что таких случаев больше не будет и что это случилось в последний раз. Тогда папочка прослезился от умиления, поцеловал в щеку и сказал:

— Молодо — зелено, кровь играет... Эх, сам был юным... Я понимаю твой темперамент... И кроме того, может быть, это тоже форма познания жизни...

Сегодня у нас выпивка по поводу открытия художественной выставки. Я вот уже три часа собираюсь, не знаю, как лучше повязать галстук? В виде «кукиша», «летучей мыши», «голов-

ки бэби» или «заячьих ушек»? Дамоклов обещал познакомить меня с новым пупсиком — какой-то девочкой Лорой, похожей на Бэтти Дэвис... Любопытно! «Будешь, — говорит, — чувствовать себя с ней, как в Голливуде!»

15 октября

Уволил Лору. Гуд бай!
Познакомился с Лерой.

7 ноября

Уволил Леру. Гуд баиньки!
Познакомился с Ларой.

20 ноября

Уволил Лару. Гуд!
Познакомился с Лирой.

21 ноября

Уволил Лиру. Бай-бай!
Все надоели...

5 декабря

Сегодня весь день я решил провести за рулем любимой машины.

Гоголь воспел тройку, а я воспую автомобиль!

Эх, авто! Кто тебя выдумал? Знать, состоятельный человек мог тебя приобрести...

Что-то не получается... Ну ладно, в следующий раз додумаю.

...Катался сегодня целый день. Дважды стоял под окнами Симы. Думал, она выглянет, но ничего не добился... И муж ее, кажется, был дома... Разве сегодня выходной?

Вот ведь ирония судьбы! И откуда у этой простушки такой негибемый характер? Обыкновенная ткачиха, а держится, как леди Дуглас из «Уэльской гробницы» (там, кажется, Глэдис Пэй в главной роли).

Она просто безнадежно наивна. Я в этом убеждаюсь с каждым днем. Сколько зарабатывает ее муж? Ну, тысячу рублей... Гроши! Я же хочу ее осчастливить, предоставить ей, как говорит Дамоклов, «право тысяча первой ночи», а она даже не хочет со мной разговаривать! Сказывается отсутствие интеллектуального воспитания.

5 января

А я думал, сегодня еще второе число... Здорово выпили под Новый год!

Сегодня папа читал Петросянкину, Дамоклову и Гурмилло первый акт новой пьесы «Свет над Кудеяровом». Все единодушно признали пьесу эпохальной и сверхгениальной. Потом поехали в ресторан «Тянь-Шань», и там вечер кончился, как всегда, пением песни на стихи неизвестного поэта.

25 января

Приходила какая-то старушка. Говорит, что родная и единственная мать соблазненной мной девушки по имени Кира. Я полчаса пытался вспомнить — не мог. Старушка устраивала истерику, хотела видеть папу. Мы ее выгоняли, но она снова возвращалась. Ничего не выходило. Папа с ней встретился. Пообещал, разумеется, меня пропесочить. За ужином была лекция, и я поклялся, как всегда, что буду паинькой и что происшествие с Кирой будет последним...

С горя даже начал писать рассказ — лирическую новеллу: «Ночь была темна. Не было видно ни зги. Дождь лил как из ведра...» — хорошее пейзажное начало, много настроения.

Папе пока не показывал. Но я знаю, ему понравится: папа любит, когда я пишу.

1 февраля

День рождения папы.

Ура! Я, кажется, вышел из финансового кризиса. Вот как это случилось.

Я подарил папе самопишущую ручку со специальным приспособлением — острым колесиком для отрезания чеков.

Папа у меня все-таки умница: он понял намек единственного ребенка и тут же, не отходя от подарка, выписал мне чек на тысячу рублей! Я теперь спасен дней на пять!

Все было бы хорошо, если б не Сима. Сегодня ровно полгода, как я не могу от нее добиться даже самого обыкновенного свидания без свидетелей. У нее, мол, муж — ну так чего же? Надо быть выше житейских предрассудков!

Позавчера я притаился в своей машине возле ее парадного. Сима меня не заметила, и мне удалось кое-что подслушать.

Она дала свой телефон подруге, и я молниеносно запомнил все цифры. Я очень злопамятен на телефоны!

Сегодня Гурмилло у себя на квартире читал отрывки из нового романа «Забои и штреки». Присутствовали: папа, Петросянкин и Дамоклов. Единодушно было признано: роман эпохальный и гениальный. Поехали в «Тянь-Шань»...

23 февраля

Папе прислали заказ на документальный сценарий о семье матери-героини. Папа увидел в газете снимок семьи Калининных — десять детей! — решил писать о них.

Десять детей! Ужас! Если бы у папы было десять потомков, разве я мог бы жить такой напряженной творческой жизнью?!

28 февраля

Ездил весь день, высунув язык. Собирал материалы для папиного фильма. Фотографии из журналов и газет, очерки о семье Калининных. Папа даже прослезился от моей трудоспособности и сказал, что он когда-нибудь, может быть, делает меня соавтором.

Завернул на несколько минут в горный институт: Дамоклов клялся, что там в гимнастической секции колоссальные девочки. Действительно, одна из гимнасток, Леля, заставила сильнее биться мое молодое сердце.

Вечером был с папой на заседании областного отделения Союза писателей. Решались проблемы прозы. Папа выступил и призвал всех писать хорошо, на уровне Гоголя, Толстого и Горького.

8 марта

Познакомился с одной девочкой. Крошка! Пупсик! Зовут Сильвой! Влюбилась наповал!

Я был не брит, и она мне сразу сказала:

— Фи, Альберт! У вас такой женатый вид!

Три дня доказывал ей, что я холостой.

Был с папой на заседании областного отделения Союза писателей.

Решались проблемы поэзии. Папа выступил и призвал всех писать хорошо, на уровне Пушкина и Маяковского.

15 марта

Леля из горного института все больше и больше мне нравится.

У нее есть что-то общее с Симой... Ей в драмкружке поручают играть положительных героинь... Но я ей нравлюсь...

Держал пари с Дамокловым: он утверждает, что роман с Лелей будет повторением истории с Симой. Нет уж, дудки! Это вопрос моего престижа!

10 апреля

Романцero с Лелей развивается настолько плодотворно, что «эта благодать уже стала надоедать», как говорит Дамоклов. Я сказал Леле, что еду в командировку по папиным делам, что у меня внеочередной зачет и еще что-то. Недели две могу жить свободно!

3 мая

Не жизнь, а оперетта! Только уволил Сильву, познакомился с Марицей! Сильва слишком занята. Не девушка, а синий капрон какой-то.

Был с папой на заседании областного отделения Союза писателей.

Решались проблемы критики. Папа выступил и призвал всех писать хорошо, на уровне Белинского, Добролюбова и Чернышевского.

Когда мы вышли, Дамоклов вдруг стал говорить, что я ничего не делаю для вечности! Это я-то!..

— Тебе, — говорит, — двадцать три года, а Гюго в четырнадцать лет был лауреатом! В двадцать лет какой-то там Мюссе стал знаменитым. Лермонтов к двадцати трем годам написал уже большую часть своего полного собрания сочинений!

Но я разбил Дамоклова в пух и прочие прахи. Я принес папины записные книжки, в которых было написано: «Стендаль — «Красное и черное» — в 48 лет», «Ричардсон — первый роман — в 50 лет»... Дамоклов был сражен на корню!

После этого мы несколько раз выпили за мои успехи и способности!

Боже, какой я талантливый!

9 мая

Все было бы отлично, если бы не этот злополучный горный институт. Там всякие комитеты суют нос во все дела. Меня — подумать только! — вызывают на комитет для разговора.

Оказывается, что Лелькины подруги были в курсе наших взаимоотношений и, увидев, что я и не собираюсь на этой гимнастке жениться, подняли шум. Но я собраний и проработок не боюсь — у меня уже выработан иммунитет... Покаюсь, ударю себя в грудь — простят, отпустят...

Сима попрежнему не хочет иметь со мной дела. Она, оказывается, все мои телеграммы передавала мужу — этому грубому, некультурному человеку. Кто бы мог думать, что у этой красотки-швеи такая бездна мещанских пережитков?!

Муж ее уже встречался мне однажды и говорил какие-то неинтеллигентные слова. Верный фаэтон спас меня и на этот раз от столкновения с вульгарной средой! Но Сима, Сима! Ах!.. «Как я тебя любил! Тебе единой посвятил... расцвет... расцвет...» Ну, дальше не так уж важно...

Папа кончил сценарий о семье Калинкиных. Правда, прошло два месяца со дня получения заказа, но папа все время был занят разными мыслями и работой по созданию литературы. Так что писался сценарий фактически за два дня! Вот что значит гениальность!

Мы ездили вчера к этим Калинкиным. Застали только жену Тимофея Прохоровича. Судя по фото, одна из дочерей, Вера, изумительная красавица. Вот бы познакомиться!

Хотел к ним поехать сегодня, так сказать, для уточнения фактов, но произошла неприятность в институте... Что-то много за последнее время неприятностей. Мне иногда кажется, что все вбили себе в голову, будто меня надо перевоспитывать. Я, видите ли, типичный прожигатель жизни! Без пяти минут чуждый элемент! Дошло до того, что меня — внесоюзную, неохваченную молодежь! — вызвали на комсомольский комитет. Я пришел. Отказаться было неудобно, могли подумать, что я боюсь общественности.

Задали кучу вопросов: почему я трачу столько денег, откуда я их беру и что я буду делать, если вдруг папа прекратит экономическую помощь, и почему папа не приходит в деканат, когда его вызывают, и т. д. и т. п.

Я разозлился. Папа, как известно, денег не ворует и поэтому своих доходов не скрывает. А я — единственный сын. Те пять процентов налога на бездетность, которые папа экономит на мне, не такая уж маленькая сумма. Государство оставляет их специально на содержание ребенка. И я их беру у папы! Следовательно, я получаю свои собственные деньги и никому ничем не обязан!

— Отец пользуется правом на труд, а дети — правом на отдых, — сказал я.

Потом я хотел было объяснить этим заседателям, что если даже мой горячо любимый единственный папочка завтра станет бессмертным классиком, то-есть отдаст богу душу, то мне хватит заработанных им денег на восемьдесят лет и семь месяцев (если даже я буду тратить вдвое больше, чем теперь).

Но комитетчики не поняли моего тонкого юмора, и чтобы вообще прекратить этот разговор, я капитулировал по всем статьям, поклялся исправиться, ликвидировать академическую задолженность, не пить, не курить, не быть легкомысленным и т. д. и т. п. Проверенный способ — меня сразу отпустили. Но заявили: если папа не придет в институт, то институт придет к папе. Что бы это могло означать?

Эх, трудно жить, если все время приходится корчить из себя трудящегося...

29 мая

Был с папой на заседании. Обсуждались проблемы драматургии. Папа выступил и призвал всех писать хорошо, на уровне Островского, Грибоедова и Гоголя.

2 июня

Черный день нашей семьи. О папе появился фельетон в областной газете. Критикуют папу за отрыв от жизни и за дачу. Так о папе не писали с тех пор, как он стал ведущим! Но па держится героически: уже написал три опровержения и пять писем...

У меня тоже неприятность: Леля никак не может поверить, что данное ей 1 апреля обещание жениться было обыкновенной традиционной шуткой... Ну, мне бы только дотерпеть до той поры, когда она уедет, а там ищи меня свищи! Ее уже распределили куда-то очень далеко. Я пообещал ехать вместе с ней. Но сказал, что приеду потом...

8 июня

Вчера было очень бурное собрание писателей. Обсуждался газет-

ный фельетон, а потом выбирали бюро областной организации писателей. Папочку в бюро не выбрали. Первый раз в жизни! Какое безобразие! Такоё маститого писателя и забаллотировать! Автора всеми одобренной в свое время драмы «Старый звон»! Какие-то непонятные настали времена...

Особенно клеветали на папочку местные литераторы — его кровные враги.

— Они все хотят сесть в мои кресла и получать мои оклады, — сказал мне папа потом.

Детский писатель Горшков, старинный папин недруг, кричал даже:

— Если бы вы, Дормидонт Сигизмундович, не были редактором альманаха, членом редсовета издательства и членом бюро отделения Союза писателей, то ваши книги никто не печатал бы! Произведения Бомаршова валяются на полках, а в этом году запланировано опять восемь переизданий!

Папа встал и заявил:

— Я алмазный фонд нашей литературы! Меня критиковать нельзя — мое имя упоминается даже в букварях! Гражданин нашей страны уже с детства начинает верить в меня! Поэтому критика меня — это дезориентация советского читателя. Того читателя, который воспитан на мне! Это низвержение основ! Нигилизм! Злопыхательство! Забвение государственных интересов!

В общем кое-как папа отбился. Но тут выступил председатель правления и сказал, что у Бомаршова якобы замашка помещика, феодала и т. д. Но папа и тут не утешился.

— В чем меня можно обвинить? — захохотал он. — У меня пятнадцать человек обслуживающего персонала — да. Ну так что же? Они у меня все члены профсоюза, имеют свою низовую организацию, свой местком, свою ревизионную комиссию...

Собрание кончилось в три часа ночи. Вопрос о папе был перенесен до выяснения обстоятельств. Петросянкин, Дамоклов и Гурмилло посоветовали принять такую резолюцию: предложить папе перекрасить голубой забор нашей виллы в розовый цвет, уменьшить высоту забора на двадцать сантиметров (ремонт за счет литфонда) и уволить младшего садовника по сокращению штатов. Кроме того, предоставить папе годовой творческий отпуск с сохранением окладов.

10 июня, вечером

Сегодня еду по улице и вдруг встречаю... Веру Калинкину! Я ее даже сразу не узнал — так хороша! Еще интереснее,

чем на фото! Глаза! Улыбка! Ножки! Я молниеносно с ней познакомился, прихватили Дамоклова и поехали в ресторан обедать.

Устроили самый фешенебельный кутеж. Я своих денег не жалел.

15 июня

Если я и любил когда-нибудь кого-нибудь — все это было пустяком. Я люблю только Веру. Единственно, что омрачает будущее — Леля. Как быть? Со дня на день она должна уехать, и я вздохну свободно. Только бы Вера не узнала всей этой истории... Тогда может произойти что угодно... Родственники Веры и так уже очень плохо ко мне относятся — отчего? А если вмешается и Леля, Вера даст мне отставку... А я этого не переживу.

Июнь (число неразборчиво)

Сегодня у меня опять были гости — наш институтский комсомольский комитет. Второе в этом году выездное заседание. И опять специально для разговора с папой!

В прошлый раз я от них избавился, но сегодня... Я приказал швейцару и сторожам не пускать их и продержал три часа на солнцепеке. Но какая выдержка! Они все-таки добились аудиенции у папы!

Папа очень удивился.

— Я же не член ВЛКСМ, — сказал он.

Но наши комитетчики — народ маловежливый, они сразу же вспомнили недавнюю папину статью, где папа писал о борьбе с равнодушием, об активном вмешательстве в жизнь и т. д.

— Я вам внимаю, — сказал папа, выслушав несколько цитат из самого себя.

И тут начался поклев на меня. Что я бездельник, иждивенец, что я пою песенки типа «И тот, кто с папой по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет», привели мои рассуждения о бездетном налоге и коснулись различных фактов моей интимной жизни.

— А деньги я ему плачу за то, что он иногда помогает мне в работе: кое-какие библиографические справки, сбор материалов... Что же касается личной жизни, то все позади — он остепенился и женится.

Опять припомнили папе его собственную статью о воспитании детей в советской семье, и опять папа был прижат к стене.

Папа был очень сконфужен и рассержен, он пообещал комитету разобраться во всех проблемах.

Когда, наконец, комитет удалился — я отправил их пешком, сказав, что все машины в разгоне, — папа ворвался ко мне в кабинет и устроил большую говорильню.

Я подождал, пока он выкипит, и потом чистосердечно, даже со слезой в глазу, покаялся и обещал быть хорошим, лучшим, передовым. Деликатного намека, что я все-таки единственный продолжатель рода Бомаршовых, оказалось довольно. Папа сразу стал сентиментальным. Это ему обошлось в пятьсот рублей.

Кстати, решил окончательно: писать сценарий. Если папа их пишет за два дня, так неужели же я за неделю не сумею?!

А дневник не та форма. Надоело. Память у меня хорошая, и я отныне буду излагать свои мемуары сразу в магнитофон. Все будет записано на пленку. Мой голос и тот войдет в историю...

А писать стоит лишь для кино!..

СОБАЧЬЕ СЧАСТЬЕ

У щита объявлений «Кудеяровгорсправки» стояло несколько человек. Миши среди них не было. От нечего делать Мартын занялся исследованием спроса на рабсилу и жилплощадь. Одни объявления уже выцвели, другие были наклеены, видимо, только на-днях. Большинство извещений принадлежало частным лицам и начиналось со слов: «Покупаю», «Продаю», «Сдаю», «Даю». Попадались и такие, которые не имели этого телеграфно-делового зачина. Они начинались в стиле эпическом: «Молодой одинокий инженер, очень занятый на работе, ищет...» и т. д. От некоторых объявлений пахло семейными драмами. Так, например, некая Ядвига Ивановна Моисеева и Геннадий Измайлович Рейтузов в пожухлом, с оборванными уголками объявлении доводили до сведения кудеяровцев, что они жаждут обменять две комнаты в разных районах на две вместе (звонить по телефону 29—45). А на другом листке, свежем и новеньком, владельцы телефона 29—45 предлагали две комнаты вместе на две в разных районах. Желавшим рекомендовалось вызвать по вышеупомянутому телефону Ядвигу Ивановну или Геннадия Измайловича.

— Жилплощадь нужна? Это дорого пахнет! — раздался пылкий шопот возле уха Благуши.

Миша стоял рядом и пытался обаятельно улыбнуться. Пушистые его усы торчали агрессивно, как у кота, увидевшего мышь. И воинственно сверкали пестрые ангорские глаза.

— Спасибо за ласку, — ответил Мартын, — я постоянно прописан в другом городе.

— Так, может быть, вы собираетесь две в разных на две вместе? — продолжал улыбаться Миша.

— Рано еще, — сказал Мартын и почему-то покраснел.

— Ну, я пошутил, — произнес Миша. — Я знаю, что вы сейчас мечтаете только о кожреглане. Вы не забыли случайно — это пахнет сотней рублей сверх суммы?

— Если я запомню о деньгах, то вы, надеюсь, мне напомните? — стараясь быть учтивым, проговорил Мартын Благуша.

К Мише подскочил какой-то гражданин с лицом вулканического происхождения и громко зашептал:

— Наше вам! Как живем-можем?

— Как можем, так и живем, — словно заклятье, произнес Миша и ринулся к уху гражданина с такой скоростью, будто хотел его откусить. Знакомые, быстро перебирая губами, о чем-то зашептались.

Сначала Мартын ничего не слышал. Потом, по мере того как беседа подогревалась, до него стали долетать отдельные обрывки фраз. По ним Благуша установил, что тема разговора возвышенна и благородна, но носит трагический характер. Миша жаловался на то, что улучшение работы местного универмага бьет его по карману. Знакомый Миши с лицом вулканического происхождения, наоборот, был настроен боевито и оптимистически:

— Хорошо работают не все универмаги. И в этом наше счастье. Человек, который может достать вещь, еще не скоро выйдет из обихода... Попробуйте купить цигейковую шубку или нейлон-паутинку. Или гарнитур в стиле «Вампир».

— А что, кому-нибудь надо? — оживился Миша. — Я могу достать гарнитур... Это трудно, но возможно... Это будет пахнуть...

— Не надо, я сам достану что угодно для души. Главное, Миша, знать, где чего не хватает, в каком городе что дефицитно. Надо чутье иметь!

Миша зашевелил ушами и втянул воздух.

...Людам, творящим правое, нужное дело, не к чему таиться. Они говорят о нем полным голосом. Но есть среди нас еще личности, говорящие шопотом. Они толкуются возле магазинов, предлагая на ухо товар, которого в данный момент нет на прилавке. И, конечно же, просят приплаты за услугу... Они пролезают в учреждения — там их шопот похож на жужжание мухи. И, как мухи, эти шептуны разносят заразу сплетен, накипа слухов. Но личности, говорящие шопотом, имеют голоса. Попробуйте схватить их за ухо и извлечь из щели на свет. Ого, каким благим матом они завопят!.. И надо уметь распознать их подлинный голос, а подчас и голос, с которого они шепчут.

— Господи, ну и мерзота! — вздохнул Мартын, сдерживая желание подойти к шептунам и стукнуть их лбами. — Шопот, робкое дыханье, трели милицейского свистка, как сказал бы Можаяев. Ну, что поделаешь — общественная нагрузка: надо выяснять тайны козпальто...

Миша извиняющимся тоном прошептал:

— Простите, но пока Виктория Айсидоровна опаздывает, я тут выясню одно обстоятельство...

«Спасибо товарищу Можаяеву, который втянул меня в эту историю, — размышлял Мартын. — Сагитировал на поход к этим пройдам. Тебе, говорит, они почему-то больше доверяются. Обидно. Если я не ввязываюсь во все встречные скандалы и занимаюсь только своим делом, то меня, значит, можно причислить к лику неправедников? А тут еще Надя! Но я докажу Наде, что я могу не хуже Юрия сдать экзамен на Шерлока Холмса».

— Я уже тридцать секунд здесь, — сказала Вика, — а вы меня не замечаете. Для ответственного работника искусств это неприлично.

— Работники искусств не любят опозданий, — сказал Мартын серьезно. — Но я прощаю вам полчаса, так как это наше первое свидание!

«Хлопчики, — подумал Благуша, мысленно хватаясь за голову, — еще час — и я стану законченным пошляком. Ах, бис меня возьми! Неужели Юрий прав, и я еще настолько несовершенно?»

Вика одобрительно притопнула туго очулоченной ножкой:

— Когда с вами нет этого противного Можаяева, то вы совсем другой. Я сразу поняла еще там, в Красногорске, что вы можете оценить душу красивой женщины.

— Оценить? — как из-под земли вырос Миша. — Здравствуйте, Виктория Айсидоровна! Простите, я не слышал, что надо оценить?

— Ах, Миша, вы этого не поймете! — сказала Вика и взяла Мартына под руку. — Ведите нас лучше к Маргарите Бакшиш, к этой суперженщине!

— Пожалуйста, — прошептал Миша. — Идемте, она нас ждет. Но что касается оценок и расценок, имейте в виду — я специалист. Сейчас специалистам стало хуже. Человек идет в магазин и покупает вещь. Но разве эта вещь — вещь? Она стандарт. Вот я достаю только уникальные предметы. Но моя зарплата все-таки падает. Покупатели все больше верят в магазин и все меньше в меня. Плохие времена!

— А почему бы вам не устроиться на работу? — наивно спросил Мартын.

— Не говорите так, — прошептал Миша, — вы мне делаете больно. Я ж инвалид. У меня галлюцинации по ночам. Мне вечно снятся гадальные карты: дальняя дорога, казенный дом, бубновый туз... Я могу вас обслужить, могу достать все, что хотите. Даже билет в Большой театр в Москве... На «Лебединое озеро» со всеми удобствами. Я могу познакомить вас

с нужным человеком, дать консультацию по жизненно-необходимым вопросам... Но подчиняться труддисциплине не могу. Нервы! Простите, я вас сейчас догоню, — и Миша юркнул в подворотню.

Несколько минут его не было. Но вот Миша выскочил впереди, метрах в ста, из другой подворотни и как ни в чем не бывало стал поджидать спутников.

— Просто я не хотел встречаться с одним нехорошим человеком, — пояснил Миша вполголоса. — Я не могу с ним разговаривать. Он всегда делает мне больно.

— Кредитор? — спросил Мартын.

— Нет. Я никому не должен. Предпочитаю деньги взаймы не брать. Как говорят знающие люди: «берешь взаймы на время, а отдаешь навсегда». И все равно приходится ходить по городу с оглядкой. Такое уж мое собачье счастье!

Вика, Мартын и Миша двигались улицей 31 мая и свернули на мост имени Женского дня. После дождя город как-то подурнел. Стены стали серыми, а тротуары — белыми. С заборов обильными потоками стекала краска... Общую картину несколько оживляли плакатики «ОСТОРОЖНО: ОКРАШЕНО!», антигусиные знаки и железные щиты «НЕ СИФОНЬ, ЗАКРОЙ ПОДДУВАЛО!».

Поход к Маргарите Бакшиш протекал без особых происшествий. Вика мило щебетала, отвечая на приветствия знакомых. Мартын мысленно проклинал Можаяева. А Миша время от времени шептал: «Я вас догоню» — и скрывался в подворотнях.

Выскакивая затем из очередного проходного двора, он застенчиво топорщил свои кошачьи усы и жаловался:

— Неудачный день! Я не говорю о встречах! Но я сейчас узнал, что в магазин номер семь привезли шерстяные мужские костюмы. Такое мое собачье счастье! И Виктория Айсидоровна сегодня без машины. Как назло!..

— Я разнашиваю новые туфли, — заявила Вика. — И три дня придется ходить пешком. Это ужасно, когда все кругом толкаются. Надо было бы установить порядок: когда идет не простой смертный, перекрывать пешеходное движение.

Миша опустил свои ангорские глаза, пошевелил усами и прошептал:

— Хороший товар носите! Вчера эти туфли пахли полтыщей. Сегодня уже поношены. А завтра возьмут да и в магазин привезут. Вещь станет стандартной... Такой клиентке, как вы, положено носить только то, чего никто не носит...

Вика, Миша и Мартын долго лавировали среди ям городского парка. Там, где город уже постепенно начинал сходиться на нет, они остановились возле высокого сплошного забора.

Миша отсчитал тринадцатую доску справа от калитки и начал на ней выстукивать сложную музыкальную фразу, которая положена на слова: «В нашей жизни всякое бывает».

За забором раздался лай, на соседней даче заплакал ребенок. Загremели железные засовы калитки.

Им открыла высокая старуха. Огромная, как белый медведь, собака рычала на пороге конуры, сделанной из бочки.

— Диоген! Цыц! — сказал Миша, убедившись, что пес на цепи. И, обратившись к старухе, добавил, кивнув на своих спутников: — Эти со мной. Марго у себя? Осторожно, Виктория Айсидоровна. Подальше от собаки. Она делает больно. Посмотрите, какие у нее злые глаза. Она покусала столько людей, что в ней половина человеческой крови.

— Ах, какая дача! — сказала Вика. — Люкс! Экстра!

Мартын не обращал внимания на замечания своих спутников.

«Так вот каков коттедж Самозванцева! — думал он. — Тот самый, который оформлен на Бакшиш! Гарно получается! Пожалуй, в другой раз мне придется шагать вместе с Юрой».

— Вот живут люди! — завистливо прошептал Миша. — Правильно говорится: лучше быть здоровым, но богатым, чем бедным, но больным.

И кошачьи усы грустно опустились.

Хозяйка, улыбающаяся пышная женщина, встретила посетителей на середине большой комнаты. Алмаз на ее пальце метал молнии. Синий атласный халат-безрукавка, согласно новейшей кудеяровской моде, кончался почему-то шлейфом. Новой модой веяло и от домашних туфель Маргариты Бакшиш. Спереди на каждой туфле была вышита лисья морда. Вместо глаз — две пуговики. Когда Маргарита стояла, лис не было видно. Но стоило ей пойти, патрикеевны начинали поочередно выглядывать из-под полы халата... Вместо буквы «р» Бакшиш произносила букву «х».

— Разрешите мне, — сказала Вика после положенных приветствий и рукопожатий, — звать вас просто Марго.

И женщины, прильнув друг к другу, затараторили о каких-то своих дамско-трикотажных делах.

— Вы свой кожреглан возьмете с собой? — спросил Миша Благушу. — Или Виктория Айсидоровна пришлет машину попозже?

— Я должен подумать, — ответил Мартын, пошелестев в кармане наличностью — тремя рублями, которые Юрий выдал ему из общей кассы на случай непредвиденных расходов по кожевенной экспедиции.

— Киностудия не отпустила дополнительных средств на расследование злодеяний в городе Кудеярове, — сказал Юрий, когда Мартын уходил. — Но если тебе придется катать даму на автобусе, то ты не должен ударить лицом в грязь. Вот тебе трешница и смотри, не купи на нее пальто.

«Трешница... И столько же у Юрия, — подумал Мартын. — Вика сказала: «Вы же операторы, а операторы — богатый народ. Хорошо быть женой оператора...» Слава богу, если Юрию удастся заложить в ломбарде свои и мои часы... Тогда мы разбогатеет. В конце концов, идя к славе, не обязательно считать минуты!.. Авань еще и Шишигин пришлет денег...»

— Чего же вы раздумываете? — азартно зашептал Миша, и его усы зашекотали ухо Благуши. — Такой товар надо хватать. Вы народ денежный... Своим сомнением вы мне делаете больно! Цена — четыре косых. Даром!

— У меня только три, — неуверенно произнес Мартын и снова пошелестел купюрой.

— Меньше чем четырьмя тысячами это не пахнет, — погрузился Миша. — Но в крайнем случае разницу занесете завтра. Учтите: качество. Уникальная вещь! Индпошив! Рыжее шевро с золотым отливом! Шагреневская кожа!

— Шагреневая, — поправил Мартын снисходительно.

— Это вот они, — кивнув на женщин, прошептал Миша, — общественно-политической литературы не читают. А я знаю, кто такой был Бальзак. И про кожу я его читал. Но эта лучше! Ее наш красногорский комбинат выпускает. Освоили при директоре товарище Шагреневе. Вот мы ее так и называем — шагреневская. Если вы на рынке куртку из такой кожи встре-

тите — хватайте! Такого вы в магазине никогда не достанете: комбинат курток не шьет...

— Я вам теперь покажу моих собачек, — заявила хозяйка и, запахнувшись в халат, пошла в другую комнату. Из-под ее подола поочередно выглядывали лисьи морды.

— Ну, я пошел, — сказал Миша, — мы еще увидимся. У меня деловое свидание. В магазин номер шесть через пять минут привезут брюки... Кроме того, я не люблю собак, а они отвечают мне взаимностью.

— Гав! — раздалось за дверью.

— Они делают мне больно, — прошептал Миша и скрылся.

Вошла Марго с желтым кожаным пальто в руке. За ней шли семь белых пуделей мал мала меньше. Псы были подстрижены под львов.

— Собачки шик-модерн, — восхитилась Вика. — Правда, Март?

— Семь пуделей, как семь слонов, — сказала хозяйка, — приносят счастье дому.

Она помогла Мартыну надеть пальто и подпоясала его. От кожи пахло свежим телянком. Реглан скрипел, как новенький бумажник.

— Никто не скажет, что вы оператор, — произнесла Вика, отступая на несколько шагов и чуть не задавив самого маленького из пуделей. — В этом пальто вы типичный главный режиссер. Таким я себе представляю самого Протарзанова! Ах, как я завидую его жене!

— Четыхе тысячи! — назначила цену Марго.

Пудели дружно залаяли.

— Дешевле не могу! — приложив руку к району сердца, произнесла хозяйка. — За что купила, за то и пихаю!

— Вот тут царапина, — заметила Вика, поворачивая Мартына спиной к свету. — Вот здесь перекрашено. Сама крашусь десять лет, знаю толк в этом деле. Три тысячи, и ни рубля больше!

В это время пудель номер шесть начал грызть Викин каблук, а пудель номер два стал лизать пальто, которое Мартын бросил на диван.

Марго согнала собаку с дивана.

— Сколько с ними забот! Позавчера Миша пхивез мне самого модного собачьего пахикмахеха. Он их стхиг электхической машинкой. А я плакала весь день... Вы себе не можете пхедставить, как их было жалко! Я пообещала пахикмахеху сто хублей, и он тоже плакал! Стхижет и плачет, стхижет и плачет! Тхи тысячи восемьсот, и ни копейки меньше!

— А как зовут этих чудесных песиков? — спросила Вика, игнорируя денежный вопрос.

«Зверячья дипломатия, — подумал Мартын, стоя у окна и наблюдая за бочкой с Диогеном. — Разбалакались, як свинья с гуской...»

— Собаке идет, когда ее зовут кхасиво, — сказала Марго. — Тхудно выбхать подходящее имя. Тут пхиезжал мой бхат и сказал, что если собака живет в бочке, то собаку почему-то можно звать Диогеном. Почему — он мне не объяснил, но имя мне понхавилось. А эти пуделя опхеделенных имен не имеют.

Мартын даже отвернулся от окна.

— Не имеют постоянных имен? — переспросил он. — Как же вы их называете?

Безыменные собаки залаяли хором.

— Знаете, надоедает собаку звать одинаково несколько лет. Я люблю хазнообхазие... Тхи тысячи восемьсот — окончательная цена.

— А у кого это плачет ребенок? — спросила Вика. — Вот, слышите, опять?

— На соседней даче живет известный гипнотизех. Он так скуп, что о нем говошили, будто он женился на своей домработнице, чтобы сэкономить на ее жаловании, — сказала Марго. — Вот сейчас он ходит по саду и усыпляет хебенка.

— Я встречала его жену, — сказала Вика. — Она красит ноги под нейлон. Три тысячи двести. Вы поглядите, какая подкладка, — это же мешок!

— А как только у гипнотизеха собехутся гости, так сидят до тхех часов ночи, — не обращая внимания на Викины слова, продолжала Бакшиш. — И почему бы, вы думали, они сидят? Все остхы на язык, и каждый боится уходить пехвым... Уйдет, а вдхуг оставшиеся начнут его обсуждать, хазбихать по косточкам, по косточкам... В тхи все встают и охганизованно уходят... Тхи тысячи семьсот пятьдесят. Я несу убытки. И вообще мои собаки культухнее этой гипнотизехши...

— Три тысячи двести, — сказала Вика, вставая с кресла, — это мое последнее слово.

— А вы, — обращаясь к Мартыну, спросила Марго, — ведь вы хотели покупать пальто?

— У вас пальто одно, — произнес Мартын, шелестя в кармане трешницей, — я уступаю его даме.

— Эта вещь пхинадлежит моему мужу, — пояснила Марго, — а у меня есть еще одно пальто — моего бхата. Я вам его могу уступить. Он его ни хазу не надевал. И вообще он любит дхап.

— Я учту это обстоятельство, — сказал Мартын, придавая голосу протарзановские интонации. — Пока я получу перевод на крупную сумму, ваш брат может носить это пальто недели две.

— Три тысячи двести, — объявила Вика и внушительно добавила: — И не забывайте, что я номенклатурная жена!

«Козырной туз, — подумал Мартын, наблюдая торг. — Бой нокаутом выиграла Закусилиха на третьем раунде».

А Марго тем временем звенела браслетами, как солистка цыганского ансамбля, и произносила хвалебную речь в честь и. о. председателя горсовета. Даже собаки притихли, слушая голос своей хозяйки.

— Только для вас, — вздохнула Марго. — За тхи тысячи двести пятьдесят...

— Я хочу сделать Олегу Игоревичу подарок, — пояснила Вика, — сюрприз ко дню рождения. Поэтому я его даже не взяла на примерку. Хотела купить что-нибудь в магазине, но мне, как жене председателя, просто неприлично толкаться со всеми у прилавка. А директора магазинов просто обнаглели: они делают вид, что не знают, кто я. Я предпочитаю приобретать вещи в частном порядке.

— Ай-ай-ай, — посочувствовала Марго, — какой чехствый наход!

— Я заеду сегодня вечером за пальто и привезу деньги, — сказала Вика. — Значит, три тысячи двести пятьдесят. Ладно, куплю ему пальто, хотя он и не очень заслуживает. Ах, мадам Бакишиш, мадам Бакишиш! Не могу без вздоха вспомнить своего бывшего мужа — стоматолога. Хотя он был не номенклатурное лицо, но умел меня содержать. Ах, как надо продуманно определять избранника сердца...

«Ну и хищница, — сказал про себя Мартын, — недаром Можаяв о ней говорил — щука».

— Если у вас сейчас не все деньги, — проговорила Марго, — то можно в хассхочку — я вам вежу.

На участке гипнотизера заорал радиоприемник: вероятно, ребенок окончательно отказался уснуть и хозяин, чтобы заглушить ворчание супруги, прибег к помощи техники. На пойманной волне слышались жалобные детские голоса, рычание, чей-то страшный бас. Все покрывалось громким мяуканьем. Очевидно, шла детская передача.

— Наконец-то мы покинули это собачье царство, — обрадовался Мартын, когда калитка захлопнулась.

И Вика уцепилась за руку Мартына.

— Итак, Март, — сказала она после паузы, — Кудеяров благодаря вашему визиту будет знаменитым городом. Все увидят на экране наши сады. Озеленение! Порядок на улицах! А председателя вы не снимали? Игорь мне ничего не говорит...

— Не снимали.

— А будете? Я же должна знать, как его одеть.

— Специальных приготовлений не надо, — сказал Мартын. — У нас свой, особый метод съемки. Мы снимаем неожиданно, так что объект даже не понимает этого. Получается очень натурально.

— Но я должна знать хотя бы, когда...

— Хотя бы завтра...

Вика облегченно вздохнула.

Возле магазина «Готовое платье» Мартын и Вика встретили Мишу. Он был задумчив. Какие-то промтоварные мысли роились в его голове. Увидев Вика, он оживился.

— Приобрели? — как обычно, шопотом спросил он. — С обновкой вас! А вы, — зашептал Миша Мартыну на ухо, — тоже купили?

— Я... — начал Мартын, но в это мгновение Миша испуганно зашевелил своими кошачьими усами и бросился в подворотню. Однако тут же был схвачен за шиворот какой-то энергичной гражданкой.

Мгновенно собрался народ.

— За что бьют? — спрашивали зрители.

Гражданка била сумочкой Мишу по лицу — слева направо и сверху вниз.

Миша жмурил глаза и не пытался вырваться.

— Не делайте мне больно! — изредка произносил он, и Мартын впервые услышал его голос. Голос был густой, но противный.

— А я его бью за то, — приговаривала гражданка, — что он мне устроил вот эту сумочку, получил сто рублей комиссионных, клялся, что такой ни у кого нет. А такие — пожалуйста, в магазине! Аферист.

— А ты не доверяй всяким личностям, — сказали из толпы, — в магазин ходи. Министерству торговли верь.

Гражданка выпустила Мишу и пошла своей дорогой.

Толпа начала редеть.

Миша подошел к Вике и Мартыну и снова зашептал:

— Заговорился с вами, не увидел, кто идет. Но меня били сейчас доброжелательно...

— Как это? — заинтересовался Мартын.

— Бывает большее... — И вдруг ангорские глаза его погрузнели, усы опустились вниз.

— В чем дело? — спросила Вика. — Опять кто-нибудь идет?

— Как говорят у нас в Виннице, — вставил Мартын: — Кто порося вкрав, у того в ушах пищить.

— Нет, — вздохнул Миша, — просто вспомнил: сейчас в магазин номер восемь привезли откуда-то партию пальто... Опять убытки. Такое мое собачье счастье..

КТО СМЕЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ...

Исполняющий обязанности предгорсовета учинял очередной разнос строителям клуба. Мощный голос Закусил-Удилова покрывал грохотанье камнедробилки:

— Целый год я вас работать учу, а клуб где? Исполком слушал-постановил, тут по плану уже кино должны крутить, платные танцы устраивать. А что мы имеем на сегодняшний день?

И своим и. о. председательским оком Игорь Олегович окинул панораму строительства, напоминавшую популярные развалины древнеримских культурно-просветительных учреждений.

Среди груд каменных осколков высилась мраморная дама, схватившаяся за голову. По замыслу знаменитого архитектора Массандрова эта кариатида должна была поддерживать балки над входом. Но за полтора года, кроме роскошной мраморной женщины, ничего не соорудили, ибо на остальное здание ассигнованных средств не хватило.

— Что мы имеем на сегодняшний день? — задумчиво повторил прораб. — Кирпича не имеем, цемента не имеем, транспорта не имеем, рабочих тоже нет: кому охота сложа руки сидеть? Вот и остались я да сторожа, как лица материально ответственные. Дробим камень для горасфальта — не ржаветь же агрегату без дела?

— Вот я тебя с работы сниму, строительная твоя душа, — закричал Закусил-Удилов нехорошим голосом, — будет у тебя время подумать, что ты мне наговорил! Я тут вас, бездельников, в щебенку раздроблю! Это мое мнение, и я его вполне разделяю!

И неизвестно, какие кары пообещал бы прорабу исполняющий обязанности, как вдруг на крыльце проходной будки появилась женщина в соломенной нимбообразной шляпке и очках-светофильтрах.

— Игорь! — крикнула она и сделала энергичный жест ладонью. — Боже, как ты шумишь! Пойди сюда. Есть новости.

— Закусилиха собственнично, — пробормотал прораб. — Событие!

На улице, возле машины, между супругами произошел какой-то важный разговор. Помидорные щеки Игоря Олеговича дважды зеленели и дважды снова наливались томатным соком.

— Это очень-очень важно, — сказал Закусил-Удилов озабоченно. — Я это учту, немедленно учту. Хорошо, что ты меня предупредила. А когда это может произойти?

— Сегодня! Но ты уже в курсе дела. Тебе не страшно, — сказала Виктория Айсидоровна, влезая в машину. — Игорь, тебе нужен моцион! И вообще, сидя в автомобиле, трудно общаться с массами. Хватит мне ждать твоей славы! Ты должен действовать. Это последнее мое предупреждение!

Авто умчалось. Игорь Олегович вернулся к мраморной даме и сказал прорабу с неожиданной нежностью:

— Так ты кирпича просил? Цементу, значит?

Прораб ошеломленно прислонился к агрегату. Такого ласкового выражения на лице Закусил-Удилова он не примечал ни в один строительный сезон. Чем могла быть вызвана столь резкая перемена в поведении Удилова?

Игорь Олегович великодушно похлопал по плечу растерявшегося прораба и покинул объект.

Завидя начальство, дворники суетливо загоняли гусей в подворотни и начинали бойко размахивать метлами. Руководители бани № 1, к которой приближался Закусил-Удилов, запа-

никовали. Хотели уже освободить парилку, так как Закусил-Удилову обычно было благоугодно париться в одиночку. Но он равнодушно проследовал мимо и направил свои стопы к парикмахерской № 3.

Там к приходу Игоря Олеговича уже все было готово: один из постоянных клиентов забежал предупредить мастеров грешка и лезвия о надвигающейся опасности.

— Иду я мимо клубной стройки, — запыхавшись, сообщил он, — и слышу крик. Как старый коммунхозовец, я сразу определил: у Закусил-Удилова короткое замыкание! Так что, будьте готовы ко всему.

И ветеран коммунального хозяйства, не соблюдая правил уличного движения, помчался предупреждать других.

Тотчас были приняты все меры: в директорский кабинет трое мастеров при помощи гардеробщика внесли зеркало-трюмо, рядом с ним установили два вентилятора, лучшего мужского мастера Мусю Васильевну срочно отозвали из соседнего буфета, где она использовала свое право на обеденный перерыв.

Все знали, что Игорь Олегович в общем зале бриться не любит и свои алые ланиты доверяет только Мусе Васильевне. Чтобы во время парикмахерских процедур он не покрывался обильной испариной, обеспечивалась непрерывная циркуляция воздуха.

Заскрипели половицы, и в парикмахерской сразу стало теснее: широкие закусил-удиловские плечи целиком загородили весь дверной проем. Игорь Олегович молча поклонился трем небритым мужчинам и одному лохматому мальчику.

— Простите, кто здесь крайний? — спросил он мягким голосом.

— Наверное, его сняли, — пробормотал изумленный бригадир. — Что с ним произошло? Не узнаю...

— А может, это наши письма и жалобы подействовали? — шепнула бригадиру дамского зала изумленная Муся.

Тем временем клиент, коротая время, тихо шагал по комнате ожидания, читая прејскурант, стенгазеты, плакаты и объявления:

«...Оформление бровей пинцетом	— 4 р.
Оформление и поднятие ресниц	— 3 р.
Радиоактивный массаж	— 8 р...»

— Радиоактивный, реактивный, радиолокационный... это актуально, — пробормотал Закусил-Удилов и перешел к изучению стенной газеты.

«Мастер мужского зала П. Дамочкин бреет уже в счет 1956 года!» — объявляла статья.

— Передовик! — быстро оценил достижение П. Дамочкина и. о. предгорсовета. — До чего добрился!

Потом Игорь Олегович долго знакомился с заметками сатирического отдела, озаглавленного «Волосы дыбом».

Далее Закусил-Удилов долго изучал красочное объявление работы анонимного художника:

«ТРЕБУЙТЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КИСТОЧКИ ДЛЯ БРИТЬЯ ВО ИЗБЕЖАНИЕ ГИГИЕНЫ».

Брила его все-таки Муся Васильевна. Но уже как обыкновенного смертного, в порядке живой очереди. Игорь Олегович вел себя так тихо, что у Муси это вызвало дрожь в руках, и впервые за последние пять лет она совершила порез щеки. Муся даже зажмурилась от ужаса, предугадывая катастрофические последствия. Но... ничего не произошло.

— Товарищ Муся, — тепло проговорил Закусил-Удилов, когда ему прижгли порез, — не в службу, а в эту самую... как ее?.. Ну, в общем выгляните на улицу: нет ли там чего-нибудь необычайного?

Муся Васильевна вернулась и доложила, что все спокойно. Игорь Олегович проворчал что-то про себя, а затем, освежив томатные щеки одеколоном и рассчитавшись, поклонился онемевшим мастерам:

— Счастливо стричь и брить! Обеспечить население парикмахерскими услугами — наша главная задача...

...Появление исполняющего обязанности предгорсовета на метеорологической станции было неожиданным даже для местных прогнозистов. Всего лишь два дня назад Закусил-Удилов подобно девятибалльному шторму обрушился на метеостанцию и разметал в пух и прах всю службу погоды.

На этот раз Игорь Олегович был нежен и ласков, как майский ветерок. Он подарил девушкам-лаборанткам букет ромашек. Попросил старичка-метеоролога, которого все звали «завоблаками», спрогнозировать на ближайшие три дня переменную облачность без осадков и при этом пояснил:

— Мне эти три дня, учтите, остро нужны...

Завоблаками, часто хворающий старичок с лирическим складом души, впервые увидел грозного Закусил-Удилова и был им совершенно очарован:

— Какой симпатичный деятель! И как могут оклеветать человека! И самодур он, дескать, и демагог. А он просто подозрителен, озирается постоянно, высматривает кого-то...

До обеда Игорь Олегович, несмотря на отсутствие машины, побывал во многих местах. В яслях при кондитерской фабрике он кричал «агу» младенцам, источавшим ванильный аромат.

В часовой артели «Современник» любопытствовал, во сколько раз минутная стрелка движется быстрее часовой и есть ли в питьевых баках остуженный кипяток.

Возвращаясь в горсовет, Закусил-Удилов почему-то почувствовал себя несколько неуютно. Кудеяровцы, которых он встречал по дороге, как-то странно-насмешливо поглядывали на него, перемигиваясь друг с другом.

— Ничего, — говорил сам себе Игорь Олегович. — Хорошо смеется тот, кто смеется последним! Будешь ты, Игорь, председателем горисполкома! Как удачно получилось, что меня Вика предупредила.

Усевшись в тугое кожаное кресло у себя в кабинете, исполняющий обязанности обрел душевный покой и тотчас повелел вызвать Сваргунихина.

— Ну, какие там последние известия? — спросил Закусил-Удилов. — Что обо мне говорят?

— Да, как обычно, — колеблющимся голосом ответил Сваргунихин, — разное говорят, ассорти, так сказать.

— Свеженькое узнай, сегодняшнее. Понял? Иди. Да побыстрее!

Сваргунихин так неслышно вошел в приемную, что секретарша и ее подруга из бухгалтерии продолжали разговаривать и смеяться, не замечая его.

— Слушай дальше. Нашего временно председательствующего должны были сегодня снимать операторы кинохроники. Прямо за делом — где он бывает, что делает. Чтоб, значит, жизненно было. Как он это утром нынче узнал, так его словно подменили. Везде был, со всеми говорил. Вежливый, тихий, ласковый...

— Искусство перевоплощения, — проговорила работница бухгалтерии. — Нам бы его в наш драмкружок на роль...

Заметив Сваргунихина, работница бухгалтерии схватила секретаршу за руку.

— А-а, — махнула рукой секретарша, — он не слышит.

Сваргунихин бесшумными шагами прошел через приемную и закрыл за собой дверь.

«Большая неприятность, — подумал он. — Когда все смеются над одним, то одному плохо».

Из-за двери финотдела донесся взрыв хохота, и Сваргунихин, как булавка к магниту, прилип к замочной скважине своим большим, как капустаный лист, ухом.

— Но вы послушайте самое забавное. Ходит он этак по городу, сам на себя не похож, разговаривает не своим голосом и озирается по сторонам: когда же, мол, меня снимать будут на всесоюзный экран? Поскорей бы! Уж больно надоело полдня исполнять обязанности хорошего человека. А операторы-то, го-

ворят, утром из Кудеярова уехали! Отбыли в неизвестном направлении и горсовету не доложились. Ничего не поделаешь — не подчинены!

Сваргунихин почувствовал слабость в ногах и пошел в свою комнату. Столы были пусты — очевидно, все собрались в финотделе.

«Теперь председателем ему не быть... Он рассчитывал, что его для кино снимут, а его с работы... — думал Сваргунихин. — Уж больно он за последние дни выказал себя. Что же мне теперь делать-то?»

Он подошел к окну. Наискосок от исполкома, возле фототелье, толпились смеющиеся прохожие: фотографы изымали из витрин крупногабаритный портрет и. о. председателя горисполкома.

«Дипломаты, — подумал завистливо Сваргунихин. — Снимают на всякий случай... А мне как быть? Впрочем, кажется, имеется одно запасное местечко...»

Сваргунихин торопливо снял трубку телефона и набрал номер. Оглянувшись на дверь, он вполголоса спросил:

— Дача Бомаршова! Три пятнадцать, два звонка. Управляющего. Петя? Это я. Сваргун. Твоему хозяину еще нужен агент по снабжению? Или, как там по-вашему, по-литературному, закупщик, что ли? Имей меня в виду. Да, обстоятельства изменились. Между нами... — Сваргунихин еще раз оглянулся и, почти засунув трубку в рот, прошипел: — Закусил на низ пойдет в ближайшие дни. Ясно? Петя! Помни обо мне.

Едва Сваргунихин успел положить трубку на место, как в дверь заглянула секретарша.

— Зовут, — прокричала она в ухо Сваргунихину. — Предупреждаю, короткое замыкание! Рычит! Грозится все кино уничтожить!

Сваргунихин заметался. Итти к начальству? А может, Закусил теперь уже не будет начальством?

И, то сгибаясь, то разгибаясь, Сваргунихин побрел навстречу неизвестности.

Игорь Олегович выкатил на него свои телячьи глаза:

— Какого чорта раньше про отъезд операторов не сказал?

— Кого? — зашевелил ушами Сваргунихин.

— Да ты что прикидываешься? Ты в моих словах каждую букву слышать обязан. Раз я сказал — значит, все. Где операторы?

— Куда? — невозмутимо продолжал Сваргунихин.

Закусил-Удилов на секунду растерялся, застыл в нерешительности, но потом схватил тяжелую пепельницу:

— Пошел ты...

Сваргунихин растворился в дверных портьерах.

— Нет верных людей, — вздохнул и. о. — Опереться не на кого.

С улицы донесся чей-то заливистый смех. Закусил-Удилов подошел к окну. Внизу, в палисаднике, группа исполкомовцев о чем-то оживленно беседовала.

Грузно топоча, Закусил-Удилов выбежал из кабинета.

Появление и. о. начальства не смутило сотрудников. Они продолжали веселое собеседование. Игорь Олегович даже несколько оторопел, но быстро пришел в себя:

— Демобилизуете коллектив? Что за вечеринки среди рабочего дня?!

— Кстати, среди рабочего дня, — спокойно пояснил Иркутьев из жилотдела, — имеется обеденный перерыв.

Закусил-Удилов пересчитал сотрудников и зловеще произнес:

— Гуляйте, гуляйте... пока... Но что-то давно у нас не было сокращения штатов... Пора, пора покончить с раздутым управленческим аппаратом!

Но в этот момент Игорь Олегович не увидел на привычном месте своего портрета в витрине фотоателье.

— Интриги! — пробормотал и. о. — Доберусь я и до этих операторов. Я им покажу, как дискредитировать ответственное лицо!

И, не обращая внимания на дружный хохот подчиненных, Игорь Олегович ринулся на противоположную сторону улицы.

Фотографы, завидев надвигающуюся грозу, быстро юркнули в помещение, подперли дверь штативом и вывесили табличку: «Ателье закрыто на фотоучет». Но второпях артельщики забыли снаружи одного из своих. Брошенный на произвол судьбы мастер в панике метался перед витриной, пока тяжелый взгляд и. о. председателя не приковал его к месту.

— Ну? — спросил Закусил-Удилов.

— Мы так, мы ничего, — забормотал фотодеятель. — Портретик ваш нуждается в дополнительной ретуши... Мы его и того...

— Зайдите ко мне завтра с патентом, — сказал и. о. — Разберемся, по какому праву вы занимаете это помещение.

Как на грех, из-за угла, степенно шагая, появился представительный гусак с оранжевым клювом. Это нарушение директив переполнило чашу закусил-удиловского терпения. Произошло «короткое замыкание». Игорь Олегович распек подвернувшегося под руку милиционера, сделал выговор трем случайным прохожим, пригрозил всем дворникам улицы увольне-

нием без выходного пособия. При этом несколько раз были помянуты нехорошими словами и гусак-нарушитель, и заезжие операторы, и даже Иркутьев из жилотдела.

Неизвестно, до чего договорился бы исполняющий обязанности, если бы его не смутило поведение сотрудников и прохожих. Чем больше распалялся Игорь Олегович, тем громче становился смех окружающих. И кроме того, Закусил-Удилова все время раздражал какой-то непонятный стрекочущий звук.

Наконец, не выдержав, и. о. вскричал:

— Кто трещит? Кто смеет мешать руководящим указаниям?!

И, властно выгнувшись, он оглядел улицу.

— Минуточку, вот так, не шевелитесь, — раздался в ответ деловитый голос. И опять послышался таинственный треск.

В тени сиреневого куста, на краю исполкомовского палисадника, стоял молодой брюнет с киноаппаратом в руках...

АВТО-МОТОБИОГРАФИЯ

- Уважаемый механик, можно вас на секундочку?
- Владимир Прохорович, уделите минуточку!
- Товарищ Калинин, вы обещали сейчас подойти!
- Володя, будьте ласковы!..
- Браток! Сделай доброе дело!..

И главному механику станции автообслуживания Владимиру Калинин, аккуратному молодому человеку с черными бачками, приходилось ежесекундно проявлять ласку, любезность и доброту. Его синий щегольской комбинезон мелькал то у бензозаправочной колонки, то возле склада запчастей, то на площадке для мойки машин.

Через калинкинские руки за день проходили сотни различных механизмов.

— Товарищ главный, — вкрадчиво обратился к Владимиру Прохоровичу какой-то испуганный автопутник в майке и крагах. — Видите ли, я только начинаю учиться водить автомобиль... И машина-то не моя, а одного приятеля...

Серенький «Москвич» печально глядел на дорогу одной фарой и несколько припадал на переднее правое колесо.

— В следующий раз берите машину не у друзей, а у врагов. И вообще не расстраивайтесь, с каждым бывает. Не могли разехаться со столбом? Так? Вы налево — и он налево, вы направо — и он направо?

— Да! — радостно согласился путник в майке. — Значит, это типично? Вы меня вдохновляете!

— Буксиром обеспечу, — утешил потерпевшего Владимир Прохорович, — больше ничем помочь не могу!

Напевая «Выхожу один я на дорогу», Калинин направился было к станции, но его остановили.

Возле механика стоял мужчина в ермолке. Он радостно жестикулировал, несколько раз раскрыл рот, но никаких звуков почему-то не производил.

— Что за пантомима? — удивился Калинин.

— А у него сирена испортилась! — крикнул бензоаправщик. — Он двести километров гудел сам.

— Вы, товарищ, шагайте в медпункт, а я тем временем вашей сирене голос поставлю, — и Владимир Прохорович направился к онемевшей машине. Через минуту автомобиль уже обрадованно сигналил, поторапливая владельца.

— Рубль семьдесят в кассу! — сказал Калинин вернувшегося из медпункта шептуну. — Что сказала медицина?

— Прописали дышать паром, — прошипел пациент. — А где я его в дороге возьму?

— Отвинтите пробку радиатора и дышите сколько угодно!

С террасы, где на плетеных оттоманках отдыхали пассажиры, слышался восторженный дамский вопль.

Владимир Прохорович оглянулся. У бензоколонки остановился зеленый лимузин. Из него изящно выпрыгнул высокий мужчина в белом теннисном костюме. Несмотря на жару, его горло было старательно замотано шарфом: народный тенор Красовский берег голос.

Калинкин подошел к артисту, и друзья долго трясли друг другу руки. Владимир Прохорович с превосходством посмотрел на террасу. Старое знакомство со знаменитым тенором давало ему право на такой взгляд.

Красовский давно уже обзавелся личной машиной. А владельцы автомобилей всегда искали дружбы Калинкина. Если на других станциях даже мелкая поломка грозила крупной потерей времени, то у Владимира Прохоровича больше четверти часа никогда никто не задерживался. Опытные туристы предпочитали «дать крюк» в десяток километров, но починяться на «калинкинском перекрестке». В числе знакомых Владимира насчитывалось три академика, пять заслуженных артистов и один народный, восемь композиторов, два художника и девяносто семь писателей, из коих восемьдесят были драматургами. Вероятно, поэтому пешеходам, мечтающим о собственных машинах, Калинин резонно советовал:

— Пишите драмы, пьесы сочиняйте!

— Опять на рыбалку, Семен Иванович? — любезно спросил Калинин тенора. — Учтите, на Моржовом пруду вот уже две недели рыбы забастовку устроили — отказываются клевать. Знаменитый капитан китобойной флотилии Маломедведицын — серый «Москвич» № 14-51, зажигание пошаливает — за десять дней ни одного караса там не загарпунил! — А вы сверните в Горелово. Там такие места! Рыбий курорт! Уж кому знать, как не мне, — я там родился.

Вскоре тенор умчался к тихим гореловским заводам. Калинин снова заметался среди машин.

— Уважаемый механик, окажите любезность!

— Дорогой, можно вас на секундочку?

— Товарищ главный! Вы обещали мне буксир. Если бы машина была моя, я бы подождал, но это автомобиль одного моего друга... — Новичок-водитель в крагах молитвенно сложил руки.

Калинкин усмехнулся.

— Вам куда нужно? Судя по номеру, вы из Крупчанска. А в ту сторону грузовиков еще не было. Да, наверно, в ваши ближайшие планы не входит встреча с другом? Он, может, человек вспыльчивый, нервный, и вам безопаснее ехать в другую сторону?

— Да, нервный... Лучше бы, конечно, в другую... и подальше, — уныло сказал горе-шофер.

— Вот идет самосвал, я вас к нему прицеплю. Впрочем, нет. Эти машины следуют в Электрострой. Они до Крупчанска не доходят.

К станции быстро приближалась машина, занимавшая по ширине больше половины шоссе. Странно было даже, как этому гиганту удавалось разминуться со встречным транспортом. На радиаторе грузовика блестела фигурка зубра... Из-за поворота показался второй автовеликан, за ним — третий.

— Товарищи, терпение, — предупредил Калинкин владельцев индивидуальных автомобилей. — Самосвалы я обслуживаю вне очереди. Будьте сознательны. Они едут на стройку.

Но, видимо, грузовики были в полном порядке и ни в ремонте, ни в заправке не нуждались. Слегка сбавив ход, они продефилировали мимо станции. Неожиданно последний из самосвалов свернул к кювету. Калинкин бросился к нему.

— В чем дело, браток?

— Да ни в чем, — улыбаясь, высунулся из окошка водитель. — Несу общественную нагрузку: от имени нашей бригады должен вынести благодарность некоему Калинкину... Он вчера нам здорово пособил: задержись мы на станции минут на тридцать — весь график бы полетел вверх тормашками...

— Как бы он сейчас не полетел из-за твоей задержки! — похлопав мотор по теплomu боку, сказал Калинкин. — Спасибо на добром слове — езжай, не отставай от масс!

Самосвал приветственно просигналил и помчался догонять колонну. А Владимир, автоматически вытирая руки ветошью, смотрел ему вслед, пока не послышался вопль сирены: к автостанции лихо подкатило маршрутное такси «Красногорск — Кудеяров — Ялта». Из машины выпрыгнул блондин в огром-

ных роговых очках и спортивной куртке. Он открыл заднюю дверцу и помог выйти сначала пожилой женщине в белом полотняном костюме, а затем стройной девушке со спортивным значком на лацкане костюма. Последним из машины вышел брюнет с трубкой в зубах. В руке он держал шляпу из рисовой соломки. Брюнет о чем-то пошептался со своим спутником, достал из кармана деньги, несколько раз пересчитал их, вздохнул и отдал водителю.

— Мама! Надя! — вскричал Владимир Калинин детским голосом, но, уловив любознательные взгляды автообслуживаемых, с достоинством пошел навстречу Пелагее Терентьевне и девушке. — Прибыли согласно расписанию, — отметил главный механик меж двух поцелуев. — А о вас, товарищи операторы, мне звонили. Предупреждали о приезде!

Операторы и Владимир были представлены друг другу.

— Я вижу, вы уже переоделись для съемки, — весело сказал Юрий.

— Это вы про мой костюм? — польщенно молвил Владимир. — Имейте в виду: только плохие автомеханики щеголяют в замасленных спецовках. А я считаю себя хорошим. У меня богатая авто-мотобиография. Восемнадцать грамот, персональное «спасибо» министра, именной фотоаппарат.

— Ладно, ладно, — успокаивающе сказала Пелагея Терентьевна. — Все они о тебе знают: и что ты заслуженный механик и что ты похвастаться любишь. Теперь я, Вова, пойду в твою комнату, отдохну. Надежда, проводи меня!

Перекресток, где кудеяровская дорога впадает в новое шоссе, знаменит своим былинным дубом. Если верить клятвам директора местного краеведческого музея, это древнее древо (которое почему-то числится в списке памятников архитектуры) насчитывает от роду триста лет и тридцать три года.

В ветвях этого дуба слышен шопот веков. Если бы дерево могло рассказать о прожитых им годах!

Дуб начал здесь расти еще в древние рытвинно-ухабные времена, задолго до асфальтового периода. Двухолки исправников, губернаторские кареты, фуры переселенцев, рыдваны и дрожки — чего только не засасывала исконно-посконная дорожная грязь!

Сгинули губернаторы, исчезла вместе с ними вековая грязь. Лежит теперь от горизонта до горизонта новая дорога, отполированная миллионами автомобильных колес, умытая освежающими струями автополивальщиков.

Если раньше дорога шла от одного заштатного городишка к другому, то нынче, протянувшись, как стрела, она соединяет большие города с большими стройками. И мчатся по ней тяжело груженные машины — туда, где возникают новые

каналы и гидростанции, где разливается невиданные доселе моря.

И радуется старый дуб. И приветливо машет путникам своими мощными ветвями.

Операторам, расположившимся в тени исторического дерева, весь перекресток был виден как на ладони.

Дуб стоял метрах в ста от автостанции, у поворота дороги. От шоссе его отгораживала кустарниковая изгородь. Здесь любили отдыхать автопутники. И поэтому от бензоколонки к историческому дереву была протоптана незарастающая тропа.

Сыто урча, от бензоколонки отваливали машины. Укрывшись от солнечных лучей под пятнистыми зонтами буфета, автотуристы заправлялись кефиром и сосисками. Официантка с вышитым на кофточке атомобильчиком курсировала между столиками и буфетной стойкой, похожей на кузов лимузина.

Среди разнокалиберных «ГАЗов», «МАЗов», «ЯЗов», «Побед», «Москвичей», «ЗИСов» и «ЗИМов», игриво насвистывая любимый романс, мелькал главный механик.

— Как мы его будем снимать? — озабоченно спросил Мартын.

— Как обычно, — отозвался Юрий, — сценарий Бомаршова, коррективы наши. Учти, Март! В твоём распоряжении не больше часа. Ты должен уже сегодня быть в Горелове.

— А, пожалуй, — пробормотал Мартын, — это все же хорошая у тебя завелась мысль — разъехаться. Экономия времени. Пока ты будешь снимать Николая Калинкина на Жомкомбинате и попутно вести следствие по делу Порошенка да Чайника, я займусь деревней... А приедешь ко мне — и мы закончим последние кадры: золотая свадьба, сияющие старики, съезд детей, семья в сборе.

— Есть практические предложения, товарищ Благуша, — сказал Юрий. — Давай делить пленку и подотчетные суммы.

— Подотчетные уже давно исчерпались, — вздохнул Мартын, — остались одни подзаложенные, ломбардные. А вот что делать с пленкой? Ее явно не хватит.

— Надо экономить, авось дотянем.

...Пестрый фургончик с надписью «Фрукты», слабо пискнув тормозами, замер перед Калинкиным.

— Браток, — просительно крикнул шофер, — что-то мотор барахлит, а в чем дело — не разберусь. Помогите!

Владимир Прохорович вместе с водителем фруктовой машины полез в автомобильные внутренности.

— Гарный кадр! — восторженно воскликнул Мартын и расчехлил аппарат. Очки Благуши вдохновенно сверкали.

— Пли! — скомандовал Юрий. — Но не увлекайся, эконормь пленку.

Операторы бросились к тому месту, где стояла фруктовая машина.

Из фургончика, кряхтя и отдуваясь, выкатился шарообразный гражданин. На круглом туловище сидела глянцевитая, как бильярдный шар, голова.

— Кого не встретить на большой дороге! — развел руками Юрий. — Вот гражданин Поплавков собственной персоной!

— Вы будьте, более или менее, настороже, — наказывал Поплавков кому-то в машине. — С незнакомыми в разговоры не вступайте и никого не берите в попутчики. Я позвоню по телефону и сейчас же вернусь.

Из кузова донеслось заверение:

— Я уловил вашу мысль... Бдительность на данном этапе для меня самое дорогое!

Услышав знакомые интонации, Юрий быстро подошел к фургону и заглянул внутрь. На узком сиденье, суча ногами, сидел человек с маленькой, похожей на гриф контрабаса головкой.

— Уже на новом месте? — спросил Юрий. — Не бойтесь со мной разговаривать, Умудренский. Мы с вами встречались на суше и на воде! Так вот где вы вынырнули!

— Промкооперация... хи-хи... для меня самое дорогое, — ерзая на сиденье, хихикнул Умудренский. Он держал в каждой руке по пучку удилищ и весь был опутан какими-то сетями. — С начальством мы сошлись страстями. Ездим вот... хи... хи... вместе на рыбную ловлю...

И Умудренский снова отчаянно заерзал.

— Что с вами? — удивился Юрий. — Что вы елозите?

— У меня во внутреннем кармане пакет с наживкой, — криво улыбнулся Умудренский, — он порвался, и кузнечики распрыгались. Я весь... хи-хи... в кузнечиках.

— Умудренский, с кем вы откровенничаете? — слышался обеспокоенный голос Поплавка. — А-а, товарищ Можжев! С вами, более или менее, можно... Вы из центра... Понимаете, я хотел позвонить в Красногорск, на работу. И не мог! Это, более или менее, безобразие! Даже скорее более, чем менее!

— А разве телефон не работает? — спросил Владимир Калинин, опуская капот машины.

— Работать-то работает. Но все-таки вам, молодой человек, как должностному лицу, я должен поставить на вид, — начал Поплавков.

— А вы кто такой, что имеете право ставить мне на вид? — поразился Калинин.

— Поплавков Иннокентий Петрович, русский, девятьсот одиннадцатый, да, нет, не состоял, не имею, служащий, начальник отдела кадров Облпромкожсоюза, — отдуваясь, пробормотал толстяк. — Телефон-то расположен в общем зале — это, более или менее, вопиющее безобразие. Переговорный аппарат должен быть изолирован от посторонних. Нужна будка! Я не могу говорить о служебных делах, когда меня все слышат. Может, я хочу сообщить государственную тайну?

— Тайны надо хранить, а не разбалтывать их по телефону, — наставительно сказал Калинин. — А жалобу прошу изложить в письменной форме. Я вам сейчас принесу книгу...

— Работник моего масштаба не может оставлять свою подпись в какой-то книге! Это, более или менее, непредусмотрительно.

И, заняв место рядом с ерзающим Умудренским, Поплавков захлопнул дверцы фургона. Машина укатила.

— Товарищ Можаяев, — произнес Владимир, — мама мне сказала, что вы едете на Жкожкомбинат к Николаю. А вы знаете, что в том районе уже работает довольно мощная киногруппа?

— Какая? — изумился Юрий. — Кто?

— Самого Протарзанова... (голубой «ЗИМ» № 42-87, я ему два раза менял крышку). Виктор Викторович со своими ассистентами здесь уже с неделю.

— Юрий! — обрадованно вскричал Мартын. — Будет пленка! Мы узнаем новости со студии!

— А сейчас я вас познакомлю с интересным человеком, — всматриваясь в даль, произнес Калинин. — Капитан китобойной флотилии Маломедведицын. Больше всего любит ловить карасей, если не считать, конечно, китов.

Капитан лихо осадил свою малолитражку у бензоколонки.

— Худо, — вздохнул Маломедведицын, — на Бабьем броде тоже не клюет. Что делать, товарищи?

— Рекомендую самое рыбное местечко области — село Горелово, — сказал Калинин. — На каждый кубометр воды — дюжина сомов, а рыбью мелочь можно сосчитать только с помощью арифмометра!

— Вот ведь хороший парень, — сказал Маломедведицын добродушно. — Механик лучший по всей дороге. Если что с машиной — прямо к нему. Кудесник! Но любит преувеличивать! Впрочем, у каждого свое. Я вот, к примеру, с младенчества занимаюсь фотографией! Ты мой друг и обязан страдать наряду с родственниками и родными! Товарищи операторы! Будьте консультантами! Как вы считаете: если у дуба я его запечатлею? На фоне зеленых насаждений? Впрочем, минуточ-

ну, еще одна Калинкина! Чудно! Брат и сестра — семейный кадр!

И, ухватив Надю с Володей под руки, Маломедведицын потащил их к историческому дереву.

Когда Мартын и Юрий проконсультировали уже третий вариант семейной фотографии, по ту сторону кустов, на шоссе раздался скрежет тормозов. Затем послышался томный тенорок:

— Дидочка, подожди меня минуточку, я только съезжу заправлю машину. У нас осталось всего сто граммов бензина. А вот за поворотом бензоколонка... Ты пока погуляй вокруг дуба. Это тот самый дуб, который посадил пират Кудеяр в честь смерти своей невесты шемаханской боярыни Февронии. Ах, Диди, в древние времена умели любить! Феврония ждала Кудеяра пятьдесят лет, а ты боишься остаться без меня на минутку...

В просветах между ветвями был хорошо виден туфлеобразный белый фаэтон.

— Я слышу речь не мальчика, но еще и не мужа, — шопотом сказал Юрий. — Мне кажется, младший Бомаршов более тяготеет к острым драматургическим конфликтам, чем старший.

— А может, это не Альберт? — засомневался Калинин. — Машина-то его... Но внешность... Где львиная грива? Где крысиные усики?

— Уже недели две как Альберт перестроился... Под влиянием газетной критики... Завел новую прическу, перешивает гардероб... — усмехнулся Юрий и взял фотоаппарат из рук капитана. — Переходим на документальный жанр.

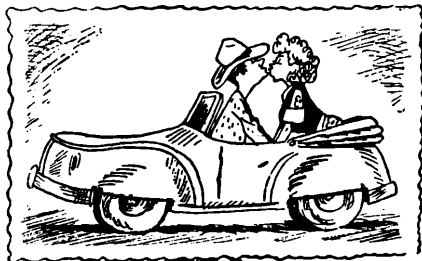
— Тише, не спугните! — прошептала Надя. — Слушайте!

— Но почему ты меня высаживаешь? Тебе стыдно показаться со мной вместе на людях? — спросила спутница Альберта. — Или ты женат и в паспорте у тебя стоит брачный штамп?

— И ты можешь думать обо мне так дурно? — воскликнул Бомаршов, предъявляя Диди свой «чистенький» паспорт. — Я волнуюсь за твою жизнь. Ведь здесь работает на выдаче горючего один из Калинкиных! Этот мрачный бензозаправщик может убить нас шлангом...

— Ты преувеличиваешь.

— Ни капли! Обычный

акт кровной мести! Калинкины мечтают всеми правдами и неправдами породниться с капиталами моего папы! Если же Калинин нас увидит вдвоем, он поймет, что их расчеты рушатся... А как тогда мы получим горючее?

— Ах, вот какой разговор! — зловеще прошептал Владимир. — Не мешайте мне. Я сейчас выйду один на дорогу и...

Но тут Надя подмигнула Мартыну, и Благуша, ухватив Владимира за талию, лишил его свободы передвижения.

— Не торопись! — тихо сказала Надежда. — Продолжайте фиксировать Альбертика на пленку. Кажется, у меня есть замысел...

Калинкина взяла у Маломедведицына очки-светофильтры, водрузила их на нос, распушила волосы так, как это делала Вера. Затем, выхватив из кармана Владимира химический карандаш, покрасила губы в фиолетовый цвет.

— Ну, мой выход, — сказала Надя и, раздвинув кусты, шагнула на шоссе.

— Боже! — вскричала она, заломив руки. — Что я вижу! Берт!

Бомаршов оглянулся. Челюсть его отвисла, словно у паралитика. Глаза стали двумя нулями.

— Ве... Ве... Верусик... — пролепетал Альберт, пряча паспорт. — Я... она... ты... Мы случайно...

— Берт! — Вериним голосом простонала Надя. — Ты разбил наше счастье...

Юный Бомаршов попал меж двух огней. Он то делал шаг вперед, к «Вере», то отступал назад, к Диди.

— Сейчас мы выясним отношения! — сказала Диди и зачем-то погляделась в зеркальце над рулем.

— Что ж, выясним, — согласилась «Вера».

— Папа! — простонал Альбертик, хватаясь то за сердце, то за голову.

— Он вас никогда не любил! — сказала Диди задорно. — Он уже три часа любит меня! И он будет моим! Пусть проигравший плачет, кляня свою судьбу!

— Дайте мне на вас посмотреть хорошенько, — не выдержав, своим голосом сказала Надя. — Не часто приходится носом к носу встречаться с такими откровенными фифочками.

— Пусть я фифочка, — отчеканила Диди, — но вы можете проститься с вашим Альбертиком!

— Это не она! — вдруг закричал драматургов сын. — Это не Вера! Оптический обман! Это Надежда Калинкина! Семейные интриги! Кровная месть! Я...

Неожиданно Альберт осекся. Он увидел выбирающихся со своего наблюдательного пункта операторов, Владимира и капитана.

— Папа! — пискнул юный Бомаршов, хватаясь за рычаги управления.

Белый фаэтон взревел мотором и, взяв с места в карьер, скрылся за поворотом.

— Ставився як лев, а згинув як муха, — усмехнулся Мартын.

— От нас не уйдет! — сказал Владимир. — Горючки не хватит.

...Когда Пелагее Терентьевне, уже приготовившейся к отъезду, рассказали эту эпопею, она развела руками:

— Что поделаешь, в семье не без урода... Эх, жалко мне Вероиду!.. Ну, Вова, домой не опаздывай... Золотая ведь свадьба все-таки...

И воздух снова наполнился мощным гулом моторов. Мимо станции мчались грандиозные двадцатипятитонные машины, и казалось, шоссе прогибается под ними. Многие автомобили, в том числе и «Победа», в которой сидел Юрий, выехали на шоссе и устремились за грузовиками.

ИСТОРИЯ И МЕСТКОМ ВАС ОПРАВДАЮТ

Прежде дом был знаменит только своими пузатыми, как самовары, колоннами. В нем мирно обитали два взаимоисключающих учреждения — «Облводка» и «Горводопровод». Потом неведомо зачем их слили. Новый гибрид был назван трестом «Буфет-ларек». В результате проведенной реформы нижний этаж здания высвободился, и туда перекочевала местная филармония. С тех пор этот особняк иначе, как «домом с музыкой», никто в городе не называл.

Перед фасадом внутри загончика, обрамленного литой чугунной оградой, целыми днями толпились представители концертно-эстрадных жанров. Работники треста «Буфет-ларек» из своего бельэтажа слышали увлекательные разговоры об отгадывании мыслей на расстоянии, заниженных ставках, репертуарном кризисе и о пантомимах для детей дошкольного возраста.

На сей раз здесь шумели более обычного. Уже три дня формировалась концертная бригада Елизаветы Калинкиной для гастролей в колхозах области. И сегодня дирекция филармонии в лице товарища Какаду должна была окончательно решить, кто же, наконец, отправится в дальний вояж. Происшествие это не было рядовым. Актерским коллективам редко дозволялось удаляться от областного центра.

— Творческая масса не должна отрываться от руководства, — назидательно говаривал товарищ Какаду. — Если она уедет далеко, как я буду осуществлять повседневный контроль?

К счастью, после того как в «Красногорской правде» появилось письмо сельских зрителей, истосковавшихся по культ-обслуживанию, решено было направить бригаду в самый отдаленный район.

Филармонисты страстно мечтали о поездке, втайне опасаясь, что многих могут не включить в программу. Естественный репертуарный отбор производил сам товарищ Какаду, и это

осложняло ситуацию. О чем бы сегодня ни беседовали артисты, все в конце концов сводилось к одному: возьмут или не возьмут...

В глубине аллейки сосредоточенно прогуливалась почтенная дама в накладных буклях — бабушка местного чревоушания Турнепсова-Ратмирская. Время от времени она беседовала сама с собой по поводу предстоящих гастролей. В последнем сезоне ее оригинальный жанр испытывал репертуарный голод. Специфика чревоушания устрасала известных авторов, и Турнепсовой в основном приходилось пробавляться продукцией крючника-малоформиста Взимаева.

Вот и сейчас, уловив на величавом лице Ратмирской признаки уныния, малоформист быстро подбежал к ней. Вкрадчивым голосом человека, продающего товар из-под полы, Взимаев произнес:

— Уймите волнения страсти. Взимаев о вас позаботится! Есть стихотворный скетч специально для вашего жанра. «Экскаватор и новатор». За новатора вы говорите, а за экскаватора вы вещаете, понятно? Публика впервые услышит голос шагающего экскаватора! Чудный утробный юмор!

Шагай вперед, мой экскаватор,
Ведь на тебе сидит новатор!
Новатор крутит регулятор —
Шагай вперед, мой экскаватор!

— Я подумаю! — ошеломленно сказала Турнепсова. Ей не хотелось осложнять отношения с универсальным Взимаевым.

— Пятнадцать минут на размышление, — ультимативно произнес литературный крючник и побежал на другой конец сквера.

Беспокойство творческих работников по поводу предстоящих гастролей имело под собой фундамент. Никогда нельзя было угадать, чего потребует товарищ Какаду в текущий момент. Все зависело от того, какую передовую статью сегодня утром он прочитал, какой разговор имел с начальством, кто что ему сказал по телефону. И он тут же, не переводя духа, кидался «проводить в жизнь» руководящее указание. Но проводником он все же не являлся. Если говорить языком физики, то его скорее можно было назвать трансформатором, так как все, что он читал и слышал, странным образом трансформировалось в его голове и зачастую обращалось в свою противоположность.

...Однажды руководитель филармонии, по ошибке попав на совещание физкультурников, услышал о том, как важен массовый туризм. Он созвал репертуарно-музыкальных деятелей и срочно приказал составить программу, посвященную пропаганде дела массового туризма среди трудящихся. В эту программу товарищ Какаду предложил включить песенки «Я хожу, хожу, хожу...», «Эх, Расскажи, бродяга...» и «Выплывают расписные...»

Репертуарно-музыкальные деятели указания своего шефа не выполнили. Они знали: надо подождать сутки, завтра будет другая передовая, а следовательно, другие «установки». Так все и произошло. Передовая, напечатанная на следующий день, призывала к высокой идейности.

— Есть новое указание, — сказал товарищ Какаду. — Идейность. Надо бороться.

И он сразу же встал в первые ряды борющихся. Директор филармонии напал на мастера художественного свиста, чью соловьиную программу он признал абстрактной и безидейной. Кончилось тем, что свистуна одевали под Соловья-разбойника и выносили на сцену сидящим на дереве. Там он десять минут олицетворял собой былинного злодея, после чего аккомпаниатор в гриме Ильи Муромца (носитель прогрессивного начала) сбивал его палицей.

Но труднее всего было с юмором и сатирой. Смех настойчиво требовал себе «зеленую улицу». И товарищ Какаду зашел в тупик.

— Где достать Гоголей и Щедриных? — страдальчески вопрошал он. — Надо откликнуться, а то ка-а-ак аукнется!.. Надо искать!

И товарищ Какаду нашел. Нашел в ансамбле сопельщиков и гудошников солиста по фамилии Щедрин. Сопельщик был

немедленно переквалифицирован в сатирика. По заказу товарища Какаду он приступил к созданию обозрения «История одной филармонии», и уже сам Взимаев ревниво поглядывал на новоиспеченного конкурента.

Вот отчего деятелям эстрады никогда не было известно заранее, что день текущий им готовит. Озабоченные ходом событий, они скопились у окна кабинета, в котором товарищ Какаду, совместно с Елизаветой Калинкиной, составлял программу гастрольной экспедиции.

В маленьком кабинетике, оклеенном серыми обоями, вот уже два часа продолжалась битва за репертуар. Товарищ Какаду сидел за столом, покрытым мышинным сукном, и священнодействовал над списком артистов.

— Учтите. Прочувствуйте. Надо идти навстречу сельскому зрителю. Затрагивать колхозную тематику. О чем говорилось в сегодняшней передовице «Красногорской правды»? О животноводстве и птицеводстве. А что такое наша газета? Орган областного руководства. Значит, руководство нацеливает нас на птицеводство и животноводство. А вы недооцениваете! Недооцениваете...

— Почему же? Я, наоборот...

— Наоборот не надо. Будет переоценка. Так что у вас имеется в наличии по поводу птиц и животных? Птиц и животных... птиц и животных...

Во время разговоров товарищ Какаду нередко повторял одни и те же слова или части фраз. Можно было подумать, что в его голове спрятана патефонная пластинка. Запись на ней стерлась, и иголка ходит по одной и той же борозде.

Калинкина нервно прохаживалась по комнате. Грушевидная голова товарища Какаду (где едят — пошире, где думают — поуже) раздражала Елизавету Прохоровну своим мерным покачиванием.

— Есть ряд неплохих вещей, — сказала Калинкина.

— А они отражают сельское хозяйство? Хозяйство... хозяйство...

— Отражают, отражают, — в такт ответила Елизавета Прохоровна. — Мы так и решили — включить их в программу. Отрывки из романов «Ясный берег» и «От всего сердца».

— Во-первых, вы не имеете права решать, — заметил товарищ Какаду. — Решают наверху. А во-вторых, не та тематика: «Ясный берег» — это что-то ко дню флота, а «От всего сердца» — романсом пахнет... пахнет... пахнет...

— Учтите: авторы — лауреаты...

— Лауреаты? — переспросил товарищ Какаду. — Что ж вы мне раньше не сказали? Раз лауреаты — значит, можно... Ну, а по музыкальной части что?

— Певцы исполняют арии из «Чародейки» и «Пиковой дамы».

— Автор не лауреат?

— Нет.

— Тогда не пойдет. И по теме не то — предрассудки, пропаганда карточных игр... Нам нужно другое — о птицеводстве... птицеводстве... птицеводстве...

— Так у этого автора есть птицеводческий балет — «Лебединое озеро», — улыбнулась Калинкина.

— Насчет лебедей указаний нет. Вот если б гусь...

— Лебедь — это гусиный родственник, — быстро нашлась Елизавета Прохоровна.

— Родственник? А нет ли тут семейственности? А вы знаете, что в прошлом году писалось о семейственности?

— Очень хорошо знаю.

— Очень не надо. Это может привести к перегибу. Лебедя не надо... А что исполняют разговорники? Прошу подбирать репертуар в разрезе поднятых мною вопросов.

— Сцена из комедии «Волки и овцы», монолог из пьесы «Овечий источник».

— Волки... волки... волки, — прошелкал товарищ Какаду. — Гм... Ах, да! В позапрошлом году было указание их уничтожать. А в этой вашей комедии их как?

— Обличают.

— Это в свете решений. В свете решений... Перейдем к следующему вопросу. Ксилофонист. Что он может в колхозном смысле? Например, про МТС?

— Ну, знаете! — не выдержала Калинкина. — Нельзя же так утилитарно подходить к программе.

— Утилитарно... утилитарно... утили... Сбор утиля мы отразили еще в прошлом месяце.

— Верно. Танцевальная сценка «Мы приехали к вам в гости, вы нам сдайте тряпки-кости». Сняли после первого же концерта.

— Это не имеет значения. Главное — тема была отражена, отражена... отражена...

Товарищ Какаду говорил размеренно, со скоростью одно слово в пять секунд. И сегодня чаще, чем когда-либо, патефонная иголка скользила по одной и той же борозде... Существовал только один верный способ вернуть товарища Какаду в русло беседы — произнести магическое слово.

Магические слова живут не только в сказках. Они существуют и в мире реальном, что не мешает им обладать чудодейственной силой. Их много еще, магических слов. На смену фразе-отмычке «Сезам, отворись» пришло прозаическое, но не менее действенное словосочетание: «Я от Сезам Ивановича». Едва оно прозвучит, как мгновенно распахиваются задние двери магазина, передний вход театра и даже объятия начальника отдела кадров... Вместо древнего заклинания «Встань передо мной, как лист перед травой» появилось энергичное и категорическое «Явка обязательна». И этого достаточно, чтобы заставить любого ответственного работника примчаться на собрание-заседание с резвостью конька-бегунка... К той же волшебной категории принадлежат: «Согласовано наверху» (заменяет устаревшее «По щучьему велению»), «В порядке ведения» (бывшее «Не вели казнить, вели слово молвить») и сладкозвучное «Сумма прописью» (вместо «Ох ты, го́й еси, чего хочешь проси»).

Удивительное действие оказывала на товарища Какаду любая фраза, содержащая в себе слова «директива», «инструкция». Услышав их, он немедленно замолкал и настораживался.

— Мне пришла в голову директивная мысль! — воскликнула Елизавета Прохоровна.

— Что? Директивная? У вас? Почему? Вы же не руководящий работник... Вам могут приходить лишь инициативные мысли...

Но слово «директива» произвело необходимый спасительный эффект. Товарищ Какаду запнулся. Беседу можно было продолжать.

— Надо еще включить в программу жонглера, — предложила Елизавета Прохоровна.

— А как у него тематика? Как решена проблема подъема целины? Целины... целины...

— Плохо решена. Недоучитывал до сих пор. Но, несмотря на это, десять лет пользуется неизменным успехом.

— Десять лет назад я работал в другом месте. Поэтому за его репертуар не отвечаю. А сейчас пусть решает проблемы.

— Хорошо, я с ним поговорю, — усмехнулась Калинкина, — но за успех не ручаюсь.

— Тогда не поедет, не поедет...

— Ну, а что вы предложите мне как фокуснику? Откликнуться на насущные вопросы повышения удойности крупного рогатого скота? Об этом, кажется, говорилось во вчерашней газете?

— Говорилось. Правильно. Надо откликнуться. Как это отражено на сельскохозяйственной выставке? Показом экспонатов. И мы должны показом... Например, так... например, так... например, так... Вы выносите на сцену большую охалку кормов. Сено и прочий силос. Накрываете это плакатом. Текст: «Столько ест непородистая корова». Переворачиваете плакат — текст: «А вот что она дает взамен». И вместо кормов под ним стакан молока. То же самое делаете второй раз. Кормов горсточка. А вместо стакана — бидон. Текст: «А вот производительность труда породистой коровы». Доходчиво, наглядно, сельскохозяйственно.

— Слушая вас, — сказала Елизавета Прохоровна, — я всегда мечтаю об одном фокусе...

— Мечтайте. Мне неизвестны инструкции, запрещающие мечтать.

— Найти бы такую инструкцию: накрыть ею одного моего любимого начальника, потом поднять — ан исчез он. Нету его...

— Пользуйтесь. Пока есть указания о развитии критики и самокритики — пользуйтесь. Критикуйте. А я обязан терпеть ваши выпады. Но бригаду по вашему списку не пошлю. Нет у меня прямых инструкций на нецеленаправленный репертуар... репертуар... репертуар...

Елизавета Прохоровна махнула рукой и вышла из кабинета во дворик.

По печальным лицам актеров, стоявших под окном товарища Какаду, Елизавета Прохоровна поняла, что они слышали все обсуждение программы.

— А мне, братцы, обидно не за себя, за зрителя досадно, — голосом Ивана Сусанина пробасил Бурлаков.

Музыкант-виртуоз тоже был оскорблен до глубины души:

— Жаловаться буду... Письма писать буду...

— Писали уже, — пожала плечами Турнепсова-Ратмирская. — А товарищ Какаду сидит себе сиднем тридцать три месяца и три дня. Для меня всегда это остается загадкой: как такие люди попадают в искусство? Он ведь в «Горводопрово-

де» работал, а после слияния с «Облводкой» не у дел остался... И что его тут держат?

— А за что его увольнять? Он ничего не нарушает. На все откликается, — молвил малоформист Взимаев. — Зря ругаете руководство. Ей-богу, с ним легко обновлять репертуарчик. Деликатный человек — никогда не скажет: халтура, мол. Заглянет в инструкцию, и все в порядке! Так что понапрасну наваливаетесь на вполне приемлемую личность.

Елизавета Калинкина молча слушала сетования своих коллег. Ее мысли были заняты предстоящей поездкой.

— Но как быть с бригадой? — задумчиво произнесла она. — Как спасти номера? Где ее достать, дополнительную директиву?

— Пойдите, дети! — воскликнула прародительница местного чревоущия. — Дополнительная директива... дополнительная директива...

— Что с вами? — удивился эксцентрик. — Вы, видимо, стали заговариваться, как товарищ Какаду.

— Это ничего... это ничего... Тыфу ты, нечистый дух!.. Будет нужная директива! Елизаветушка! Айда!

И, оставив удивленных сотоварищей в скверике, Турнепсова-Ратмирская увлекла Калинкину за собой.

Шум под окнами товарища Какаду стихал. Серый кабинетик нагрелся под лучами полуденного солнца. Стало душно, как в теплице. Товарища Какаду разморило. Он клюнул носом. Клюнул раз, клюнул два и впал в состояние блаженной дремоты.

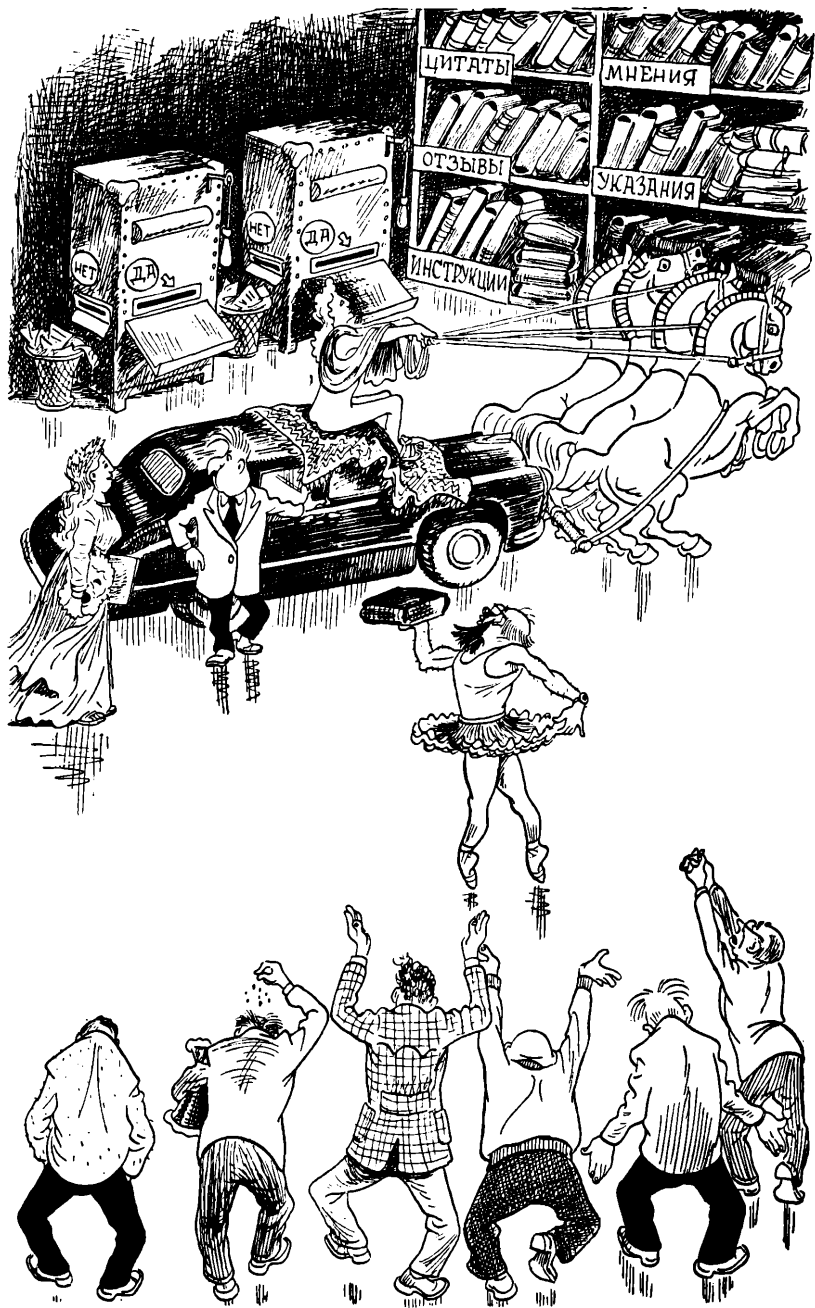
СОН ТОВАРИЩА КАКАДУ

И снился чудный сон товарищу Какаду. Ему снилось, будто бы он назначен руководить всем искусством сразу. Выдали ему персональный «ЗИМ», запряженный четверкой бронзовых коней, с возницей Аполлоном на ковровом облучке. Приезжает товарищ Какаду в свой кабинет, а в прихожей все девять муз сидят за секретарскими столиками и подшивают инструкции.

— Мельпоменочка, — игриво потрепав музу по подбородку, сказал товарищ Какаду, — можете пускать драматургов!

В кабинете стен не видно — кругом картотеки, картотеки... Каких только необходимых вещей в них нет! Инструкции, директивы, указания, цитаты, рецензии, отзывы, мнения и высказывания всех вышестоящих работников... Но больше всего тешили его взор никелированные, похожие на холодильники, репертуарные автоматы.

— До чего искусство дошло! — умилился товарищ Какаду. — Прежде напрягаться приходилось, ответственность

нести, а теперь раз, два... дзинь-бум... — и отзыв готов. Машина не обманешь!

Из прихожей донесся властный голос.

— Опять Бомаршов, — поморщился товарищ Какаду. — Пьесу пришел проталкивать.

— Распорядись насчет денег, Какадуш! — закричал Бомаршов с порога. — Пьесу тебе приволок.

— Сейчас провернем! — потер руки товарищ Какаду.

— Кого это ты проверять вздумал? — закричал Бомаршов. — Меня, члена всех комиссий и всех редколлегий! Да я же переиздаюсь каждый год! — и он принял позу, в какой запечатлен Пушкин на Пушкинской площади в Москве.

Товарищ Какаду взял пьесу, сунул ее в репертуарный автомат. Дзинь-бум! — лязгнула машинка, и из нее выскочила карточка:

НАРУШЕНИЙ СТАНДАРТОВ НЕ ОБНАРУЖЕНО. НЕПРИЯТНОСТЕЙ НЕ БУДЕТ.

— Ну, вот и все, — радостно сказал товарищ Какаду, — вот и получил ваш шедевр одобрение.

Он оглянулся, но драматурга уже не было. Только облако винного пара степенно поднималось к потолку.

А перед товарищем Какаду возникла уже высокая женщина с белокурой косой.

— Оставьте ваши фокусы, товарищ Калинкина! — закричал товарищ Какаду. — Почему вошли без доклада?

— А я не Калинкина, — сказала женщина. — Я Публика — муза общественного мнения.

«У меня вроде такой в аппарате нет, — подумал товарищ Какаду, — наверное, внештатная единица».

— Мнение вашего автомата для зрителя не закон, — сказала Публика. — А вдруг никто не пойдет на эту пьесу?

— А мы ей рекламу устроим! Премию на конкурсе подкинем. По всем театрам пустим. Куда зритель денется? Выхода нет. Пойдет, как миленький.

Внештатная муза, сраженная аргументами, пригорюнилась.

— Эй, кто там? — крикнул товарищ Какаду властно. — А, Терпсихорочка! Ты сейчас дежуришь? Вот тебе мой указ: если эта гражданка, по фамилии Публика, придет еще раз — не принимать! Ясно?

— Так точно! — встав по стойке «смирно», отрапортовала дежурная муза.

Раздалась тихая музыка, и в балетной юбочке впорхнул бородатый автор.

«Я принес либретто нового балета на современную тему!» — жестами объяснил он.

Товарищ Какаду нашел ящик на букву «б».

— Б... ба... бал... Так! Балет на современную тему? Нужен! Давайте посмотрим, чего вы налибреттили... Молодежная тема. М... М... мол... Так! Тема тоже нужна! Так... Собрание. «Па-де-де секретаря первичной организации и активистки». А о чем они здесь говорят? Какую разъяснительную работу он проводит среди нее?

— Но это же балет, — жестами возразил автор. — В нем все чувства выражаются танцем.

— Недомыслие. Неприлично секретарю танцевать весь вечер. Пусть немножко потанцует, а потом произнесет речь. А остальные что, немые? Нехорошо. Зажим критики. Пускай и они используют право голоса. Пусть все говорят! Потанцуют — поговорят, потанцуют — поговорят. Вот так и пишите!

Автор беззвучно заплакал, сделал пируэт и убежал, утирая слезы бородой.

Вдруг раздался топот. Товарищ Какаду оглянулся. Перед ним отбивали шаг на месте несколько десятков людей. Они смотрели на товарища Какаду умоляющими глазами, протягивали руки и жалобно канючили:

— Работать охота... Снимать охота... Кинорежиссеры мы...

— А-а, — обрадовался товарищ Какаду. — А я-то было испугался! Ну, с вами я умею разговаривать! Вот бог подаст сценарий, тогда заходите! А потом кто вас знает, как вы снимаете? Кто может гарантировать, что вы выпустите хорошие фильмы? Нет уж, лучше мы ничего не будем производить. Ясно? Освободите помещение!

— Освободите помещение! — повторил грозный женский голос.

И опять товарищ Какаду увидел перед собой музу общественного мнения в образе Елизаветы Калинкиной.

— Раз-два-три! — приказала Публика, и мгновенно исчезли все картотеки. Репертуарные автоматы, жалобно позвякивая и на ходу теряя болтики, поплелись в окно, рассчитались на «первый-второй» и сиганули в него.

— Все рушится! — закричал товарищ Какаду. — Гибель инструкций! Конец искусства!

Он бросился к телефону. Дрожащей рукой набрал номер вышестоящего товарища.

— Как быть? — завопил он. — Что делать? Как принять решения?

— Самостоятельно, — ответила трубка. — И давно уже пора!

Товарищ Какаду в ужасе бросил трубку...

.

...Телефон звонил настойчиво и требовательно... Товарищ Какаду открыл глаза. Родные серые обои окружали его. Дребезжал на столе аппарат. Товарищ Какаду отер с чела ледяной пот.

— Да, главискусство слушает... То-есть это я, товарищ Какаду! Откуда говорят? А, из исполкома! Конечно, узнаю! Здравствуй! Э... э... э!.. Да, да, бригаду в колхозы посылаем! Репертуар? Согласно директивам целенаправленный, воспитательный... Как? Все разрешить? И даже жонглера выпустить без сельхозтематики? Я вообще не против, но... но... но... хотелось бы в письменной форме... Дополнительные указания? Ах, пришлете потом? Тогда я сейчас же подпишу! Подпишу... подпишу...

Окончив разговор, он торопливо наложил свое начальственное тавро на программу, составленную Калинкиной...

...Вечером от особняка с пузатыми самоварными колоннами отошел автофургон филармонии. Под брезентовым тентом восседала едущая на гастроли концертная бригада.

Когда все уgomонились, молчавший до сих пор Бурлаков вдруг загудел:

— Я так и не уразумею, как удалось нашего мыслителя уломать...

— Ходят слухи, — сказал музыкальный эксцентрик, — что нами, наконец, заинтересовались в облисполкоме. Говорят, товарищу Какаду был спецзвонок...

Турнепсова-Ратмирская и Калинкина рассмеялись.

— Верно, — сказала Елизавета Прохоровна. — Мы ходили в облисполком. Нам сказали, что уже поставили вопрос перед главком, но те что-то долго не решают. Обещали сами заняться вскорости... А нам ждать некогда. Что оставалось делать? Тогда мы позвонили товарищу Какаду по автомату, из вестибюля исполкома. И... дали директиву.

— Обманули самого товарища Какаду? — воскликнул кто-то из актеров.

— Почему обманули? Он спросил: откуда говорят? Мы честно ответили: из исполкома. Не с площади же! А кто говорит, ведь для него это неважно. Лишь бы прозвучал руководящий голос.

— А откуда же вы добыли этот самый руководящий тембр? — удивился музыкальный эксцентрик.

— Я вещала, — скромно потупив очи, сказала Турнепсова. — Я откровенно заявила, что, по моему мнению, программа составлена вполне удовлетворительно.

— Это был ваш лучший номер! Не только история, но даже местком вас оправдает.

БРИГАДА ННН

За населением пятнадцатой комнаты укрепилась слава самых шумных жильцов общежития.

Один из них с отчаянной отвагой — независимо от обстоятельств места и времени — совершенствовал технику выбивания чечетки. И довел ее до такой степени виртуозности, что ни на комбинате, ни в районе, ни даже в области соперников у него не было. Стенгазета «Дубилка» утверждала, что чечеточник добился от собственных конечностей двести колебаний в минуту.

Второй шумовик приобрел известность своим драматическим тенором. Голос у него действительно в наличии имелся, но репертуар состоял почему-то из одной песни «Тройка мчится, тройка скачет». Так как фраза «Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей» удавалась ему хуже остальных, то на нее затрачивалось наибольшее количество энергии.

— Ну, опять поехал! — вздыхали в других комнатах.

Третий шумовик никакой ценности для самодеятельности не представлял. Он вообще бы считался человеком без таланта, если бы не его особая способность хлопать дверьми так, что на областной сейсмической станции каждый раз отмечались толчки «неизвестного происхождения».

И поскольку один бил чечетку, другой «ездил к любушке», а третий бегал по общежитию, то уборку в комнате делать было некому. Уборщицы, зайдя в помещение «шумовиков», в ужасе роняли веники и мчались в комендатуру, где ультимативно требовали повышения оплаты за уборку комнаты номер пятнадцать.

Шумовики упорно не поддавались воспитанию. На них не производили впечатления листовки Дома санпросветительной работы: «Микроб — твой враг, не вводи его в себя! Мой руки, подметай пол!» Их не могла прощать стенная газета, поместившая карикатуру «Шумные неряхи». Не возымели действия и

лекции коменданта общежития: «Держи в чистоте материальную часть и постельные принадлежности».

Шумовые эффекты обычно начинались в половине пятого, едва жильцы комнаты № 15 возвращались с работы. Но сегодня, несмотря на то, что часы показывали уже без четверти пять, было тихо. Это показалось подозрительным дежурному вахтеру, и он, соблюдая все правила маскировки, пробрался в коридор первого этажа.

Но тут его от удивления чуть не хватил кондрашка: чечеточник, певец и хлопальщик робко толпились у своей комнаты.

— Удивление, переходящее в изумление, — прошептал вахтер, любивший интеллектуальные фразы. Он было собрался подойти поближе, как заметил входящего в коридор редактора многотиражки Кожкомбината Арзамасцеву. Шумовики смутились еще больше.

— Ксения Николаевна, — жалобно сказал чечеточник, — пока мы были на работе, к нам вселили других жильцов...

— Счеты с нами сводят, — уточнил певец.

— Ночевать-то где? — робко сказал третий.

Ксения Николаевна недоумевающе посмотрела на испуганных друзей, а затем решительно отворила дверь. Следом за ней и шумовики вошли в комнату.

Постели, обычно представлявшие собой винегрет из простынь, матрацев, одеял и подушек, сегодня выглядели так, что могли вызвать зависть даже у женского общежития.

Пол, по которому еще утром плакали все щетки и тряпки поселка, оказался вдруг паркетом и блестел, как хоккейная площадка.

И, самое странное, по комнате были развешаны плакаты:

«Наплевать на чистый пол: дави на нем окурки».

«Шуми как можно громче — этим ты помогаешь соседям отдохнуть после работы».

«Какое расстояние до милой, если к ней едут по пять часов в сутки второй год и никак не приедут?»

— Дотанцевались, — сказал чечеточник.

— Допелись, — произнес тенор.

— Дохлопались, — вздохнул третий шумовик.

Ксения Николаевна тем временем прочитала запис-

ку, лежавшую на столе, и, сдерживая улыбку, протянула ее ребятам.

«Уборка произведена бригадой ННН. Количество затраченного труда можно определить, заглянув под стол: там нами оставлен один квадратный метр пола в первобытном состоянии. Извините, что вмешались в вашу личную жизнь».

Прочитав записку, шумовики, не сговариваясь, полезли под стол. Там было мрачно. Валялось полтора рваных ботинка, десяток впрессованных в паркет окурков и листовка Дома санитарного просвещения.

Чечеточник и тенор, перемигнувшись, попытались незаметно от Ксении Николаевны спрятать окурки в карман. Третий шумовик уверенно произнес:

— А ботинок этот подкидывш. У нас такого не было.

Ксения Николаевна посмотрела на торчавшую из-под стола ногу чечеточника. Правый ботинок танцора уже начинал терять подметку и становился очень похожим на найденный башмак.

— Посмотри, — сказала Арзамасцева, — чей ботинок?

— Да, — согласился третий шумовик, — его... Что поделаешь, товарищ рвет подметки на ходу... Хоть бы мелкий ремонт ему делали за счет ансамбля...

— Подумаем, — согласилась Ксения Николаевна и наклонилась под стол: — А окурки, между прочим, дорогие товарищи, надо класть в пепельницу, а не в карман.

— Все будет в ажуре, — скучным голосом сказал тенор, — мы сейчас доуберем... Без этой энской бригады. Три Н — подумаешь тоже, псевдоним.

— Хороший псевдоним, — сказала Арзамасцева, — и расшифровывается, наверное, просто: Нерях Надо Наказывать!

...А в это время все три Н — Николай Калинин и его друзья Никита Маликин и Никифор Ягодкин — сидели в палисаднике, под окном комнаты № 15. Они явились сюда, как только увидели, что шумовики возвращаются с работы. Шутка явно удалась, и, казалось бы, настроение у трех Н должно было быть, по меньшей мере, веселым. Но лица у всех были грустными: Калинин, работавший в другом цехе, только сейчас сообразил, что у него сегодня во время обеденного перерыва произошло чрезвычайное происшествие, чреватое крупной неприятностью.

На первый взгляд вовсе ничего худого не было в том, что из кожи, рассчитанной на пять голенищ, раскройщик сделает шесть. Ничего. Иному, быть может, за это и премию бы выдали. Николай сделал шесть вместо пяти, и ему дали выговор.

Словом, возник конфликт, за последнее время не раз встречающийся не только в жизни, но и в литературе.

— Если каждый будет нарушать технологию, — кричал начальник цеха Иван Встанько, — то...

— Но я же нарушаю в обеденное время, — волнуясь, сказал Николай. — Человек хочет старые нормы поломать, а вы...

— А мы пока видим, что такие вот недотепыши ломают электроножи, — вставил начцеха.

Сносить оскорбления молча — это уже выходило за пределы семейных привычек Калинкиных. Николай ухватился за слово «недотепа» и разразился пылкой речью по поводу взаимоотношений консерваторов и новаторов, за что тут же, не отходя от ножа, получил выговор от начцеха.

Тут начцеха перенес гнев на мастера.

— Кого вы поощряете? Кого поддерживаете? Это надо выяснить. Я поставлю вопрос!

Когда начцеха удалился ставить вопрос, мастер подошел к Николаю и, заикаясь, сказал:

— В-в-вот, в-в-видишь, обв-в-винили... Это он еще гов-в-ворил, не зная-в-вши, что я тебе рекомендацию в-в комсомол дал... Уж лучше я ее назад в-в-возьму... Ты на меня не обижайся...

Николай, которого сегодня вечером должны были на комитете принять в комсомол, даже онемел от удивления.

Мастер, очень довольный тем, что инцидент обошелся без лишних разговоров, торопливо отошел к своей конторке. И тут он наткнулся на молодого брюнета с киноаппаратом в руках.

— Интересно, — неожиданно сказал молодой человек, — у вас беспринципность врожденная или приобретенная? На месте парторга я бы выяснил это обстоятельство.

— Не ваше дело! — перестав заикаться, гаркнул мастер. — И вообще... попрошу посторонних...

— Я же вам говорил, у меня разрешение товарища Шагренева на съемку в цехе, — сказал молодой человек. — Я оператор студии кинохроники Юрий Можжев.

— Ах, от директора? — приосанился мастер. — Тогда продолжайте снимать...

— Не тревожьтесь, я уже снял, что мне было нужно, — успокоительно сказал оператор.

Молодой человек с киноаппаратом зафиксировал Николая Калинкина именно в тот момент, когда, невзирая на обеденный перерыв, юный энтузиаст ломал старые нормы и боролся с консерваторами. Он снял также, как Встанько воинственно размахивал кулаками. Оставалось еще несколько кадров. Юрию хотелось отснять прием Калинкина в комсомол.

— Встретимся вечером в комитете, — сказал кинооператор Николаю, уходя из цеха...

...Но в комитет Калинин решил не ходить.

— А зачем? — говорил он друзьям. — Все равно с сегодняшним выговором да без рекомендации меня не примут.

— Бывают случаи, когда и с выговором принимают, — неуверенно сказал Никифор Ягодкин. — Ты все-таки рационализатор...

— Да что рационализатор! Это, брат, уже не особая заслуга.

Из окна комнаты № 15 слышался голос Арзамасцевой:

— Так когда зайти посмотреть, как вы снова запакастите комнату?.. А вообще желаю вам жить в чистоте и не в обиде. Да, кстати, если встретите Калинкина, передайте: пусть ко мне зайдет. До свиданья!

— Ох, Колька, если уж Ксения Николаевна тебя вызывает, — сказал Никита Малинкин, — то плохо будет. Это начеха на тебя наябедничал.

— Не пугай ты его, — сказал Никифор Ягодкин. — По-моему, в комитет надо пойти... Бывает и с выговором принимают, смотря какой выговор. У тебя не строгий... По-моему, шансы есть.

— А без рекомендации тоже принимают? — спросил Калинин. — Эх, вот положение! Да еще, надо же так, позавчера кинооператор приехал! Фильм о Калинкиных снимает... И меня хотел на комитете заснять... Ну, да ладно, не повезло... Но почему все-таки предложения зажимают? Почему вместо пяти не хотят шесть заготовок выкраивать из кожи? И куда излишки идут? А Встанько все кричит: «Ты бы, — говорит, — лучше время на кино выкраивал, а не глупости выдумывал... Нормы кем утверждены? Министром. А он, как ни поверни, все умнее тебя... И не морочь мне зря мозги...»

Тем временем в комнате № 15 обсуждали события вечера.

— А я знаю, — проговорил чечеточник, отстукивая по паркету па, известное среди любителей под названием «автоматная очередь». — Это те самые огольцы, из-за которых мы значки ГТО в прошлом году не получили.

— Они, — сказал тенор, — по ехидству замысла чувствую.

...Эпизод со значкистами, о котором помнили все на комбинате и который попал даже в доклад секретаря райкома, заключался в следующем. Физорг комбината, обычно считавший, что все виды спорта, взятые вместе, неспособны заменить миллиард, вдруг вместе с нагоняем получил указание экстренно провести прием норм на значок ГТО.

Прием норм проводился не на гаревых дорожках, не у ящиков с песком для прыжков, а в уютной тиши кабинета.

— Бегаешь?

— Бегаю.

- Прыгаешь?
- Прыгаю.
- Политическое значение физкультуры осознаешь?
- Осознаю.

Оказалось, что в основном все бегают, прыгают и осознают. Так нормы были приняты за один вечер, причем физкультурники и не знали даже, что их уже внесли в списки значкистов. Кому могло прийти в голову, что три вопроса заменяли все нормативы. В День физкультурника на стадионе «Кожевник» было объявлено торжество. Стадион хотя и считался действующим сооружением, тем не менее не был еще достроен. Выход на поле преграждался канавой с водой. Сообщение через нее поддерживалось с помощью двух досок.

И вот когда колонна кожевников, даже не подозревающая того, что она на сто процентов состоит из значкистов ГТО, двинулась на поле, выяснилось, что мостки исчезли.

— Прыгай! — кричал физорг, подбадривая своих питомцев. — Не бойся! Водой холодной закаляйся, если хочешь быть здоров!

Процентов шестьдесят преодолели водный рубеж без особых трудов, процентов десять оказались не на должной высоте и поэтому здорово промокли. Остальные дрогнули и отступили на исходные позиции.

— Нет, — печально сказал предзавкома комбината, — не готовы они к труду и обороне. Ведь канава-то значительно меньше, чем нормы по прыжкам в длину...

— ...Они, — повторил третий, — по ехидству замысла чувствую. Недаром тогда слухи ходили, что мостки сняли ребята из нашего общежития.

— Слышите? — показывая на окно комнаты № 15, произнес Никифор Ягодкин. — Помнят еще с прошлого года. И зачем ты, Колька, в таких рубашках ярких ходишь? Тебя всегда за километр определить можно. Если б тебя тогда биллиардист наш догнал — кием бы проткнул!

— Эх, как она на это посмотрит, — вздохнул Калинин, — что скажет...

— А я своей матери не боюсь, — сказал Никита Малинкин.

— Я не о матери, — сказал Николай. — Я о Ксении Николаевне. Что она обо мне сейчас думает?

Три Н закручинились.

Если многие старые производственники не знали молодого редактора многотиражки близко, то комбинатовская молодежь считала Арзамасцеву своей наставницей. Арзамасцева раньше была начальником учебно-производственного цеха. И сотни нынешних мастеров кожевенного дела получили путевку в жизнь именно из ее рук. Ребят она знала так хорошо, что

безошибочно определяла участников любой шалости, совершенной «неизвестными учениками». Так, например, случай с мостками на стадионе для нее не был загадкой. Конечно, это сделали Калинин, Малинкин и Ягодкин.

— Что-то она обо мне думает? — повторил Николай.

— Ты не ной, — сказал Малинкин, — сам виноват. Она здесь была, тебя искала. Зачем испугался? Она трусов не любит.

— А на комитет не пойдешь, — сказал Никифор, — второй раз трусом будешь.

— Еду, еду, еду к ней... — запели в комнате № 15.

— Хватит! — сказал чечеточник и отбил па, известное среди любителей под названием «последний нонешний денечек». — Мне танцевать не дают, а ты поешь...

— Я вас, артистов, перевоспитаю, — сказал третий, шумовик. — Будете всякие там танцен-манцен в клубе делать. Может, я желаю над собой работать в тишине...

— Ага! — раздался голос вахтера дяди Кости, и он вошел в палисадник. — Обнаружены на месте! Покушение на нарушение! Чего прячетесь? Вот тебе, Калинин, записка от Ксении Николаевны!

Друзья развернули бумажный фантик:

«Коля! Успокойся! Все знаю, рекомендацию тебе дам я. Не опоздай на комитет. Арзамасцева».

ХОЖДЕНИЕ ПО МУХАМ

Тропинка плела на крутом бедре холма заячьи петли. Внизу, отражая небесную синь, голубела река, и казалось, что по ней идет лед — такими белоснежными были облака, плывущие в небе.

Народный тенор Красовский стал спускаться с обрыва первым. Капитан-китолов Маломедведицын замыкал шествие. В середине шариком катился Поплавок и едва переставлял ноги Умудренский. Его галифе трепетали на ветру, как паруса. И было страшно, как бы ветер не задул сильнее и не сбросил их владельца вниз, в пучину вод.

Маленькая рыбка.
Золотой карась, —

замурлыкал тенор, забыв о том, что его голос — народное достояние, —

Где твоя улыбка,
Что была вчера...

Сначала все шло хорошо. Заветные места оказались свободными от местных конкурентов. Рыба гуляла по дну непугаными табунами. Красовский впал в оптимизм и официально объявил, что идет на побитие рекорда по карасям.

Умудренский же, рыболов поневоле, предпочитал рыбу в копченом, соленом и фаршированном виде. Он сидел, ухватившись за удочку обеими руками, и пожирал глазами поплавков. В глубине души Умудренский был доволен, что ни у кого не клюет. Это уравнивало в правах его, новичка, и опытного удильщика Красовского.

— Лучше пескаря в руки, чем кита в море, — нервно бормотал Маломедведицын, водя удилищем.

За час великого сидения только Поплавок вытащил микроскопическую рыбку.

А рыба в реке бродила толпами. Она все время ходила вокруг да около крючков, не проявляя почему-то горячего желания к их заглатыванию. Умудренскому движения рыбьих ртов казались зевотой. И от этого ему захотелось спать.

«На данном этапе любовное отношение к удилищу для меня самое дорогое! — подбадривал себя Умудренский. — Не дай бог заснуть! Расположения лишусь!»

— Хватит! Я перехожу на ловлю голавлей и вызываю всех на соревнование! — хлопнул себя по коленке тенор. — Но голавль берет в основном на муху. Вот, глядите, сидит муха... Я ее... есть! Теперь на крючок, так...

И только крючок канул в воду, как удилище забилося в конвульсиях. Раз! Рыбешка, словно струйка ртути, мелькнула в воздухе.

— Все, более или менее, ясно, — сказал Поплавок. — Но мух что-то маловато... Их скорее менее, чем более...

— Я достану, — радостно сматывая удочку, проговорил Умудренский. — Я, персонально, пойду в Горелово и наберу там целый килограмм мух.

— А почему именно ты? — спросил Поплавок.

Но Умудренский уже обдумал все — он не боялся упреков в подхалимаже.

— Кому же еще? — невинно переспросил он. — Товарища Красовского все знают — проходу не дадут. Товарищ Мало-медведицын опять же человек грандиозной популярности. Вам я бы не советовал: все-таки почти засекреченный работник, не будет ли тут притупления бдительности с вашей стороны? Вот и выходит, кроме меня — некому. Улавливаете мою мысль?

— Улавливай мух, да поскорее! И лучше более, чем менее, — одобрил идею Поплавок. — Быстро! Понял?

Но Умудренский, делая вид, что спешит, уже взбирался в гору.

На душе у него было радостно: не придется сидеть с удочкой в руке и ударять лицом в грязь. Охоту за рыбой Умудренский считал монополией малолетних бездельников и скучающих ответработников. Находясь в промежуточной стадии, он с удовольствием взялся за оперативное задание, где, как ему казалось, он сможет сверкнуть талантом.

— Дам сейчас мальчишкам в деревне по двугривенному, — рассуждал Умудренский, — и тысяча отборнейших мух обеспечена! А я буду тем временем попивать холодное молочко в тени яблонь.

Тропинка шла через поле. Вдали краснели крыши Горелова. Где-то вверху, казалось в самой стратосфере, пели жаворонки. Столько красоты было в этом полевом приволье, что даже хладная душа Умудренского умилилась.

«Плохо же мы знаем природу, — думал он. — Сидишь в городе, занимаешься сложными проблемами, а природу как-то не замечаешь... А вот ведь какая красота кругом... Эх!.. Ух!.. Ах!..»

Если бы Умудренский обладал феноменальной памятью, то он обошелся бы без междометий. Он просто вспомнил бы частенько мелькающие в субботних номерах газет «Уголки фенолога».

— Вот это да! — восторгается обычно наивный читатель после прочтения очередного «угла». — Вот это отобразил!

«...Роями выются пчелы и насекомые в расцветших вершинах лип. Желтый пламень махровых цветов зажигается утренним лучом на кудрявых макушках деревьев. И зноем пышет нежный аромат, и жужжат пчелы, словно мед закипает в зелени листвы, позолоченной цветочными венчиками и бледными крылышками прицветников» *.

Или еще забористей:

«...Залихватским росчерком речистого голоса только один зяблик может так молодецки поставить восклицательный удалой знак, заключительный аккорд в конце своей нежнозвучной песенки. А его супруга дивит орнитологов несравненным изяществом и уютом оригинального гнезда-полушария. Само превосходство над гнездами других птиц, пожалуй, объясняется именно тем, что строительством занимается не он, а только она — радетьельная клуша-наседка» **.

...По мере приближения к селу мысли Умудренского приобретали все более практическое направление. Куда обратиться прежде всего? Первым строением оказалась свиноферма.

* «Вечерняя Москва» от 2 июня 1954 года.

** «Московский комсомолец» от 13 мая 1954 года.

«Мухи обожают грязь, — рассуждал он, — следовательно, надо прежде всего зайти сюда. Свинья не выдаст — она любит грязь еще больше, чем насекомое...»

На ферме охотника за мухами встретил пушистый старичок. Седой пух покрывал его голову и щеки. Из ушей, похожие на струйки пара, вились седые пряди.

— Комиссия или просто так? — осведомился старичок.

— Я, собственно, потребитель, — сказал Умудренский. — Мне бы мух. Улавливаете мою мысль? — и он даже пожужжал немного для пущей ясности.

— Или вы того, — весело сказал старичок, щелкнув себя по кадыку, — или вы этого, — он покрутил пальцами перед лбом.

— Могу дыхнуть, — мрачно ответил Умудренский. — Кроме варенца, сегодня ничего не пил. Просто для некоторых опытов научного характера... нужны мухи.

— У нас ферма, извиняюсь, не мушиная, а свиная, — вдруг рассердился старик. — И мух в свинарниках нету. Потому чистота — залог здоровья... А здоровая свинья — колхозу чистый доход. Понял, мил-человек? Ступай отсюда подобру-поздорову!

— Уловил вашу мысль, — печально сказал Умудренский и, грустно взглянув на чистенькие свинарники, пошел прочь.

«Хитрый дед наверняка принял меня за ревизора-инкогнито, — решил Умудренский. — Свинья — чистоплюй! Хо-хо! Так я и поверил!»

Искатель мух принадлежал к тому числу скептиков, которые с большей охотой верят в грязь, чем в чистоту. Их мало таких, сомневающих во всем, но они еще есть. Глядя на солнце, они видят на нем только пятна, потому что смотрят сквозь закопченные стекла предубеждения. Такие люди примечают временный деревянный забор, но не хотят увидеть за ним стройку гигантского размаха и чудесной красоты.

Умудренский готов был поклясться самым для него дорогим, что от него умышленно прячут грязь в колхозе и утаивают желанных мух.

— Неужели есть такие деревни? — вслух размышлял Умудренский. — Впрочем, где-то читал я об этом. Не то Дедоевского, не то Пальцева произведение... Нет, меня не обманешь. Надо зайти в избу, завести деловой разговор и сразу предложить денег. А то на фермах, наверное, много народу, и каждый боится заработать при свидетелях частным образом... несколько рублей.

В первом же доме — он сразу активно не понравился Умудренскому своим подозрительно аккуратным видом и све-

жей крышей — старичок с мальчонкой, чистившие картошку, очень удивились незнакомцу.

— Здравствуйте — произнес Умудренский таким задушевым тоном, каким обычно разговаривал с начальниками, и быстро общарил глазами стены. Лицо его сразу померкло: никаких признаков существования мух в комнате не было.

Ответив на приветствие, старичок и мальчик вопросительно посмотрели на незваного гостя.

Умудренский почувствовал себя неуютно.

«С чего начать? — засомневался он. — Так сразу вроде неудобно...»

— Митек, — сказал хозяин дома, не сводя глаз с Умудренского, — вон Прохор Калинин идет, кликни его.

— Дедушка Прохор! — зазвенел мальчуган, выскакивая на улицу. — Дедушка Прохор! К нам подозрительный дяденька зашел!

— Вы ошибаетесь, я совершенно не подозрительный... — начал было Умудренский, но в избу уже вошел легонький старик в полувоенном кителе. Мощная борода, точно охапка свежих стружек, лежала на его груди. Взгляд у бородача был такой воинственный, что искатель мух сразу же полез в карман за документами. Удостоверение сотрудника Облкожпромсоюза удовлетворило Прохора Калинина.

— А что же ты, батюшка, не объяснил, зачем зашел-то? — спросил смущенно хозяин дома. — По сторонам смотришь, словно икону ищешь, глаза странные...

— Это я мух высматривал, — смутился Умудренский. — Меня послали их купить очень крупные люди.

— Мух? — не веря ушам своим, переспросил Калинин.

— Опыты на них ставить будут! Строго секретно!

— Эх ты, «облкож» да еще «пром», — рассмеялся Калинин. — Нешто муха скотина, что ее в хозяйстве иметь надо? От нее микроб и сплошная эпидемия.

Калинин говорил, бурно жестикулируя. Все знаки препинания он ставил пальцем в воздухе.

— Мы эту живность ликвидировали еще в четвертой пятилетке! — и Прохор Калинин поставил в воздухе восклицательный знак.

— Ну-ну, — фыркнул хозяин дома, — это ты уж, Прохор, хватил. Можно еще и у нас мух достать.

Калинкин задумался на мгновение и поставил в воздухе пальцем вопросительный знак. Потом пошелестел бородой и объявил:

— Верно! Можно! Трындычиха, вот кто вам нужен! Впрочем, я тоже в том направлении двигаюсь, так что могу проводить.

— А далеко она живет, ваша Трындычиха? — спросил Умудренский, когда они вышли из дома и под ребячьи крики «Мухолов, мухолов!» зашагали по улице.

— Во-первых, она не наша, а сама по себе, единоличница, — сказал дед Прохор, аккуратно расставляя в воздухе запятые. — Выгнали ее из колхоза два года назад. Баба дошлая. Она за копейку любое безобразие совершить может. За медный пятак — и этак и так. А уж полтину — дугой спину... А ведь дело-то не в гроше, а в душе. Душа подороже гроша. Так я говорю?

— Ого, кого я бачу! Сдается, то старый знакомый, Умудренский! — сказал чей-то бас. — Каким ветром?

Умудренский увидел оператора Благушу. Рядом с ним стояла какая-то девушка.

— Здравствуйте, — прижав руку к сердцу, ответил Умудренский.

— А я, Прохор Матвеевич, умираю от нетерпения, — сказал Благуша. — Музей старого быта надо снимать. Мы с Надей шукали вас по всему селу.

— Я вот с гражданином занят был, — усмехнулся Калинин. — У него дело большой важности — мух ловит. Для нужд промкооперации.

— Да я, собственно... — забормотал Умудренский. — Да я ничего... Промкооперация для меня самое дорогое...

— Вот оно, виднеется уже, Трындычихино гнездо, — махнул рукой Прохор Матвеевич, — трухлявый дом, в конце улицы стоит... На одних проводах держится! Если бы не электрический шнур, так бы под землю и ушел!.. Этот дом приезжие часто с нашим колхозным музеем старого быта путают.

— Благодарю за хорошее отношение, — торопливо сказал Умудренский, — это для меня самое дорогое...

И фигура мухолова, похожая издали на контрабас, зашагала по улице.

— Деликатного обхождения человек, — сказал Прохор Матвеевич. — Уж доподлинно: такой мухи не обидит.

— У нас в Виннице говорят: «В потихонях чорт сидит», — откликнулся Благуша.

Прохор Матвеевич, Надя и Мартын неторопливо шли по дороге.

— У вас много еще странностей, — сказал Мартын. — Такой зажиточный колхоз, а деревня называется Горелово. Я слышал, что поблизости есть Неурожайка — и в ней самые добрые в области урожаи снимают...

— Да уже давно народ решил переименовать. Отправили в столицу все бумаги... Со дня на день ждем решения, — ответил Прохор Матвеевич и вдруг, крикнув: «Минуточку, ваше плодородие!» — бросился в ближайший дом.

— Это он агронома увидел, — сказала Надя. — Папа агрономов всегда зовет пышно — «ваше плодородие».

...Умудренский, наконец, отыскал Трындычиху.

На крыльце, отдуваясь, стояла великолепная по объему женщина. Воздух над ней струился, как над жаровней. Несметное количество каких-то шелковых и кисейных шуршащих кофточек было натянута на толстуху, и от этого она смахивала на большую ожившую луковицу.

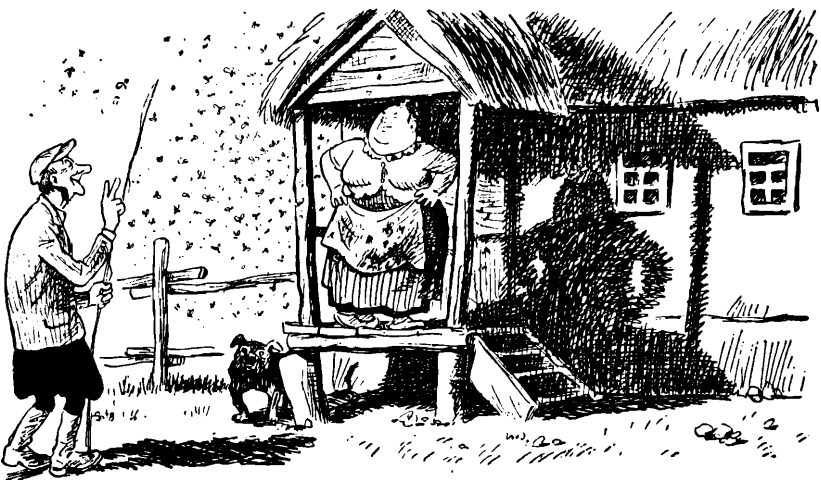
— Так что же вы будете покупать? — бasila Трындычиха. — Молоко? Ягоды? Овощ у меня любой — весь винегрет вокруг дома растет. Мед имеется.

— Меня интересует товар деликатный, — сказал Умудренский. — Для научно-популярных нужд. Мне рекомендовали к вам обратиться.

— Что ж, у Трындычихиной все имеется! — гордо повела плечом толстуха. — Что хочешь продам. Хватило бы у вас денег.

— Мне нужны мухи, — как можно мягче выговаривая слово «мухи», произнес Умудренский.

— Можно! — ничуть не удивилась торговка и распахнула дверь своей избенки.

Гул бесчисленных мушиных стай обласкал слух Умудренского. Мухи сидели на потолке, на стенах. Умудренский, не задумываясь, протянул пятерку.

Выпросив у торговли лист бумаги, он свернул из него фантик, затем зажмурил глаза и головой вперед, как в прорубь, кинулся в мушиный дом. Доски пола под его ногами заходили ходуном, запели на разные лады.

Наловив мух, Умудренский вышел из избы. Кулек в его руках жужжал, как мотор.

Когда Умудренский вернулся на место рыбной ловли, он уже не нашел там ни своего начальника, ни его компаньонов. Он побродил по берегу, заглядывая под каждый кустик, порядком продрог и, горячо проклиная любимое начальство, зашагал к шоссе.

«КРАСНОГОРСКОЕ РУНО»

Виктор Викторович Протарзанов раскинул свой бивуак на вершине холма. Отсюда ясно были видны колонны овец, выходявшие на съемочные рубежи. Со штативами наперевес бежали навстречу отарам операторы. Ассистенты торопливо взбирались на возвышенность, нервно передавали донесения и мчались назад с приказами кинокомандующего.

Протарзанов сидел на походном складном стульчике, положив одну ногу на барабан для сушения пленки. Лицо Виктора Викторовича болезненно морщилось. Он переживал острый приступ подагры. В такие минуты даже верный адъютант Гиндукушкин старался не попадаться мэтру на глаза. Подле шатра на пуфике томно возлежала Чита. Пес, рожденный и воспитанный в городе, впервые близко столкнулся с живой бараниной и был устрашен ее нецивилизованным видом.

Над съемочным плацем звучало жалобное овечье блеяние. Овцы и барашки, мобилизованные в соседних деревнях, никак не могли проникнуться значительностью момента. Они ежеминутно порывались бежать домой и кидали умоляющие взоры на своих владельцев, которые плотным кольцом окружили луг. Помощники режиссера, временно исполняющие обязанности чабанов, еле-еле справлялись с парнокопытными статистами.

Привлеченные редким зрелищем, сюда пришли рабочие Кожкомбината, окрестные колхозники и три пионерских лагеря с горнистами.

— Неужели и у нас на Кожкомбинате будут снимать? — тревожно спрашивали рабочие. — Тогда прощайся с планом! Три дня работать не дадут!

— Кинокомедия из животной жизни! — радостно кричали ребяташки, помогая помрежам ловить заблудших овец.

Юрий Можаяев некоторое время наблюдал из толпы за действиями товарищей по оружию. Зрители всё прибывали. Среди вновь подошедших была высокая женщина в цветастом платье

и оригинальных босоножках, напоминающих древнегреческие котурны.

— Пламенный привет, товарищ Арзамасцева! — здоровались с ней рабочие. — Добрый вечер! Материал-то на фельетон просится, а?

— Ксения Николаевна, — озабоченно спросил Юрий, — вы были в артели «Наш ремешок»?

И Арзамасцева, понизив голос, сообщила Можаяеву, что разговаривала с Федей Белорыбицыным, который только-только вернулся с курорта; что Федя уверен, будто Самозванцев его нарочно отправил туда в такое время. Кроме того, Ксения Николаевна почерпнула от Белорыбицына много интересных сведений о козрегланах и прочих чудесах артельной жизни.

— Спасибо вам, товарищ Можаяев, — кончила свою информацию Арзамасцева, — а то бы я об этой Бакшиш никогда не узнала... Или узнала бы слишком поздно...

— Ксения Николаевна, — взмолился Юрий, — как журналист журналиста прошу: посвятите в курс сегодняшнего комбинатовского собрания. Я так был занят съемкой Николая Калинкина, что не мог присутствовать. А ведь там, кажется, шел разговор о кожноподкожных махинациях?

— Долго рассказывать! Заседали три часа.

— А вы в двух словах, телеграфным языком.

— Попробую, — улыбнулась Арзамасцева. — Итак, зажим рационализации. Кому выгодно? Встанько и другим. Каким образом? Остаются излишки. Их вывозят. Якобы «обрезки». В артель. Самозванцев оформляет фальшивыми ведомостями. Берет себе. Отдает частным портным. Они шьют.

В основном пальто. Бакшиш реализует. Деньги делятся. Все ясно?

— Почти... А кто конкретно разоблачил эту шайку-лейку?

— Одному человеку это было бы не под силу. Тут много народу приложило стараний. И вы, и Федя Белорыбицын, Николай Калинин, который боролся за новые нормы... и ОБХСС. Ну, как говорится, подробности в газетах...

— Спасибо, Ксения Николаевна! На душе стало спокойнее... Жаль, я не был на собрании... С режиссером надо встретиться.

— Вы хорошо знакомы с самим Протарзановым? — спросила Арзамасцева.

— Слегка, — усмехнулся Юрий. — Во-первых, мы работаем на одной студии, а во-вторых, я пять лет приобщался к искусству под его руководством. Виктор Викторович — масштабная фигура. Гроссмейстер инсценировки.

— И у него все ученики такие критиканы? — улыбнулась Ксения Николаевна.

— К сожалению, не все, — развел руками Можаяев. — Вот, например, сюда направляет стопы свои мой соученик. Фанатик протарзановщины!

К Юрию бежал, прыгая через кочки, Власий Гиндукушкин.

— Как жизнь в искусстве, старик? — кричал он. — Рад тебя видеть!

Юрий сделал несколько шагов навстречу Власию.

— Кто эта красивая женщина? — зашептал ассистент-адъютант.

— Сначала здравствуй, — отвечал Можаяев. — А что касается женщины, то это редактор комбинатовской многотиражки.

— Ого! — воскликнул восхищенно Гиндукушкин и горделиво подбоченился. Он считал принятую позу наиболее эффективной.

На лбу Власия сверкал зеленый целлулоидный козырек. Щуплую грудь прикрывал галстук леопардовой масти. Щеки и флюгерообразный носик были исчерчены свежими царапинами, словно по ним прошелся чей-то маникюр.

— Неужели у баранов такие когти? — поразился Юрий.

— Меня терзали орлы, — самодовольно отвечал Гиндукушкин.

— Лавры Прометея мешают тебе жить спокойно?

— Птички стоят мне столько нервов! — хватаясь почему-то за печень, простонал Власий. — Я организовал в красногорском зоопарке трех орлов. Специально для кадра «Нападение звена воздушных пиратов на мирного чабана»... Но почему ты скрываешься среди толпы? Иди приветствуй мэтра!

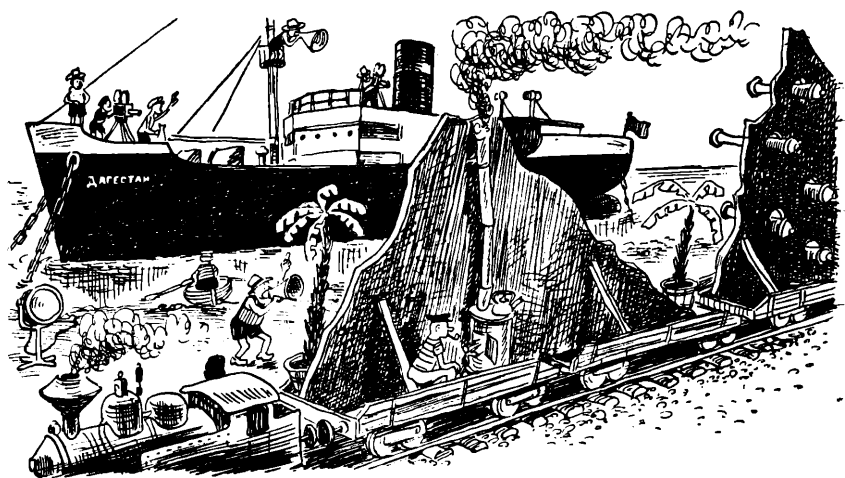
Придерживая Можая за локоток, Власий направился к режиссерскому штаб-шатру.

— Хочешь, я расскажу тебе одну потеху? Только, старик, чтоб это было между нами...

И, не дожидаясь согласия Юрия на хранение тайны, Власий затараштел:

— Ты, старик, не знаешь этой истории. Мэтру поручили заснять документальное кинополотнище о перегонке судна «Дагестан» из Черного моря в Белое. Словом, Европа справа! Якорей не бросать!.. Отразить южную экзотику, а затем арктические торосы, заносы и айсберги. Виктор Викторович со своей группой выехал в Одессу... Ты, старик, не представляешь — там райский климат! Мэтр принял решение задержаться подольше — он вообще любит южную природу. А чтобы совместить приятное с полезным, снял процедуру перегонки корабля без отрыва от Одессы. Всю «Европу справа» засняли при помощи фанерных щитов, расписанных местными театральными художниками. Особенно роскошно получились виды Гибралтара и туманы Ла-Манша. Даже охота на белого медведя — его наняли у дрессировщика Тендера — выглядела очень натурально. И кто бы мог догадаться, что все эти айсберги и медведи сняты под Одессой?! О, у Протарзанова все получается шедеврово!.. Но, представь, старик, вдруг морское начальство решило перебазировать на север не «Дагестан», а какой-то другой стан... А фильм уже снят! Крах, скандал, фиаско!

— И, конечно, ему все это сошло? — с негодованием спросил Юрий.

— Еще бы! — продолжал Гиндукушкин. — О! Это же всемогущий мэтр! Он нажал на все кнопки и добился того, что в рейс двинулся заснятый им корабль. Для этого, правда, пришлось произвести капитальный судоремонт на пару миллиончиков. Но что такое миллионы по сравнению с репутацией Протарзанова! Фильм вышел на экраны и имел гранд-успех. Ну, каков мэтр, а? Все может, все умеет.

— А ты, как всегда, сделал из этого анекдот? Вместо того чтобы бить в набат, ты рассказываешь байки по углам?.. И проходишь мимо безобразий!.. Нет, я бы тебя привлек как соучастника...

— А по-твоему, старик, я должен бежать к прокурору и рассказать ему эти дела давно минувших рублей? Мне что, больше всех надо? Я оператор, а не госконтроль!

...Протарзанов встретил Юрия приветливо. К этому времени приступ подагры уже почти кончился.

— Здравствуйте, мой юный друг, — проговорил мэтр. — Наконец-то вы прибыли под мое начало! А где Благуша? Я уже сыскал вам обоим работу.

Можаяев удивился:

— Почему вы должны нам искать работу? Благуша и ныне на боевом посту. Я в данный момент кончаю съемки на Кожкомбинате...

— Э-э, мой юный друг, — рассмеялся Протарзанов и потрепал Юрия по плечу, — вы, видно, не в курсе событий. Фениксов приказал вам прекратить съемку этой... как ее?.. семьи Малинкиных... и подключиться к моей теме. Я согласился принять под свое крыло моих воспитанников. Вызывайте Благушу и приступайте...

— Ничего не понимаю! Мы же говорили со студией! Леденцов приказал продолжать съемку.

— Леденцов меня не волнует. Есть более значительные проблемы. Мы делаем фильм о выдающемся открытии! Красногорское руно! Возьмите у Гиндукушкина сценарий и ознакомьтесь. Но вернемся к нашим баранам. Эй! — прогремел он в мегафон. — Готовьте орлов! Давайте сюда чабана!

Юрий неверными шагами поплелся прочь из кинолагеря.

«Итак, все кончено. Судьбой неумолимой... Ах, чорт! Какие погребальные мысли лезут в голову!.. Что же делать? Снимать или не снимать? Телеграфировать Мартыну и переключаться на овец?..»

Тем временем декорация для одного из центральных кадров документального киноочерка была почти готова. У подножия холма заканчивалось сооружение высокогорного пастбища. Свободные от консервации шумов звукооператоры обрядились в мохнатые бурки и папахи: лжечабаны создавали

фон. Тут же монтировался первый план: с помощью автомобильных насосов шоферы надували скалы. Резиновые резервуары постепенно принимали грозные очертания. Под их сенью и должна была разыгаться битва орла с чабаном-изобретателем.

Сам изобретатель «красногорского руна» — Гавриил Хватадзе — стоял перед Протарзановым, сгибаясь под тяжестью бурки. Он кидал опасливые взоры на пернатых налетчиков, смиренно сидевших у ног зоопарковского представителя. Орлы, втянувшие головы в плечи, тоже казались одетыми в бурки. Изредка орлы кидали презрительный взгляд на суетившихся кругом документалистов.

— Дорогой Гавриил Автандилович! Вы, как крупный ученый, кандидат сельскохозяйственных наук, конечно, понимаете свою сверхзадачу. О сквозном действии перед аппаратом я тоже говорить не буду. Но вот суть кадра. Кстати, одного из эффектнейших в сценарии. Вы — на коше, высоко в горах. Перед вами — одна из тысячи горячо любимых подопытных овец... Вы когда-нибудь видели, как пасут отару? Только издали? Достаточно... Итак, наблюдая за отарой, вы ласкаете кудри данного экземпляра. На лице — дума о серийном производстве каракуля. И в этот момент в воздухе — свист крыльев и клетот. Орлы! Ягнятники! И вы, не задумываясь, грудью становитесь на защиту овцы! Ведь плод многолетних трудов может быть унесен неразумным хищником!

Создатель «красногорского руна» вникал в речи режиссера без воодушевления. Ему было жарко и боязно. Орлы, несмотря на мирный вид, не внушали доверия. Поэтому жгучие черные усики Гавриила Автандиловича, похожие на часовые стрелки, опустились вниз. Если обычно они вытягивались в прямую линию, словно стрелки часов, показывающие без пятнадцати три, то сейчас усики стояли на двадцати минутах восьмого: настроение плохое.

— Товарищ Хватадзе, прошу занять место! — предложил Протарзанов. — Начинаем сцену с орлами! — прорычал он в рупор.

Но тут произошла неожиданная заминка. Гордые птицы, оказывается, передвигались только пешком: у них были подрезаны крылья. Эффектно задуманному кадру грозила гибель.

Виктор Викторович разбушевался. В рупор-усилитель он поносил нехорошими словами местный зоосад, Гиндукушкина и всех пернатых вообще.

В конце концов творческая мысль преодолела конструктивные недостатки орлов. Хищников ухватили под микитки и водрузили на вершину надувной скалы. Дергая за веревки,

привязанные к орлиным щиколоткам, добились того, что птицы кое-как помахивали крыльями.

Но когда началась съемка, затюканные ягнятки почему-то не захотели кидаться на блеющих овец. Они изо всех сил цеплялись за скалу. И вдруг раздался странный свист. Птицы испуганно заклекотали. Скала, пронзенная орлиными когтями, неторопливо испускала дух и таяла на глазах.

Производственный ритм был нарушен. Отара заволновалась, как предштормовое море. Белые барашки волнами набегали на ряженных звукооператоров. Смешались в кучу овцы, люди.

Порядок был восстановлен лишь совместными усилиями всех тридцати трех киногопатырей и их дядьки режиссера. Шоферам, набившим руку на склейке автокамер, поручили спешно залатать пораненную скалу и вернуть ей надувательную способность.

— Чтобы не терять времени, — скомандовал Протарзанов, — мы будем снимать крупный план. Товарищ Хватадзе, давайте сюда ваше подопытное животное. Так! Подымите ей голову, пусть смотрит целеустремленным взглядом. Поймите, она родоначальница той породы овец, которые потрясут меховую промышленность! Да, почему она у вас какая-то серая, какая-то неэстетичная? Гиндукушкин, приведите овцу в человеческий вид!

Власий быстро схватил конистру с питьевой водой и окатил родоначальницу с головы до копыт.

— Вай! — закричал кандидат сельскохозяйственных наук так страстно и скорбно, что весь табор замолк. — Вай! Что вы делаете? Она хрупкая! Она простудится!

Хватадзе стремительно, как абрек, бросился на овцу, закутал ее буркой и, приговаривая: «Сушить надо, кашлять будет», — повлек через поле туда, где виднелась небольшая липовая роща.

— Чорт побери! — сказал Протарзанов. — Пока

он ее там приглубит и обогреет, зайдет солнце. Придется готовиться к вечерним съемкам.

Осветители начали снимать чехлы с прожекторов. Электрики потянули провода к столбам. Однако наиболее мощный агрегат, известный под кличкой «Племянник солнца», попрежнему был спеленут: ввиду скудости энергетических ресурсов района его временно оставили в покое.

В этот напряженный момент на режиссерский холм поднялся рослый мужчина и отрекомендовался председателем одного из близлежащих колхозов.

— Овечек пора бы по дворам распустить, — кротко сказал он Протарзанову. — При вашей организации вы еще недельку здесь наверняка провоциете.

— Вы что, враг искусства? — вскричал Виктор Викторович.

— Почему же враг? — удивился председатель. — Мы же вам пошли навстречу. Обеспечили же массовку?.. Но не тощать же из-за вас мелкому рогатому скоту!

— Можете жаловаться в письменной форме, — высокомерно процедил Протарзанов. — Напишите письмо в вашу местную газету, и когда выйдет номер, очень прошу: пришлите экземплярчик!

И он повернулся спиной к колхознику.

— Спасибо за идею! — сказал тот. — Так и сделаем. У нас найдется кому написать! — и неторопливо сошел с холма.

...Юрию хотелось побыть одному. Все более удаляясь от кинолагеря, он сначала бродил вдоль шумных палаток звуковиков, потом скитался среди осветительных агрегатов, затем решил добратся до виднеющейся вдаль рощи.

— Спокойнее, спокойнее, — уговаривал Юрий себя. — Вот сейчас доберусь до этого липового базиса и приведу свои нервы в штилевое состояние... Корабли сожжены. Мосты тоже. Будем снимать фильм до победного конца!.. А как быть с Мартыном? Сказать? Не сказать? А вдруг у него опустятся руки? Лучше сказать, но... когда кончим съемки. Будет, конечно, буря... Что ж, поспорим и поборемся мы с ней...

В тишине и покое, среди почтенных лип приютилась голубая дачка, обнесенная крепостным забором.

Над воротцами была приколочена металлическая вывеска:

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СИНТЕТИЧЕСКО- АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Размышляя об универсальной обтекаемости надписи, Юрий присел на скамью подле калитки. Зазвенела щеколда, и наружу высунулась похожая на кочанок цветной капусты седоватая голова с круглой лысинкой.

— А что вы тут делаете, добрый человек?

— Сижу, — ответил Юрий. — А что, строго воспрещается?

— Посторонним — категорически! — фыркнула голова. — А вы из кино будете? Я всех ваших по аппаратам угадываю. Товарища Хватадзе небось ждете? Сейчас доложу!

Цветная капуста исчезла.

«Загадочный человек этот Хватадзе, — подумал Юрий. — Приравнял своих овечек к государственной тайне. Спецсорожа, предварительный опрос. Хорошо еще, что анкеты не заставили заполнять».

Снова брякнула щеколда. Седенький вахтер, выйдя за ворота, сделал приглашающий жест:

— Гавриил Автандилович немного задерживается. Просит вас подождать. Зайдите.

— Ну что ж, — усмехнулся Юрий, — не будем обижать хозяев. — И тут же подумал: «Интересно, какие волшебства скрываются под этой вывеской-ребусом».

Вопреки ожиданиям, кроме старичка вахтера, внутри ограды не было видно ни лаборантов, ни старших барановедов, ни младших овцеводов. Очевидно, весь личный состав лаборатории находился на месте съемок великого открытия.

Дверь веранды распахнулась, и навстречу Юрию вышел сам кандидат наук. Хватадзе был в медицинском халате и держал в руке желтый солдатский ремень с пряжкой, похожей на электросчетчик. Усы-стрелки показывали без десяти два: руководитель лаборатории пребывал в хорошем настроении.

— Зачем пришел, дорогой? — спросил он. — Почему, дорогой, от своей киноотары отбился? Наверное, товарищ Протарзановшвили прислал?

— Я об овечке беспокоился. Жалко овечку.

— Сейчас она подсохнет — назад пойдем. Сниматься бу-

дем. Садись пока тут. Ожидай Хватадзе. Никуда не ходи — не мешай изобретать. Кругом, дорогой, ток имеется высокого напряжения. Один шаг не туда — угольком станешь. У нас даже баран и тот в резиновой обуви ходит. Научная среда, ничего не поделаешь! Сиди смирно, дорогой, смотри на мое учреждение... Хороший дом, а? — И Хватадзе исчез, ключом заперев за собой дверь.

Юрий покорно сел на скамейку.

Слева из маленького, поросшего мхом погребка тянуло запахом винных бочек. Справа, из полуоткрытого окна дачки струился тонкий аромат свежего шашлыка и жареного лука. У Юрия начал разыгрываться аппетит.

— Хорошо, что Мартына тут нет, — пробормотал он и, решив прогуляться вокруг дачи, встал со скамьи. — Благуша не выдержал бы этой кулинарной пытки!

С задней стороны дома, подле большого трехстворчатого окна Юрий остановился. Его привлекли треск и вспышки света. Так сильно пахло озоном, будто только-только закончилась бурная летняя гроза.

Зная, что любопытство большой порок, Юрий все же не выдержал и заглянул в окно. Заглянул и ... обомлел.

— Так вот в чем заключается синтетическо-аналитический метод! — прошептал Юрий и быстро расчехлил аппарат. — Это очень пригодится...

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ГАВРИИЛ ХВАТАДЗЕ ВЫВОДИЛ ЦВЕТНЫХ ПСОВ, СКРЕЩИВАЛ СВИНЬЮ С ЧЕРНОБУРКОЙ И КАК ДОШЕЛ ОН ДО ЖИЗНИ ТАКОЙ, ЧТО ИЗОБРЕЛ СИНТЕТИЧЕСКУЮ ОВЦУ

Когда дитя гор и цитрусов Гавриил Хватадзе приехал в столицу, он еще не мечтал о научной карьере. Субтропический юноша был шумлив, как Терек, и беззаботен, словно утренний ветерок в теснине Дарьяла. Гавриил верил в свою счастливую звезду. Эта вера базировалась на трех китах: свидетельстве об окончании средней школы, неотразимых для юных москвичек усиках и престарелом папе-садоводe, который сбывал курортникам плоды своего мандаринового сада и половину выручки отправлял сыну.

Постоянно имея приток свежих мандариновых денег и неограниченные резервы свободного времени, черноусый Гавриил принялся за устройство сердечных дел. Среди покоренных им особ было одно нежное создание — дочь известного профессора-естествоиспытателя. Ее пылкая любовь и навела Хватадзе на мысль посвятить свою жизнь достижению ученых степеней.

Гавриил стал ассистентом тестя. Маститый родственник решал сложнейшие проблемы по выращиванию седьмой ноги у мушки дрозофилы. Но после двух-трех ударов по профессору

со стороны широкой общественности Хватадзе сообразил, что тесть шагает по неверному пути. И Гавриил решил вести самостоятельный исследовательский образ жизни.

— Надо, понимаешь, как можно скорее выходить из научного тупика! — сказал Гавриил своей супруге. — Твой папа отсталый человек. За два года не мог устроить мне защиту диссертации! Вместо того чтобы из любимого зятя делать кандидата наук, он делал из мухи слона!

Свободный, как горный ветер, Хватадзе принялся за поиски более фундаментального объекта, чем муха-семиног.

Однажды, когда Гавриил Автандилович находился на даче, мирная трапеза была прервана просительным собачьим лаем. Возле террасы, явно рассчитывая на угощение, стоял пудель волшебного голубого цвета.

— Бог подаст, — сказала супруга, поглощая жирный плов.

— Вай! — озаренный идеей, вскричал Гавриил и бросился к собаке. — Феномен! Голубой пудель! Дорогая, угости собачку! Ну, пойди сюда, мой желанный, пойди сюда, мой небесный...

После того как коварно плененный пес был водворен в спальню, на террасе состоялось летучее совещание.

— Хватадзе сумеет поставить дело на солидную ногу! — ораторствовал Гавриил Автандилович. — Это уже не мушиный масштаб! Срочно надо запатентовать производство разноцветных собак, понимаешь? Чтоб Хватадзе поручили научно-исследовательскую ферму!

— Надо глядеть в корень! — рассудительно заметила супруга. — Какие проблемы будет решать твоя ферма?

— Прежде всего, дорогая, — произнес Хватадзе, — выяснение законов изменения окраски для последующего внедрения в массовое собачье производство. Хватадзе вытеснит голубых песцов! Хватадзе выведет спецпороду камуфляжных псов! Зеленая масть, например, незаменима для охотничьих промыслов. Представляешь, дорогая, зайцы будут принимать наших собак за болотные кочки! Цветомаскировка.

— На болоте зайцы не водятся, — мудро заметила супруга.

— Наши собаки загонят их туда! — вдохновенно воскликнул Гавриил Автандилович. — И еще одна проблема: стрижка щенячьего поголовья для джемперовязальной промышленности! Переворот в текстильной индустрии! Ощущаешь, дорогая? Это типичная докторская диссертация.

— Если ты успеешь ее защитить, — зловеще молвила жена.

Но блестящим перспективным планам не удалось сбыться. Через два дня пришел какой-то нахальный человек. Он объявил себя владельцем соседнего дома и потребовал возвращения пуделя в дачное лоно. Выяснилось, что голубая окраска собаки не наследственная, а благоприобретенная. Чтобы белая шерсть

пса не пожелтела, при купании в лохань кладут синьку. На этот раз воду пересинили.

Несмотря на удар, нанесенный неблагоприятным четвероногим, Хватадзе твердо решил работать в области экспериментов над домашними животными.

За два года Гавриил Автандилович стяжал известность в меховой промышленности. С упрямством одержимого гоночеловека он пытался вместе с профессором Динозавровым вывести устойчивый гибрид свиньи и лисы чернобурки. Хватадзе действительно присвоили звание кандидата наук, после того как он вырастил боровка чернобурой масти.

— Вот когда на этом поросенке вырастет мех, — пообещали ему, — тогда стяжаете и звание доктора.

Но мех на боровке почему-то упрямо не всходил, и Хватадзе уже начал присматривать себе следующий объект исследования.

Идея, как и все гениальные идеи, родилась случайно. Супруга Гавриила Автандиловича так строго следила за собой, что он никогда не мог разобрать, где кончается косметика и начинается подлинник.

Наблюдая как-то раз за процедурами массажа, втирания, облучения и завивания, Хватадзе набрел на поразительное открытие.

— Вай! — изумился Гавриил Автандилович. — Вот он, выход! Докторская степень у меня в кармане!

В эту же ночь были продуманы все детали создания синтетической овцы...

...Минут через десять Можаяв встретился с Хватадзе у погребка, издающего винный запах.

— А, дорогой, кругом ходил, вокруг гулял, да? — нервно спросил кандидат наук, вытирая бумажной салфеткой лоснящиеся губы. — Жизнью рисковал, дорогой?

— Что мне бояться? — молвил Юрий. — У меня ботинки на микропористом ходу.

— Хватадзе, понимаешь, задержался! — сказал кандидат наук. — Говорю ей: «Сушись скорее, баранья твоя голова! Кино ждет. Режиссер ждет! Товарищ во дворе сидит!» Но разве она понимает?

Уловив на лице Юрия насмешливое выражение, Гавриил Автандилович пылко заговорил:

— Дело Хватадзе, дорогой, надо ценить! Хватадзе уважать надо! Знать надо, что он открыл!.. Понимаешь, каракуль считается так: чем старше, тем хуже, тем дешевле. Кольца крупней. Завиток грубей. Овчина получается в конце концов. А метод Хватадзе научный. Передовой. Берется, понимаешь, простой шашлычный барашек. К двум годам Хватадзе с помощью секретных лучей из этого барана-дворяжки делает самый лучший каракуль! Большая выгода промышленности получается, дорогой! Обычно на манто, например, берется десять юных ягнят. А Хватадзе делает шубу из двух взрослых овец. Твой Протарзаношвили молодец. Правильно задумал: биографию барашка от пастбища до манто... Понимаешь, дорогой?

— Понимаю, — отвечал Юрий. — Но почему у вас в лаборатории, как в духане, шашлыком пахнет? Это синтез или анализ?

— Ай, злой человек! При опыте, при облучении, перегрев иногда получается... Вот барашек и начинает пахнуть!

— А при чем здесь жареный лук? Да еще вино?

— Секрет изобретателя! — прошептал Хватадзе, сверкая глазами. — Свойство лучей, понимаешь?

На крыльце веранды появилась женщина в синем комбинезоне. Она тащила упирающуюся овцу. Синтетическо-аналитическая овечка выглядела ослепительно. Ее можно было вести на любую выставку. Даже у орла-ягнятника и то не поднялось бы крыло на такую красоту!

— Невозможно оставаться равнодушным при виде такой прелести, — сказал Юрий умиленно. — Разрешите, я ее сниму на память?

— Пожалуйста, дорогой! Гавриил Хватадзе совершил великое открытие! Он его не скрывает! Гавр сделал свое дело — Гавр может уходить. Пусть потомки носят мой каракуль!

...По дороге к кинотеатру у всех троих спутников было бодрое настроение. Овца радовалась окончанию лабораторной процедуры. Юрий размышлял о том, какой восторг на студии вызовут снятые через окно кадры. Хватадзе предвкушал тот торжественный день, ко-

гда экраны всей страны покажут его лицо миллионам зрителей. По небу, гонимая ветром-чабаном, бежала отара облаков. Заходящее солнце было наполовину прикрыто черной, как бурка, тучей.

Хватадзе, подталкивая подопытную овцу, направился к холму. У протарзановского шатра стояла Арзамасцева. Мэтр, прощаясь, галантно целовал ей руку.

— Ксения Николаевна? — удивился Юрий. — Еще здесь?

— Овец можно отправлять к родным очагам! — раздался над лугом усиленный рупором голос Виктора Викторовича. — Продолжаем крупноплановые съемки!

Гиндукушкин опрометью бросился выполнять приказ и налетел на Юрия.

— Какая женщина! — скосив глаза в сторону Арзамасцевой, сказал Власий. — Одно слово — и мэтр пал к ее ногам, вернул овцам свободу! Законные владельцы уже разгоняют их по домам! Сила убеждения!

— Протарзанов просто испугался вмешательства прессы, — усмехнулся Юрий. — Ксения Николаевна не только редактор многотиражки, но и фельетонист «Красногорской правды».

— Я бы запретил красивым женщинам писать фельетончики, — сказал Гиндукушкин. — Неужели они не могут найти себе другого занятия, более благородного?

Маленькие глазки Власия блудливо бегали. Носик-флюгер румянился под прощальными лучами солнца. Власий боялся, что Можяев станет расспрашивать его об утерянном письме...

— Может, помочь тебе чем-нибудь, старик? Может, вы с Благушей решили все-таки доснимать свой шедевр? Вам нужна, наверное, пленка? Коробочку я могу устроить. Из собственных запасов. Как близким друзьям, а?

— Пленки нам действительно не хватает, — огорченно сказал Юрий. — Посему от даров не отказываюсь! Ну, я пойду к Протарзанову. А ты меня потом разыщешь.

...Чита воинственно ошетинулась и зарычала. Виктор Викторович оглянулся. На фоне заката он выглядел монументально. Стальной костюм казался бронзовым. Рупор в руке походил на сказочную палицу.

— Вместо того, мой юный друг, чтобы выполнять мои распоряжения, — неумолимо сказал Протарзанов, узрев Можяева, — вы шатались под сенью местных кушей. Продолжайте в том же духе, продолжайте...

— У меня на данном этапе дело не личного, а общественного порядка, — произнес Юрий. — Я тут снял кое-что... Очень интересное. Эти кадры имеют для вас решающее значение!

— Не надо, — холодно отмахнулся Протарзанов. — До сих пор я как-то обходился без помощи нерадивых учеников.

— Предупреждаю, Виктор Викторович: снимая «Красногорское руно» и этого Хватадзе, вы губите государственные деньги!

Самоуверенный, насмешливый взгляд приморозил Можая к месту.

— Так вот какими пустяками вы взволнованы, мой юный друг? — ядовито сказал мэтр. — Только не пытайтесь трещать крыльями и говорить слова из газетных передовиц. Об этике, растратах, самокритике и прочих сантиментах... Я отгадал, что вы хотели процитировать. Не так ли?

— Вы помогли мне обойтись без резких выражений, — глухо сказал Юрий, беря себя в руки. — Но кое-что из «сантиментов» вами было забыто. Например фальсификация.

— Я знаю, юноша, что вам давно не нравится мой творческий метод. Не делайте широких морских жестов — вы не в открытом океане. Не кивайте на эту толпу. Учтите, я снимаю для миллионов. Важен конечный результат. Если фильм будет снят по-протарзановски, мне простят все... И тогда вы придете ко мне с поздравлениями. Но... возвращение блудного сына не состоится. Его даже не пустят на порог. А сейчас, мой юный друг, уберите и не мешайте мне творить.

И, отвернувшись от Можая, Протарзанов крикнул в рупор:

— Эй, готовьте орлов! Тащите сюда чабана с овцой! Дайте свет! Как со скалой? Утечки воздуха нет? Снимаем кадр номер шестьдесят восемь! Учтите, мы должны придерживаться во всем суровой правды жизни!

— Я тоже за правду жизни, — негромко сказал Юрий и, зайдя за режиссерский шатер, вскинул аппарат.

На поле начиналась очередная инсценировка.

«КОММУТАТОР СЛУШАЕТ!»

Телефон убил эпистолярный жанр.

После того как в трубку было сказано первое «алло», количество писем стало резко падать. Человечество начало экономить на бумаге. Если раньше влюбленным, чтобы выяснить отношения, требовалось минимум килограмм бумтоваров, то теперь можно просто набрать нужный номер и сказать:

— Валя, это ты? Валя, это я. Есть личный разговор. Жду тебя на том же месте. Подруг с собой не бери.

Конечно, почтовые отправления еще играют в жизни некоторую роль. Но это, надо полагать, объясняется еще недостаточной телефонизацией. Когда телефон войдет в быт так же широко, как зубная щетка или консервы «Зеленый горошек», то личная переписка отомрет сама по себе. Писатели, которые ныне упускают возможность создать эпистолярные шедевры, потом спохватятся, но будет поздно.

Труднее будет телефону ликвидировать переписку служебную. Перед ней слабые токи пасуют. Зато радуются бюрократы:

«На телефонный разговор резолюцию не наложишь, его в исходящие не подошьешь, к исполнению не предъявишь! Нет-с, уважаемый, давайте составим письмецо!»

И вот уже бежит по улице скороход-рассыльный с охапкой фирменных конвертов. А ему навстречу другие курьеры с целыми горами межведомственной переписки. Курьеры, курьеры, курьеры — тридцать пять тысяч одних курьеров! А канцеляристы, удовлетворенно взирая на уличную суету, с сознанием исполненного долга бредут к кассам получать зарплату.

Телефон завоевывает все новые и новые рубежи. Если раньше он был достоянием ответственных работников и частных зубных врачей, то теперь телефонный кабель распространен уже более, чем водопроводная труба, хотя еще и менее, чем электрический провод.

...В селе Горелове телефонный коммутатор работал уже больше года. Руководить всем этим слаботочным хозяйством поручили Ольге Калинкиной — курносой улыбочатой девушке. Правление колхоза подарило ей сшитую по спецзаказу в красногорском ателье форму работника Министерства связи: жакет с голубым кантом и фуражку. На рукаве жакета переkreщивались две позолоченные молнии.

Ольга стала самым осведомленным человеком в колхозе. В ее коммутаторе сталкивались тысячи разговоров, и по характеру службы ей приходилось быть в курсе всех событий. Ольга могла ответить на любой вопрос, который ребром ставила жизнь: где в текущий момент находится председатель колхоза? Сколько литров молока дала за неделю рекордсменка Олимпия? В какую цену сегодня котировался колхозный лук на кудеяровском рынке? Почему вчера не состоялась лекция «Как лететь с Земли до звезд»? И зачем звонила Валя из зоолаборатории Мише по четырнадцатому номеру?

— Коммутатор слушает. Тридцать третий? Готово. Одиннадцатый? Занято.

— Ольга Прохоровна, это опять я, Благуша. Помогайте! Войдите в мое положение...

— Вхожу! Все знаю: пленка кончается, Можаяв пропал на Кожкомбинате. Завтра днем часть Калинкиных разъезжается... Съёмки будут сорваны. Не стойте, разговор с комбинатом заказан.

— Чуete, мы с Надей в музее старого быта. Снимаем Прохора Матвеевича. Если Можаяв...

— Уже учла!.. Коммутатор слушает.

— Оля, это я, тракторист Таратута. Соедини меня с книжным магазином в Кудеярове.

— Подписка на Гюго уже кончилась.

— Ой! Меня остальные Таратуты со свету сживут... Я ж в семье ответственный за культработу! Бальзака пропустил, Гончарова упустил, теперь Гюго...

— Таратута, не занимай провода! Байки будешь рассказывать вечером в клубе.

— А ты там будешь?

— Выключаю!.. Коммутатор слушает. Из райисполкома? Дать председателя? Не могу. Потому что он сейчас в поле. Что передать?

— Чтобы срочно, к вечеру, прислал сводку о заготовке меда в ульях. И чтоб по каждой пасеке! Отдельно гречишный и отдельно липовый. Скажите — инструктор Сурепкин требует. Кто принял телефонограмму?

— Калинкина. Коммутатор слушает. Одиннадцатый? Занято. Коммутатор слушает... Междугородная? Мне нужен Крас-

ногорск двадцать—пятьдесят пять. Жду. Да, Горелово. Я — Калинкина! Москва будет говорить? Слышимость хорошая.

— Здравствуй, Олечка!

— Здравствуй! Ой, Андрей, тут тебя все ждут, у всех к тебе дела... Автопоилка что-то капризничает, рентгеновский аппарат надо устанавливать, кинооператор прибыл — нашу семью снимает.

— Проси его подождать три-четыре дня. Досмотрим сельскохозяйственную выставку — вмиг прилечу. А вообще колхоз раньше-то мог без инженера жить? Мог. Ну и сейчас проживет несколько дней! Поздравь от меня маму с папой. Подарок везу им к золотой свадьбе! Ну и чудеса здесь! Оператору привет.

— Кончайте разговор, ваше время истекло. Кончили?

— Коммутатор слушает. Из райисполкома? Председателя еще нет. Он в поле. Что передать?

— Скажите, чтобы срочно составил сводку внедрения индюков в приусадебные хозяйства колхозников. Скажите — инструктор Осотов требует. Кто принял? Калинкина?

— Передам, передам... Коммутатор слушает. Одиннадцатый? Занято.

— Безобразия! Час звоню — и все занято! У меня дела!

— Подождите, товарищ, там тоже решаются очень важные дела... Коммутатор.

— Ольга Прохоровна, это опять я, Благуша. Мы с Надей переходим на конеферму. Это чтобы вы знали, где я пребываю. Так я питаю надежду, Ольга Прохоровна!

— Надейтесь, надейтесь!.. Коммутатор слушает.

— У вас там на коммутаторе никого, более или менее, посторонних нет? Нас не подслушивают?

— Да что с вами, товарищ? И вообще кто это говорит?

— Поплавков, Иннокентий Петрович, русский, 1911, да, нет, не состоял, не имею, служащий, начальник отдела кадров Облкожпромсоюза. А вы кто?

— Товарищ, бросьте шутить, не мешайте мне работать. Какой номер вам нужен?

— Хороши шуточки! Бдительность — наше...

— Я выключаю...

— Минуточку! Мне нужен Красногорск. Деятнадцать — двадцать четыре.

— Вы в правлении колхоза? Ждите вызова... Коммутатор. Одиннадцатый? Занято.

— Опять занято? Я поставлю вопрос на общем собрании! С ума сойти можно! Да с кем же он разговаривает? С инкубатором?

— Да, с двадцать вторым.

— Тогда все понятно! Лучше вы мне позвоните, Ольга Прохорова, когда они кончат. Это уже стихийное бедствие.

— Вот сами влюбитесь, тогда будете знать! А пока ждите. Но я, на всякий случай, эти номера проверю.

Одиннадцатый. Ну и что?

Двадцать второй. Ну и ничего.

Одиннадцатый. А зачем ты вчера в кино сказала Таратуте, что я тебе по характеру не подошел? А позавчера на танцах говорила мне, что подошел?

Двадцать второй. Ну и что?

Одиннадцатый. Ну и ничего! Ходи в кино тогда с Таратутой!

Двадцать второй. Да он все занят. На тракторе круглые сутки, а в свободное время пытается на Гюго подписаться.

Одиннадцатый. Ты мне Таратутой зубы не заговаривай. Ты прямо скажи: подошел я тебе характером или нет?

Двадцать второй. Ну и что?

— Эй, молодежь! Это Калинкина говорит! Хватит висеть на телефоне! Довыясните свои отношения вечером в клубе...

Двадцать второй. Ой, Оля, подожди! У нас самое интересное место в разговоре!

Одиннадцатый. Не отключайся, Оля! Пусть она мне при свидетеле скажет: подошел или нет?

— Ну, вот вам для полного счастья еще пять минут — укладывайтесь как хотите! Коммутатор... Опять райисполком? Председателя? Он еще не вернулся. Что передать?

— Передайте: звонил инструктор Овсягов! Пусть ваш хозяин быстренько составит сводку о торфоперегонных горшочках! Значит, так: по месяцам, — вы записываете? — и по неделям отдельно, и по декадам...

— Записала, передам... Коммутатор слушает. Сорок семь? Готово. Восемьдесят один? Готово... Это правление? Товарищ Поплавок? Красногорск на проводе. Говорите.

Поплавок. Таточка Петровна? Здравствуйте, это я. Посторонних в комнате нет? Как без меня идут дела, более или менее? Нашлась моя рукопись?

Таточка Петровна. Это про бдительность? Да, нашли, в вашем сейфе. Вы ее, оказывается, туда засунули и забыли. Мы брали бумаги — начальство потребовало...

Поплавок. Нашлась. Ай-ай-ай! А я-то считал ее утерянной. Да, а как же вы открыли сейф, когда ключи у меня?

Таточка Петровна. Как всегда — штопором. А разве вы не знали? Берется обыкновенный алкогольный штопор...

Поплавок. Тише, тише! Вы, более или менее, разглашаете служебную тайну! Даже скорее более, чем менее... Нас могут подслушать... Да, прибыли составленные мной новые образцы

анкет? Не те, которые на сорок восемь вопросов, а которые на семьдесят пять.

Таточка Петровна. По-моему, нет...

Поплавок. Это, знаете ли, более или менее, безобразно! Скорее даже более, чем менее! И вот так каждый раз: стоит уйти в законный отпуск, как все идет вверх дном! Ну, я вам через несколько дней позвоню.

— Кончили?.. Не волнуйтесь, не волнуйтесь, я вас не подслушивала!.. Коммутатор. Одиннадцатый? Занято. Почему — не знаю. Пятьдесят восемь? Даю. Междугородная? Горелово. Будет говорить совхоз «Новоселье» через Кустанай? Да, я Калинкина. Не отхожу, не отхожу. Здравствуй, Феликс!

— Салют, Оленька! Привет с целинных земель! Почему на письма не отвечаете? Сам виноват? Ну, знаешь, у нас тут дела... Подняли еще десять тысяч, ох, и ребята подобрались! Передай маме и папе поздравления, пожелания и все, что полагается от всех новоселов. Надо же, полвека брака! Юбилей! Жалко, что я не смогу побывать в Горелове! Поцелуй за меня маму и папу...

— Горелово! Кончили разговор?

— Кончили. Плохая слышимость была... Коммутатор. Главного инженера? Он в Москве, на сельскохозяйственной выставке. А кто его спрашивает?

— Да это из Неурожайки. У нас молотилка, вы знаете, от ветряка работает. Так вот — заело. А урожай, сами знаете, нынче буйный — стоять никак нельзя! Механика бы нам!

— Я поговорю. Пришлем вам самого лучшего, без двух минут инженер — только недавно в МТС из города приехал! Не волнуйтесь! Как только председатель придет, я ему скажу. Коммутатор слушает... Опять райисполком? Опять, наверное, какая-нибудь сводка? Да нет еще председателя! В полях он.

— Звонит инструктор Пыреев. Запишите: пусть немедленно даст сводку о росте поголовья зеркального карпа в колхозных водоемах. И прирост мальков на каждую карпоматку. Ясно?

— Ясно, ясно, записала, передам... Ох, бедный наш голова! Днями в бригадах, вечерами собрания проводит, а ночами сидит сводки пишет!.. Коммутатор. Одиннадцатый? Занято!.. Девяносто девятый? Сейчас... Молочную ферму? Готово... Коммутатор. Кого? Меня лично? А-а, Филя, здравствуй.

— Оленька, ты не забывай, что завтра у тебя сеанс одновременной игры.

— Ой, я не могу! У моих стариков завтра золотая свадьба. Все наши приедут.

— А на прошлой неделе ты, что же, не знала об этом? Ведь сама назначала! Мы и афиши написали: «Чемпионка района по шахматам Ольга Калинкина» и так далее.

— Да как-то неожиданно все получилось: само торжество перенесли на послеурожайную пору, а завтра отмечаем дату в узкосемейном порядке.

— Зазналась ты и так далее. Афиша же висит... Придется отменять... Эх, чемпионка, расстроила ты меня... Ну, поздравь своих стариков!

— Спасибо!.. Коммутатор слушает. Кожкомбинат? Товарищ Можаяев? Наконец-то! Не кладите трубку, сейчас с вами будет говорить товарищ Благуша... Конферма? Здравствуй, дядя Егор. Мне быстро кинооператора, который у вас там ходит. Что? Почему не может? Снимает папу с любимым конем? Ничего, папа подождет! Минуточку, товарищ Можаяев!.. Это вы, Благуша? Говорите!

Благуша. Мы что, снимаем фильм или ты окончательно перешел на следовательскую работу? Где пленка?

Можаяев. Во-первых, здравствуй! Во-вторых, пленку я достал у Гиндукушкина. В-третьих, дело Поросянка и Чайника оказалось гораздо сложнее, чем мы думали. Но это не телефонный разговор.

Благуша. Ты бачил Гиндукушкина? У него, как всегда, «ясни очи, та чортови думки»? Значит, и Протарзанова встретил? Что же тебе сказал Витя в тигровом галстуке?

Можаяев. Вообще... «Он сказал мне лишь слово одно, это слово любовью полно». Передавал приветы.

Благуша. О нашем фильме ничего не говорил?

Можаяев. Что ты волнуешься? Ничего страшного не произошло. Все в приблизительном порядке... И не нервничай, пожалуйста.

Благуша. Ничего страшного не произошло? Значит, что-то все же случилось? Эх, друже, чего-то ты крутишь!

Можаяев. Просто я берегу твое здоровье. Ты мне кажешься чересчур взволнованным. Дай мне слово, что ты возьмешь себя в руки! Тогда я тебе кое-что поведаю.

Благуша. Ну, ну, добре. Сказывай.

Можаяев. Мне сказал Протарзанов, что фильм снимать не надо... Но я думаю, что два лишних съемочных дня роли не играют, а? Доснимем, Март, а там будь что будет!

Благуша. Ах, нечистая сила! Как же это?..

Можаяев. Март! Март! Что ты молчишь?

Благуша. А что говорить? Приезжай поранку. Только утром, обязательно утром, а то все Калинкины разъедутся. Это страшно поспешливая семья... Эх, Юра! Как же так?..

— Разговор окончен! Ваше время истекло!

— Вот и все, товарищ Благуша, теперь вы спокойны?

— Абсолютно, Ольга Прохоровна, идеально! Благодарю за заботу!

— Не стоит... Коммутатор слушает. Одиннадцатый? Занято. Сорок два? Готово... Семьдесят шесть? Даю... Опять райисполком. Нет, председатель еще на работе, в бригадах!

— Тогда запишите: звонил инструктор Лебеда, просил к утру представить сводочку: сколько колхоз намеревается сдать в текущем хозяйстве пуха и пера (отдельно по уткам, гусям и курам), свиной щетины, конского и барано-овечьего волоса. Записали? Чтоб к утру!

— Передам... Коммутатор. А, привет агроному! Самому себеоборотистому человеку на селе наш телефонный поклон!

— Оля, соедини меня скорее с автобазой, а то тут дипломатический конфликт произойти может. Я ж при иностранной делегации экскурсоводом сейчас! Неурожайку кончили осматривать, едем к вам, в Горелово, а машина в разгоне. Дай мне автобазу — пусть скорее высылают автобус! И скажи папаше своему, чтоб бороду расчесал пофасонистей: ему как директору музея старого быта придется объяснения давать...

— Даю автобазу!.. Коммутатор. Опять райисполком? А-а, Леночка? А я испугалась: думала, снова сводку с председателя требуют! У тебя какие-нибудь новости?

— Только ты пока, Олюшка, никому не говори. Ну, председателю можно. Завтра в газете печатать будут: пришел указ насчет переименования наших деревень.

— Наконец-то, Леночка! А мы теперь где живем?

— В Богатове. С чем и поздравляю! А соседний колхоз пока не переименовывают. Ему пока старое название подходит.

...Оля не устояла перед соблазном первой сообщить односельчанам радостную весть. В несколько минут все гореловцы узнали, что они стали богатовцами. И вот тут-то новоназначенные могли полностью оценить преимущества телефона перед почтой и даже телеграфом: бывшие гореловцы, ныне богатовцы, разбросанные по всей стране, с помощью междугородной станции были оповещены об изменении своих анкетных данных в тот же день. Понятно, что большинство новобогатовцев обещало прибыть на именины родного села.

— Красивая жизнь! — восхищенно сказал Прохор Матвеевич Калинин. — Я, персонально, больше писем не пишу! К чему? У меня дочка на телефоне!

...Телефон убил эпистолярный жанр!

МАТВЕЕВИЧ, ПРОХОРОВИЧИ И АНДРЕЕВИЧИ

Обязанности гонцов, курьеров и фельдъегерей в семье Калининских обычно исполняли три Андреевича: пятилетний Илья, шестилетний Алеша и семилетний Никита.

— Богатыри! — бросал клич Прохор Матвеевич. И перед ним, как из-под земли, вырастали внуки.

Доспехи Ильи состояли из трусов и сучковатой сабли. Алеша за неимением доброго коня сидел верхом на палке. Никита являлся с неизменной морковкой в зубах. Воинственные порывы младших братьев были ему чужды. Вероятно, у него в натуре имелось что-то вегетарианское. Он любил морковь, как кролик, и постоянно ходил с желтым ртом.

— Ты, Никита, бегом в библиотеку! Сдай вот эту «Зарю над черноземом», а взамен что-нибудь такое с глубокой вспашкой жизни возьми. Ты, Алеша, заскочи в клуб — узнай насчет лекции. Если опять из Красногорска товарища Поплавка прислали, то я лучше спать дома буду. А тебе, Илья, самое ответственное задание: разыщи бабушку. Пусть скорее домой идет. Дед, мол, скажи, в избе не кормлен, не поен сидит!

— Деда, а ты нам за это вспомнишь про Ивана Грозного? — спрашивал Никита.

— Вспомню.

— Ты пожилой, дедушка? — домогался Алеша. — Ты много видел?

— Много, — соглашался дед.

— А Петра Первого? — не унимался Никита. — Ты его помнишь, деда?

— Как сейчас, — нетерпеливо шелестел бородой Прохор Матвеевич. — Только не задерживайтесь, богатыри! Выполняйте приказ!

Андреевичи, восхищенно гогоча, убежали.

Сегодня на внуков был спрос, как никогда: то надо было встречать дядю Тимофея и дядю Володю; то мчаться вскачь на

коммутатор к тете Оле и передавать ей записки; то встречать тетю Веру и тетю Лизу... Андреевичи, браво справившись с заданиями, вертелись подле стола. В их взглядах, устремленных на сахарницу, светилась тайная надежда.

Сегодня Прохор Матвеевич и Пелагея Терентьевна принимали поздравления по случаю пятидесятилетия со дня бракосочетания. Юбилей отмечался, так сказать, в рабочем порядке. Основные торжества были перенесены на послеуборочный период.

Выставив никелированный живот, украшенный медалями, на столе шумно дышал самовар. Пелагея Терентьевна, как обычно, творила одновременно массу дел. Она наблюдала за производством ватрушек, расцеловывала прибывающих детей, отглаживала внукам свежие штаны, критиковала в хвост и гриву местную конеферму. Кроме того, она успевала присматривать за столом и не давала пустовать чашкам гостей.

Прохор Матвеевич восседал в красном углу и любовался потомками. Он был в своем повседневном полувоенном кителе, при двух медальных планках. Известная всей округе калинкинская борода свисала, как сталактит. Прохор Матвеевич весело курил трубку, подаренную Тимофеем. Дым растекался по усам, и от этого они казались втрое длиннее.

— А мой курительный агрегат дает дым куда большей густоты, — сказал Юрий. — Это я вам говорю, как курильщик курильщику! Смотрите!

Можаев пыхнул трубкой и мгновенно, как волшебник, исчез в клубах дыма. Когда завеса рассеялась, Юрия на прежнем месте не оказалось: он уже влез на печку и оттуда в поисках точек съемок прицеливался киноаппаратом. Обычно этим делом занимался Благуша. Но ныне Мартын был хмур и задумчив, словно его уже проработали на художественном совете. Слишком большие запасы нервной энергии были израсходованы на ожидание пленки и Юрия. Озабочивал его и регламент съемки. Тимофей с Владимиром, приехавшие накануне, после обеда собирались уезжать. Елизавета торопилась на концерты в соседние села. Двое — Андрей и Феликс — вообще отсутствовали. Андрей Прохорович вместе с делегацией богатовцев изучал эспонаты Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, а Феликс Прохорович поднимал последние гектары целины.

Когда Мартын уже полностью разочаровался в жизни и побежал на почту телеграфировать о пропаже оператора кинохроники Можаева, он встретил машину. На ней, развив недозволённую скорость, ехали Юрий и Николай.

— Отыскался след Самозванцева! — объявил Юрий. — На комбинате такие подкожные дела обнаружены! Я тебе потом расскажу все детективные детали...

Мартын ходил мрачнее тучи. Его морально угнетал тот факт, что картина уже зарезана на корню. И в глубине, на самом доньшке души, Мартын считал, что сейчас, вместо того чтобы доснимать последние кадры, самое подходящее время извиняться перед Калинкиными за причиненные им бессмысленные хлопоты. И только частые встречи с глазами Надежды поддерживали его иссякающее мужество.

Юрий же попрежнему воинственно попыхивал трубкой, был бодр и аккуратен.

— Товарищи Калинкины! — объявил он. — Еще один последний кадр, и кинолетопись окончена моя! Так соберитесь хоть на пять минут вместе! Где Тимофей Прохорович? Куда ушла Ольга Прохоровна? Прохор Матвеевич, обеспечьте явку детей!

— Богатыри! — воскликнул глава семейства.

Три Андреевича явились немедленно.

— Хотите расскажу, как я видел Александра Невского?

— Угу! — дружно выразили согласие Андреевичи.

— Тогда отыщите дядю Тиму и тетю Олю! Только быстро!

Внуки умчались.

— Мартын, иди сюда! — сказал Юрий. — Нам повезло: мы встретили очевидца Ледового побоища!

— Для своих семисот лет Прохор Матвеевич неплохо сохранился, — восхищенно заметил Мартын.

— Дивлюсь я на нынешнее поколение, — начал Прохор Матвеевич, разглаживая бороду, — наивности в нем много... Почему-то все считают так: раз у человека борода, значит он должен помнить всю старину. Один корреспондент целый день допытывался, помню ли я Николая Алексеевича Некрасова. Я ему говорю: «Нет, сынок, не помню». А он мне: «Припомните, папаша, получше, иначе у меня очерк не получится». Вот и внуки пристают: расскажи да расскажи... То про Грозного, то про Дмитрия Донского, то про Петра. Что мне делать! Вот я им и рассказываю согласно просмотренным кинокартинам...

Прибежали в избу дети:

— Тетю Олю нашли, дяди Тимы нет!

— Андрейчи, — взмолился Юрий, — поищите дядю еще раз! А ты, Март, смотри за другими Калинкиными, а то они очень непоседливые! Если уж на сегодняшней золотой свадьбе всех вместе не снимем...

— Ничего страшного, — сказал Владимир, подмигнув Юрию. — На следующей неделе будем на другой свадьбе. Если Вера нас пригласит, конечно!

— А мы решили празднества не устраивать, — сказала

Вера из дальнего угла. — Пока ремонтируется наша половина дачи, мы с Альбертом поедem в Сочи.

В комнату, эскортируемые юными богатырями, вошли Тимофей и Ольга.

— Ура! — закричал Юрий. — Кажется, все на местах! Раз, два, три, четыре, пять, шесть... Пойдите, а где Николай?

— Я считал, что мальчик может этих лирических разговоров и не слушать, — виновато проговорил Мартын. — Я его выпустил в сад из педагогических соображений.

— Ты, Мартын, ведешь себя так, словно решил сегодняшние кадры и впрямь доснимать на Вериной свадьбе! — вздохнул Юрий. — Но учти, во-первых, как ты слышал, она будет не скоро, а во-вторых...

— А во-вторых, на ней будут не все Калинкины, — подхватила Пелагея Терентьевна. — Лично я и видеть принца Альбертика больше не хочу.

— На вашем месте, мама, я не стала бы так оскорблять человека, которого любит ваша дочь, — заволновалась Вера. — Вы настроили всю семью против Бомаршовых. А Надежда, так та распространяла сплетни, что у него сейчас какие-то отношения с какой-то Лелей... И чуть ли не каждый день надоедает мне своими пародиями, передразнивает моего Альберта. Но я знаю, Берт любит меня неограниченно. Он человек золотой души!

— Не столько золотой, сколько позолоченной! — встала Пелагея Терентьевна. — Снаружи шик, а внутри пшик!

Вера порывисто встала и, алея от гнева, фыркнула:

— Хватит злословить! Не вам с ним жить, а мне! Завтра Альберт получит новый паспорт, и мы сразу из милиции едем в загс!

— На той самой машине, на которой твой Альберт в свободное от одной невесты время возит за город другую? — спросил Владимир Прохорович. — Кстати, у меня есть сведения, что он и паспорта-то не терял!

— Это опять кто-то распускает сплетни, — отмахнулась Вера. — Если раньше Альберта можно было в чем-то упрекнуть, то в последнее время он совсем иной, даже внешне.

— Вот-вот, именно внешне. Знаешь такую древнюю пословицу: «Змея меняет шкуру, но не меняет натуру»? — с ударением произнес Владимир Прохорович. — Мы вместе с Надей видели четыре дня назад, как Альберт возле моей станции целовался с одной девушкой...

— Легче всего возвести на человека напраслину! — рассердилась Вера. — Еще одно слово об Альберте — и я покидаю вас.

Владимир достал из кармана две фотографии и подал снимки Вере.

Вера зарделась так сильно, что ее ярко накрашенные губы оказались самым бледным пятном на лице.

Она скомкала фотографии и, не выпуская их из рук, выбежала из комнаты мимо ошарашенного Тимофея Прохоровича.

В комнате наступила неуютная тишина. Братья и сестры по-нурились.

Только самовар попрежнему пребывал в хорошем настроении и весело пыхтел.

— Разбегаются действующие лица и исполнители, — грустно сказал Юрий. — А ведь когда мы сегодня подъезжали к деревне, я казался себе мудрым и многоопытным. Рассчитывал быстро снять последние кадры.

Но Благуша не слушал его, а смотрел на Надю. Юрий наклонился к уху приятеля:

— Глядя на тебя, я вспомнил одну древнюю украинскую легенду: парубки влюбляются раз в жизни, да и то перед этим три года присматриваются к дивчинам, чтобы характер изучить досконально. Один мой друг считал даже это своей жизненной установкой, но... влюбился с первого взгляда. И вот уже почти целый месяц думает, что этого никто не замечает.

— Неужели так заметно? — испуганно спросил Мартын и до конца съемок старался смотреть только на Пелагею Терентьевну.

Тимофей Прохорович, сдвинув мохнатые брови, вышел из дому.

— Хоть бы одним глазком заметить, как они вместе, эти Калинкины, выглядят, — простонал Юрий.

— Едва ли Вера вернется быстро, — сказала Надя. — Ей сейчас не до съемок. Представляете, раззвонили о свадьбе на весь Красногорск — и вдруг такой конфуз! Вика Удилова и прочие уже наряды сшили к пиру. Ах, как они будут разочарованы! И я еще над нею насмешничаю...

— Нет худа без добра. Хорошо, что паспорт во-время, так сказать, «утонул» у этого Бомаршова, — усмехнулся Владимир Прохорович, — не успела наша красавица расписаться! Сейчас небось ревмя ревет где-нибудь под смородиновым кустом!

— Человек переживает, а ты насмехаешься, — укоризненно произнесла Елизавета Прохоровна. — Женская душа не автомат, в ней так просто не разберешься. А если бы ты узнал о своей любимой девушке накануне свадьбы такое?

— Не волнуйся, с моей девушкой такого случиться не может, — веско заявил Владимир Прохорович. — Во всяком случае, я ее знаю лучше, чем Вера Альберта!

— Типично мужская самоуверенность, — отметила Елизавета Прохоровна. — Вот Тимофей был убежден, что он Веру воспитывал в лучших традициях. А мы ведь его не раз предупреждали!

— А чего его было предупреждать? — сказала Пелагея Терентьевна. — Он все знал. Его беда в другом: он увидит, покричит, а потом скажет: «Все это мелочи. Надо быть выше их», — и успокоится.

— У них, у снабженцев, — пробурчал Прохор Матвеевич, наливая чай, — у всех твердости в характере нет. Торговля дело неустойчивое и неровное. Ежели каждую неприятность долго переживать, нервов на всю жизнь определенно не хватит. Вы уж сейчас на Тимошу не насакивайте. Ему и так не сладко, не сахарно.

В комнату ворвались три Андреевича.

— Дядя Коля идет! — отрапортовал Илья, размахивая саблей.

— Мама с базара приехала! — не слезая с палки-лошади, доложил Алеша.

— Тетка Трындычиха дяде Тимофею какую-то бумажку передала, а он сразу ка-а-ак нахмурился! — дожевывая очередную морковку, сообщил Никита.

Тимофей в дом не вошел. Он остановился в палисаднике, под окном.

— А где Вера? — спросил Владимир Прохорович. — И почему у тебя такой вид, словно ты явился на гражданскую панихиду?

Тимофей молча протянул Владимиру сложенную треугольником записку.

Владимир быстро пробежал ее. За его спиной сгрудились остальные Калининны.

— Вот это поворот, — ахнул Владимир. — Слушайте:

СПЕШУ В КРАСНОГОРСК ЗАСТАТЬ АНДЕРТАЛЬЦА — ОН ТАМ ПО ПУТИ В СОЧИ. ВОЗМОЖНО, УЕДУ НА КУРОРТ. НАДО УСТРАИВАТЬ СВОЮ ЛИЧНУЮ ЖИЗНЬ. ТЫ МЕНЯ ВСЕГДА ПОНИМАЛ, ПОЙМЕШЬ СЕЙЧАС. НЕ МОГЛА ПРОСТИТЬСЯ. ЕДУ ПО ПУТНОЙ МАШИНОЙ. ОЧЕНЬ СПЕШУ. ЦЕЛУЮ. ВЕРА.

— Да, как-то не педагогично получилось, — задумчиво произнес Юрий, — как-то не воспитательно...

— Это я виноват, — тяжело вздохнул Владимир. — Слишком резко, грубовато как-то вышло с этими фотографиями.

— Да при чем здесь твои фотографии? Это все мелочь, — мрачно сказал Тимофей. — Тут мы со Стасей виноваты.

— Если бы я была ее матерью, — печально сказала Пелагея Терентьевна, — но я ею не была...

— Как говорят у нас в Виннице, — тихо молвил Мартын: — «Хто дитям потаче, той сам плаче».

— Давайте, — предложил Владимир, — я ее в два/счета на своей мотоциклетке догоню! А можно сейчас же позвонить ко мне на перекресток. Там машину задержат!

— Тут дело не такое простое. Ну, покайтесь, ну, виноваты... Что вам, легче от этого? А что дальше делать? — задумчиво произнес Прохор Матвееич. — Давайте устроим совет.

— Март, приготовься! — скомандовал Юрий, приободрившись. — Пора за дело. Вот этими кадрами семейного совета мы и кончим фильм! Начали! Пошли!

КОГДА ГОРЯТ НЕСГОРАЕМЫЕ

В зале заседаний художественного совета студии зажегся свет. Только что окончился просмотр нового фильма «Красногорское руно», созданного Протарзановым. Наиболее ревностные поклонники Виктора Викторовича бросились к нему.

— Мэтр! Это гениально! Вы навечно врубили себя в историю кино! Кадры, где овца смотрит на каракулевое манто и плачет, это... это Левитан плюс Айвазовский! Море чувств! Какое счастье быть вашим учеником!

— Спасибо, друг мой Власий! Ценю порыв души!

— Дорогой Протарзаношвили! От имени науки приношу благодарность искусству! Хватадзе сам не думал, дорогой, что красногорский барашек такой артист. По этому поводу у Хватадзе в лаборатории будут большой шашлык делать, большую бочку кахетинского пить! Приезжай — гостем будешь.

— Весьма признателен, Гавриил Автандилович! Весьма!

— Виктор Викторович, — наклонился к протарзановскому уху сосед, заместитель директора по хозяйству. — После кого мне выступить?

— Вы шепчете так тихо, что я ничего не слышу.

— После кого мне...

— Да не орите вы на весь зал! Шишигин как смотрел фильм? Улыбался?.. А Валаамов? Хмурился?.. Значит, оба довольны! Тогда вы можете начинать первым. Вы ведаете всем студийным хозяйством, считаетесь человеком со вкусом, а главное — имеете свое мнение...

— Если нужно первым, я выступлю первым.

— Нельзя так демонстративно шептаться! Издали кажется, что вы меня целуете в ухо.

— Я выступлю первым, Виктор Викторович!

— Да не вопите вы так! На нас смотрят!

Протарзанов оглядел зал и словно укололся о насмешливый взгляд Юрия Можая.

«Я с тобой еще посчитаюсь, — подумал Протарзанов. — Розовый ангелочек сыскался... Подстрижем крылышки...»

— Мэтр кроток, словно увековеченные им овечки, — проговорил Юрий. — Взгляни-ка, Март! Витя в тигровом галстуке формирует отряды поддержки. Ты видел, как он шептался с главным завхозом?

Заместитель директора по хозяйству, человек, не поддающийся описанию, отошел от Протарзанова с независимым видом. Он занял свое место среди членов художественного совета, вклинившись между Шишигиным и Валаамовым. Он выступал в роли прослойки и амортизатора. Сидя между ними, он имел задание препятствовать возможному сговору этих ненадежных коллег.

Оглядев зал, Виктор Викторович решил, что наступил момент для камертонного выступления.

Не поддающийся описанию администратор уловил подмигивание благодетеля и вскочил с места. Размахивая руками, словно расчищая дорогу своим словам, он безостановочно заговорил:

— Почему сегодняшний день можно считать праздником киноискусства? Потому что впервые человек, вооруженный съемочной камерой, проник так глубоко в психологию парнокопытных! Кто мог подумать, что скромная овца, которую мы до сих пор знали по брызге, плову и шерстяным тканям, существо столь эмоциональное?! Совершенно справедливо поступил наш уважаемый и постоянно растущий Виктор Викторович, что не позволил ничему другому, второстепенному, встать между зрителем и овцой...

— Это вы верно схватили, — с места сказал Валаамов. — Человек у него за кадром. Овца, значит, царь природы?

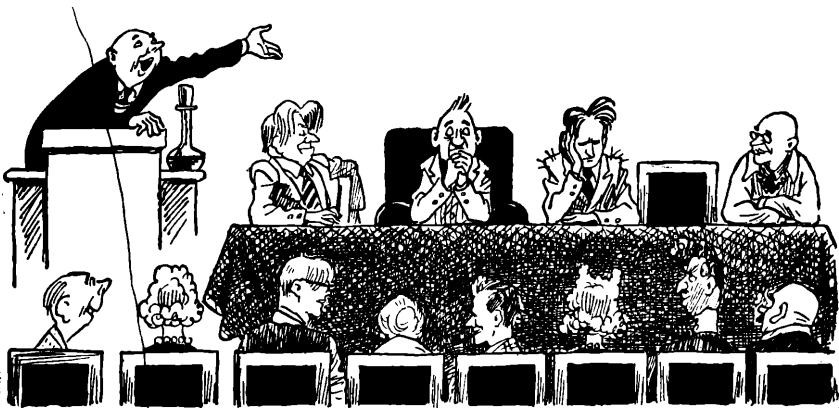
— Товарищ Валаамов, — и оратор так энергично замахал руками, будто хотел вогнать критические слова обратно в режиссера, — товарищ Валаамов пытается умалить высокие достоинства.

— Нет, почему же? — великодушно возразил Валаамов. — Картина смотрится, качество съемок безукоризненное.

— Вот именно, — обрадовался замдиректора. — Безукоризненно! Обратите внимание на пейзажи! Тишина ущелий, нарушаемая лишь нежным бараньим блеяньем! Какая высокая культура съемки! Какая правдивость обстановки! Как это величаво и поэтично!

— А нельзя уточнить, — вдруг вставил слово Шишигин, — в каком веке происходит действие фильма?

— Я восхищен остроумием товарища Шишигина, — поклонился оратор, — но если уж он не в курсе дела, я позволю себе напомнить: фильм снят месяц назад!

— Вот как! — удивленно протянул Шишигин. — А мне почему-то казалось, что в античные времена. Тем более, что самозавивание овец происходит каким-то волшебным образом. Где раскрытие открытия?

— Костя, дай человеку объективно высказаться, — вмешался Протарзанов. — Но если тебе очень нужна научная консультация, здесь находится сам Гавриил Автандилович Хватадзе, творец красногорских чудес.

— Конечно, дорогой! — воскликнул Хватадзе, и его усики-стрелки зашевелились. — Зачем говорить обидные слова: «открытие», «раскрытие»? Приезжайте ко мне в лабораторию, постоите под лучами — будете кудрявые, как каракуль!

— Спасибо за приглашение, — сказал Валаамов, поглаживая свой гладкий, как коленка, череп. — Обязательно приеду!

Товарищ Фениксов, используя служебное положение, призвал аудиторию к порядку.

— Не надо конфликтов, товарищи! Будем высказываться в порядке живой очереди. Дайте возможность оратору исчерпать свой регламент.

Оратор благодарно поглядел на дымящийся хохолок Фениксова и продолжал. Но внимание аудитории было уже утрачено. Даже протарзановцы, несмотря на суровые взгляды своего шефа, вели тихие отвлеченные беседы. Гиндукушкин находился в постоянном шевелении. Острый нос поворачивался, как флюгер. Власий ревностно выполнял очередное особое задание: все слышать, все чутать.

Недалеко от него сидел Мартын и очень почтительно разговаривал с пожилой седовласой женщиной в старомодном пенсне. На лацкане ее жакета искрился орден — «Мать-героиня».

В том же ряду подозрительно тихо восседал Можаяев.

— А вам-то, товарищ Можаяев, — спросила Пелагея Терентьевна, — фильм приглянулся? Я сколько лет в деревне живу, свои овцы есть. Но чтоб из взрослой простой овцы каракуль получался — не поверю. Как это называется? Научная...

— Фантастика, — подсказал Можаяев.

— Спасибо. Она...

В этот момент член худсовета, не поддающийся описанию, взмахнул руками так, словно хотел взлететь, и сел на место.

— О мнении моих уважаемых коллег и... друзей Кости Шишигина и Лени Валаамова я уже догадываюсь, — с горечью произнес Протарзанов. — Мне бы хотелось услышать ваше слово, товарищ Фениксов.

— Я... мя... как всегда, — покачал своей дымящейся головой директор, — изложу свои соображения несколько позже... в письменной форме. Устный экспромт может быть истолкован превратно.

— Не трудитесь, товарищ директор, — раздался голос Шишигина. — По данному вопросу вы, как и всегда, напишете два противоположных заключения...

Взлохмаченный Костя, как обычно, теребил вылезавший из бортов своего демисезонного костюма подкладочный волос.

— Да, товарищи, — взволнованно продолжал он, — обнаружилось одно высокохудожественное обстоятельство. Наш директор еще до отъезда группы Протарзанова написал два заявления. В одном он со всей прямоотой и страстью возражал против съемок, в другом принципиально и пылко восхвалял инициативу Виктора Викторовича. Точно такой же трюк он проделал перед отправкой группы товарища Валаамова.

На мгновение стало тихо. И вдруг раздалось отчетливое кулаханье.

Это смеялся товарищ Фениксов. Он закрыл глаза и кудахтал, как курица, только что перевыполнившая подовую норму яйценоскости.

— Ай-ай, — с укоризной сказал Фениксов, — какие наивные вы вещи говорите, товарищ Шишигин! А еще человек с высшим образованием! Возьмите любую папку с протоколами заседаний худсовета. По каждому вопросу одно мое заявление. И все это знают, товарищ Шишигин! Смотрите, за голословную клеветушку по головушке не погладят!

Но Костя, не обращая внимания на вкрадчивые угрозы, достал из кармана пачку бумажек и начал объяснять секрет непогрешимости и несгораемости Фениксова.

Метод был прост, как все гениальное. Он базировался на двухпапочной системе. Едва оканчивалось очередное заседание

худсовета, на котором разбирался какой-нибудь спорный вопрос, как Фениксов составлял два взаимоисключающих документа)

Материалы заздравные передавались для положенной регистрации дежурной секретарше. Она накладывала канцелярское тавро, и доселе простая бумажка, становясь документом, возвращалась к месту рождения. Такой же бумеранговый путь проходили заупокойные заявления. Но это предусмотрительно делалось на следующий день, при другой дежурной секретарше.

С директором студии, всегда уверенным, спокойным и немногословным, во время шишигинского монолога происходил ряд волшебных изменений. Его легкий, словно струйка дыма, хоолок постепенно превращался в пепельную кучку. Лицом Фениксов пожух и сморщился. Он усыхал на глазах, все глубже и глубже уходя в глубокое, черной кожи, кресло.

— Вот, собственно, и весь неподражаемый творческий метод, — закончил Шишигин, пуская по рукам фотокопии директорских страховок...

Неожиданно директор поднялся и, заворуженно глядя на дверь, двинулся к выходу.

— Пошел заготавливать заявление об уходе по собственному желанию, — догадливо сказал кто-то.

— Сгорел Фениксов, — прошептал Гиндукушкин. — А ведь здорово придумано! Если этот приемчик усовершенствовать, то...

— Если бы я была его матерью, — громко произнесла Пелагея Терентьевна, — я бы сама сгорела от стыда!

— Сколько энергии ушло на эти манипуляции! — заметил Валаамов. — Если бы ее всю употребить в дело! Насколько бы легче нам было работать.

«Эх, шляпа, не сумел даже подобрать верных людей в секретариате! А держался, как оракул!» — подумал Протарзанов и уже вслух провозгласил:

— Но мы отвлеклись, товарищи! Вернемся к моим баранам.

Наконец страсти улеглись. Вместо директора, выбывшего из строя по поводу душевной травмы, бразды ведения совещания взял Валаамов.

Первым вызвался говорить Юрий Можаяев.

— Разрешите молвить слово не члену худсовета?

Уловив в просьбе Юрия опасную для себя интонацию, Протарзанов порывисто встал с кресла:

— Прошу, мой юный друг! Я с огромным удовольствием выслушаю ваше мнение! Прошу сюда, на первый план! Горжусь тем, что сегодня мы также посмотрим куски будущего фильма, снятого моими учениками Можаяевым и Благущей. И будем их обсуждать! — многозначительно добавил он.

Юрий посмотрел на Мартына. Тот ободряюще улыбнулся в ответ и направился к выходу.

— Покидаете поле боя? — удивилась Пелагея Терентьевна.

— Наоборот, — отвечал Мартын, на минуту останавливаясь, — занимаем исходные позиции. Мое место в аппаратной. Буду крутить фильм. Собственно, не я, а главным образом Можаяев: он уже старый киномеханик. Когда-то вертел чужие фильмы, а теперь — свой собственный.

Юрий не слышал этого разговора. Дойдя до двери, он повернулся к сидящим в зале:

— Перед тем как демонстрировать пленку, разрешите сделать маленькое предисловие. Как уже говорил первый оратор, благородство и культура режиссера Протарзанова позволили ему создать достоверный, правдивый фильм о великом каракулевым открытии. Я в принципе готов принять такую формулировку... после уточнения некоторых деталей.

Виктор Викторович посмотрел на Юрия гипнотическим взглядом. Но тот, нимало не смущаясь, продолжал:

— Во-первых, благородный Виктор Викторович вел себя в Красногорске настолько деликатно, что опозорил всех работников кино. Во-вторых, в достоверном и правдивом фильме о великом открытии три четверти кадров инсценированы и подтасованы. А в-третьих, никакого великого каракулевого открытия не существует!

— Вы слышите, друзья, — воскликнул Протарзанов выпренне, — как этот человек чернит седины своего старого учителя?

— Пусть Можаяев представит доказательства! — взвизгнул Гиндукушкин. — Мы не позволим травить Виктора Викторовича!

— Как можно говорить такие нехорошие слова? Хватадзе чабаном полжизни был! Хватадзе ученую степень имеет! А тут говорят: «открытие — раскрытие»... Издевательство это над наукой! Над моей изобретательской жизнью издевательство!

— Разумеется, — повысил голос Юрий, — я догадывался, что встречу возражения, и поэтому собрал доказательства! Вот номер «Красногорской правды», в котором напечатан благодарный отзыв о благородном обращении Виктора Викторовича

с колхозниками. Отзыв помещен, как все могут убедиться, почему-то под рубрикой фельетон. Название — «Киновое-вода»...

— Я уже написал опровержение! — крикнул Протарзанов.

— Опровержение?! — громко удивилась Пелагея Терентьевна. — Простите, товарищи, но я сама из тех мест. Знаете, как у нас народ весь обижен был этими... как их?..

— Киноинсценировками, — подсказал Юрий.

— Спасибо... Ими... Недаром вас воеводой прозвали!

— Но вернемся к протарзановским баранам, — сказал Юрий. — Вы, Виктор Викторович, очевидно, считаете надувные скалы подлинным горным пейзажем? наших звуковиков, одетых в бурки, — потомственными чабанами? А мобилизованных у колхозников индивидуальных овец — за мощные подопытные отары? Ах, какая наивность! Да за такую суровую правду жизни...

— Вы подтасовываете карты! — заволновался Протарзанов. — Ваши козыри ничего не стоят! Только юношеское незрелое воображение может считать обычную расстановку сил и организацию кадров подлогом!

Свет неожиданно погас.

— Предлагаю вашему вниманию, — прозвучал во тьме голос Можаяева, — иллюстрацию: «Организация документального кадра по-протарзановски»!

На экране возник мшистый гранитный утес. На глазах у зрителей он становился все больше и больше. Шоферы, беззвучно переругиваясь, накачивали горно-резиновый пейзаж. Тут же, яростно размахивая предлинной хворостиной, Гиндукушкин гнал орлов. Хищники пугливо шарахались при виде миролюбивых овечек.

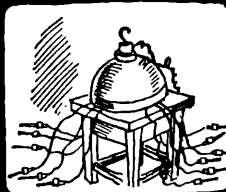
В следующих кадрах взмокшие помрежи помогали звукооператорам натягивать бурки и раздавали кудлатые папахи, посохи и другой овцеводческий инвентарь.

Наконец в кадр вошли несколько колхозников. Очевидно, это были владельцы домашних животных, так как они пытались вернуть свою собственность. Затем на первый план вылезла величественная фигура Протарзанова. Он грозно размахивал рупором, судя по жестикуляции, произносил какие-то не особенно вежливые слова.

— Вопрос ясен, — сказал Балаамов, — но вы, товарищ Можаяев, заявили, что никакого каракулевого открытия не существует. Худсовет просит доказательств.

— Давай, Мартын! — скомандовал Юрий, и свет в зале снова погас.

— Прошу вас, товарищи, ознакомиться с таинственными лучами Хватадзе... Простите, кадр немного дрожит,

но я не мог не хохотать во время съемки. Вот оно, синтетически-аналитическое чудо!

...Посредине комнаты на деревянном помосте стояла мокрая грустная и простоволосая овца. Ошеломленно мигая белесыми ресницами, подопытное парнокопытное с тоской глядело на вольтметр. Под брюхом овцы был продет широкий солдатский ремень с пряжкой, похожей на счетчик. На табурете, распластавшись, как дремлющий осьминог, лежал... аппарат для шестимесячной завивки.

— Перманент! — коротко пояснил Юрий. — Простите за несколько темный кадр, но я снимал без дополнительного освещения.

У щита с рубильником сидела женщина в спецовке и опробовала приборы. По комнате, неторопливо жуя, расхаживал сам кандидат наук. В руке он держал шампур с шашлыком и время от времени пользовался им как указкой.

Следующий эпизод напоминал фотографию: на крыльце дачи стоял Хватадзе, облокотившись на овцу, которая, очевидно, только что закончила электропроцедуры. Усики у кандидата наук браво топорщились. Овца тоже выглядела ослепительно. Вместо свалывшихся сосулек на ней вились роскошные локоны.

— Но ведь сценарий консультировал профессор Динозавров! — раздался подавленный голос Протарзанова. — Я так обманут!.. А почему меня Можаяев раньше не предупредил?.. Ведь кино — это наше общее дело!.. Позор!.. Я бы сам, своей собственной рукой, задушил эту овцу!.. О, жалкий жребий!..

— Я пытался вам все объяс-

нить, — прозвучал можаевский голос, — а вы даже не захотели со мной разговаривать.

— Где этот кандидат наук? — завопил Протарзанов. — Дайте мне его!

Вспыхнул свет. Кресло, в котором сидел Хватадзе, было пусто. Кандидат сельскохозяйственных наук исчез так незаметно, словно он был доктором черной магии.

— Закономерность, — сказал Валаамов. — Мистификатор сам всегда становится в конце концов жертвой мистификации. Эффекты — это еще не вся жизнь, Виктор Викторович.

— Скольжение по поверхности приносит пользу преимущественно в конькобежном спорте, — резюмировал Шишигин.

— Меня ввели в заблуждение, — расхаживая вдоль стола, говорил Протарзанов. — Со всяким может случиться. Не надо делать из рокового стечения обстоятельств трагедию в пяти актах. Я был окружен неискренними людьми! Подумать только, Хватадзе! Фениксов!..

— Я полагаю, — предложил Валаамов, — что говорить о фильме «Красногорское руно» нечего. А режиссеру Протарзанову придется посвятить специальное заседание художественного совета!

— Присоединяюсь, — с достоинством произнес Протарзанов, — и даже требую. Уповаю на справедливость. Мы, ведущие мастера, тоже не чужды самокритики.

И вот, наконец, прозвучали долгожданные слова:

— Переходим к просмотру кусков очерка «Дружная семья». Операторы — Юрий Можаяев и Мартын Благуша. Автор сценария — Дормидонт Бомаршов! — Шишигин торопливо направился в просмотровую будку, чтобы заменить вышедшего в зал Благушу.

— Интересно, что они там сняли! — зловеще прозвучал голос Протарзанова.

— Ну, будет буря! — негромко сказал Благуша, пожимая руку Юрия.

И все услышали отчетливый голос Можаяева:

— Будет буря? Мы поспорим и поборемся мы с ней!

И в который раз за этот вечер в просмотровом зале погас свет.

НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО!

ИЗ ПИСЬМА МАРТЫНА БЛАГУШИ НАДЕЖДЕ КАЛИНКИНОЙ

«...и вот, наконец, прозвучали роковые слова: «Переходим к просмотру кусков очерка Юрия Можаяева и Мартына Благуши «Дружная семья».

Представляешь, Надя, как затрусилось мое мужественное операторское сердце? В этот момент Юра шепчет: «Бесчувственная ты личность! Во мне каждый атом трепещет, а тебе хоть бы что!» Хотел я ему ответить... Но тут меня выручил Костя Шишигин (тот самый, который спалил Фениксова. См. данное письмо стр. 2). Он пробасил из проекционной будки: «Начинаем».

Когда я увидел Тимофея Прохоровича в тени пальм, кактусов и фикуса — как я порадовался, что в зале темно и никто не видит моего лица! Неужели это творение рук моих? И не успел я раскаяться, как во тьме прозвучал голос Протарзанова:

— Вазочки! Пальмочки! Инсценировочка! А ведь разыгрывали из себя голубых ангелочков без страха и упрека!

Но друзья самоотверженно выполняли наши инструкции и продолжали крутить ленту.

Протарзанов пытался хорохориться и в то время, когда Вера в своем экзотическом платье чистила картошку, и во время других кухонных кадров.

— В этом городе нет газа! — кричал он восторженно. — Весь Красногорск стряпает на примусах! Поглядите на эту фифочку! Ей только бального платья не хватает.

Это, Наденька, были самые острые минуты. Справа меня заговорщицки подталкивала в бок Пелагея Терентьевна, слева таранил мои ребра Юркин кулак. А я не мог ответить Можаяеву тем же! Во-первых, я всю жизнь страдаю от врожденной вежливости, а во-вторых, мы в разных весовых категориях.

Сколько раз это выручало Юрия!..

Тут Юрий объяснил худсовету, что кадры с пальмами и картошкой снимались строго по бомаршовскому сценарию. И что это — каемся! — инсценировка чистейшей воды.

Тотчас же был прокручен эпизод, где я, жертва протарзановского метода, чищу картошку для Веры. Физиономия у меня, очевидно, была настолько одухотворенной, что весь зал смеялся четыре с половиной минуты. Пелагея Терентьевна пыталась утешить меня тем, что я в жизни якобы выгляжу лучше и умнее. А как тебе кажется, мама права? (Специально для выяснения этого вопроса посылаю тебе свою фотографию. Кстати, Пелагея Терентьевна передаст тебе квитанции Красногорского ломбарда — ты выкупи Юркины и мои часы. Деньги я высылаю переводом.)

Такой же теплый прием получил кусок ленты, где роскошный кабинет Тимофея превращался в обычную рабочую комнату. Сваргунихин и Умудренский в поте лица вытаскивали пальмы и прочую бутафорию. У твоего братца был такой смущенный вид, словно ему вынесли общественное порицание. Пелагея Терентьевна тяжело вздыхала...

— Представляете, — сказал Юрий, — сколько подлогов нам пришлось бы сделать, если б мы продолжали снимать по Бомаршову?

Тогда один из членов худсовета — впрочем, он не заслуживает того, чтобы его описывали, — запаниковал: «А что, мол, будет, если все начнут снимать без сценариев, по-своему? Это, дескать, гибель кино, крах жанра и даже падение нравов...»

Твоя мама не выдержала, встала и...

— Если бы я была вашей матерью, гражданин хороший...

Ну, словом, тебе известно, как она вступает в бой!

Она выложила все. И то, что у нее большой опыт съемок, и что о вашей семье всегда пишут только в двух цветах — голубом и розовом, а внутрисемейные дела далеко не в порядке... Откровенно было сказано и о «светской» Вериной жизни...

Как ты уже догадываешься, поединок кончился в пользу мамы. И мы показали все остальные куски.

Мне немного неловко писать о дальнейших событиях, а то ты подумаешь, что среди всех моих недостатков основное место занимает нескромность. Но мама тебе может подтвердить, что даже Валаамов жал руки мне и Юрию. Одним словом, имели место кое-какие поздравления. Я до сих пор как-то не догадывался, что это довольно приятное чувство, когда тебе говорят теплые слова...

Но не думай, что добродетель (то-есть мы с Юрой) торжествовала на все сто процентов. Нет, нам дали много поправок и упрекали за ряд технических промашек.

Виктор Викторович с заседания величественно удалился, даже не подойдя к нам.

— Я берегу здоровье молодежи! — объяснил он окружающим. — У меня грипп!

Вот скала! Как говорят у нас в Виннице: «Хоч помирае, а все-таки пальцем кивае».

Уже в коридоре нас с Юрием снова задержал Валаамов и спросил, что мы думаем о новой работе и какие у нас планы.

План-то у нас был. А вот говорить о нем на совете мы не решались. Уж очень мысль крамольная: снять кинофельетон. Наткнулись мы на эту идею во время поездок по Красногорью. И даже — видишь, как я стойко хранил тайну: ты и то ничего не знала! — сняли несколько кадров. Закусил-Удилова с его «садами Восьмирамиды», преображенный град Кудеяров и еще кое-что. Конечно, эти снимки самостоятельного значения не имеют. Но они показывают сатирические возможности документального кино. Представляешь, вдруг в журнале «Новости дня» появляется небольшой фельетонный сюжет. Какой эффект будет! А результаты? Ведь ты учти, что газетный фельетон в лучшем случае прочтут несколько миллионов, а кино увидит в десять раз большее количество людей!

Вот эти фантастические думки мы и выложили Валаамову. И, представь, он не особенно удивился. Скорее наоборот: мы удивились тому, что он не удивился.

Друг Шишигин предложил нам показать завтра отснятые куски и поговорить на худсовете о перспективах жанра.

Неужели это возможно? Кинофельетон на экране! Представляешь, какая это победа прогрессивных сил нашей кинематографии! В каждом выпуске «Новостей дня» — постоянный отдел! Словом, на то й лих, щоб з ним битись.

И мы уже придумали для него название. Это девиз Юрия. Это теперь и... мой девиз (!). Девиз тех, кто активно участвует в жизни, кто считает все происходящее вокруг своим личным делом, кто не прощает равнодушия к недостаткам:

НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО!

Итак... *

* Ввиду того, что далее следуют страницы, носящие ярко выраженный лирический характер и общественного значения не имеющие, редакция, не получив разрешения от Благуши и Калининской, не решает их публиковать.

ЭПИЛОГ

В каждом деле самое главное — во-время поставить точку. Из-за этого знака препинания у соавторов возникли споры: развивать ли жизнеописание героев и их потомков до седьмого колена включительно или ограничиться вышеописанным?

Было проведено всеобщее, тайное, прямое и равное голосование. Абсолютным большинством (две трети голосов) собрание авторов постановило: публиковать только наиболее важные для биографии героев факты.

Вспомнив о том, что существует спасительный метод «начетничества и цитатничества», авторы решили составить эпилог из одних цитат.

Из письма Надежды Калинкиной Мартыну Благуше (на конверте штамп Красногорского почтового отделения № 5 от 9 октября 1954 года).

«...поэтому я, дорогой, и жду не дождусь отпуска, чтобы поехать к тебе. А может быть, ты еще до Нового года вырвешься хоть на недельку в Красногорск? Учти, что за мной вот уже две недели пытается ухаживать... кто бы ты думал? Альберт Бомаршов! Каждое утро присылает букеты. Ездит за мной по пятам и ежеминутно томно-томно вздыхает.

Я, кажется, впервые в жизни пожалела, что занимаюсь плаванием, а не боксом! Эх, если бы ты был здесь!.. Прости, Март, меня зовут к телефону...

...Ты не представляешь, что случилось: вернулась Вера! Сейчас мне звонила жена Тимофея — Стася. Вера сидит у них и ревет. Оказывается, после месяца курортной идиллии с Андертальцем выяснилось: разводиться со своей женой он не хочет и никогда не собирался... Что теперь будет?! И мама еще ничего не знает!.. Ну, прости, писать дальше некогда: я прямо из общежития бегу к Вере... Что-то с ней?

Целую. Твоя Надя».

от 30 сентября 1954 года:

**ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ**

Красногорское отделение

**Сегодня, 30 сентября 1954 года,
в помещении Школы кулинарного ученичества**

**действительный член общества И. П. ПОПЛАВОК
выступит с сообщением на тему**

О БДИТЕЛЬНОСТИ

Начало в 20 часов

Билеты со штампами 9, 10, 14, 15, 18 и с 20 по 29 сентября,
а также все виды пропусков **ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫ**.

* * *

Вырезка из журнала «Техника — сила» № 12 за 1954 год:
«Новости науки»

СООБЩЕНИЕ ПРОФ. Ш. Ш. АЛЛОПАТОВА

На-днях в клинику проф. Аллопатова был доставлен в тяжелом состоянии некто гр. Какаду. Больной все время повторял лишь одну фразу: «нарушения стандартов нет», «нарушения стандартов нет»...

Путем всесторонних исследований проф. Аллопатов обнаружил интереснейший факт. Мозг больного устроен очень своеобразно: извилины перемежаются с гладкими, как яйцо, поверхностями. Эти мозговые пустоши образовались в результате того, что гр. Какаду, согласно проведенной экспертизе, всю жизнь руководствовался лишь указаниями, директивами и предписаниями, в результате чего и наступила полная потеря способности мыслить самостоятельно. Даже попытка построить самую простую фразу из элементарных слов ставит гр. Какаду в тупик.

Катастрофа же, после которой гр. Какаду попал в клинику, произошла в тот момент, когда из вышестоящих инстанций пришло указание о ликвидации излишних директив и о необходимости побольше думать самим.

Проф. Аллопатов считает болезнь «директивоманию» излечимой и в ближайшее время с помощью внушения и гипноза попытается вправить мозги пострадавшему».

15
октябряКлуб
НИИГУГУ15
октября

Писатель ДОРМИДОНТ БОМАРШОВ

«ЗНАЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ДЕЛЕ ВОСПИТАНИЯ ЮНОШЕСТВА»
(Лекция 18-я)ОТРЫВКИ ИЗ СТАТЕЙ ТОВ. БОМАРШОВА В ИСПОЛНЕНИИ ДРАМАТИЧЕСКОГО
КОЛЛЕКТИВА АССИСТЕНТОВ И ЛАБОРАНТОВ.

Начало в 19 часов 30 минут.

* * *

Из протокола заседания исполкома Кудеяровского горсовета от 6 сентября 1954 года:

«С л у ш а л и: о методах работы заведующего коммухоз-отделом тов. Закусил-Удилова И. О.

Ч и т а л и: письма матери-героини П. Т. Калинин, коллективную жалобу артели «Фототруд» и др.

С м о т р е л и: кадры из будущего кинофильма, снятые операторами кинохроники тт. Можаяевым и Благущей.

П о с т а н о в и л и: освободить тов. Закусил-Удилова от исполнения обязанностей заведующего коммухозотделом. Объявить тов. Закусил-Удилову И. О. строгий выговор за развал работы и недостойные методы руководства».

* * *

Из газеты «Красногорская правда» от 30 октября:

«Закусил-Удилова Виктория Сидровна, прож. Красногорск. Античный переулок, 8, возбуждает дело о разводе с Закусил-Удиловым Игорем Олеговичем, прож. там же. Дело подлежит рассмотрению...»

* * *

Из многотиражки студии кинохроники. Конец статьи «И щуку бросили в реку»:

«...Коллектив студии возмущен тем, что отстраненный ввиду полной непригодности к руководящей работе тов. Фениксов ныне почему-то направлен на высшие курсы профдвижения. Ведь, окончив их, Фениксов снова начнет чем-либо руководить! А таких «деятелей», как Фениксов, нельзя допускать на пушечный выстрел к руководящим должностям! Почему же нужно тратить на него государственные деньги? Пора покончить с подобными иждивенческими традициями!

Конст. Шишигин».

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

В нашей газете (от 12 октября 1954 года) был помещен фельетон Ксении Арзамасцевой, рассказывающий о злоупотреблениях на Кожкомбинате. Факты, описанные в фельетоне, полностью подтвердились. Следственными органами установлено, что бывший начальник закройного цеха Встанько И. И. организовал систематическое хищение готовых кож с комбината. В закройном цехе в результате заниженных, устаревших норм раскроя создавалась большая «экономия» хромовых кож. Эти кожи утаивались от учета и переправлялись в артель «Наш ремешок» под видом отходов («обрезков»). Бывший председатель артели Д. И. Самозванцев и его сожительница М. И. Бакшиш, известная под кличкой «Королева Марго», организовывали из краденой кожи пошив пальто и сбывали их по спекулятивным ценам.

Дела бывшего начальника закройного цеха Встанько И. И., бывшего председателя артели «Наш ремешок» Самозванцева Д. И., спекулянтки Бакшиш М. И. и ее подручного, закройщика ателье Чижикова Н. Н. переданы в прокуратуру.

На директора Кожкомбината тов. Шагренева наложено взыскание.

* * *

Вот и все. Самое подходящее время ставить точку. А если в романе-фельетоне что не так, то, как говорится, товарищи нас поправят.

СОДЕРЖАНИЕ

Фельетон первый. День рождения	5
Фельетон второй. Тополиная метель	12
Фельетон третий. Рыдающие червонцы	22
Фельетон четвертый. Заговор равных	28
Фельетон пятый. Под сенью развесистой пальмы	38
Фельетон шестой. Для родителей	48
Фельетон седьмой. Мечты по дороге	59
Фельетон восьмой. Разговор Поросятки с Чайником	66
Фельетон девятый. Соловьиный свист	75
Фельетон десятый. Покупатель и продавец, будьте взаимно бдительны!	85
Фельетон одиннадцатый. «Справа — вы, слева — сковородка!»	92
Фельетон двенадцатый. Среди забытых и потерянных	101
Фельетон тринадцатый. Аргонавты	110
Фельетон четырнадцатый. Литбоярин.	120
Фельетон пятнадцатый. Два раза вокруг земного шара.	132
Фельетон шестнадцатый. Сады Восьмиамины	144
Фельетон семнадцатый. Утопленные иллюзии	152
Фельетон восемнадцатый. ... для потомков	167
Фельетон девятнадцатый. Собачье счастье	181
Фельетон двадцатый. Кто смеется последним...	192
Фельетон двадцать первый. Авто-мотобиография	201
Фельетон двадцать второй. История и местком вас оправдают	212
Фельетон двадцать третий. Бригада ННН	224
Фельетон двадцать четвертый. Хождение по мухам	231
Фельетон двадцать пятый. «Красногорское руно»	239
Фельетон двадцать шестой. «Коммутатор слушает!»	255
Фельетон двадцать седьмой. Матвеевич, Прохоровичи и Андреевичи	262
Фельетон двадцать восьмой. Когда горят несгораемые	269
Фельетон двадцать девятый. Не проходите мимо!	278
Э п и л о г	281

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также свои пожелания писателям и издательству.

Пишите по адресу: Москва, А-55, Суцевская, 21. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

Егоров Борис Андрианович
Полищук Ян Азарович
Привалов Борис Авксентьевич
НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО

Редактор *Вл. Котов*
Художественный редактор *В. Бродский*
Технический редактор *Э. Петрова*

*

А06195 Подписано к печати 16/XII 1955 г.
Бумага 60×92¹/₂—9 бум. л.—18 печ. л.
16,6 уч.-изд. л. Тир. 15 000 экз. Цена 6 р. 50 к.
Заказ 2219

*

Типография „Красное знамя“
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сущевская, 21.

6 р. 50 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ